

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИНИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАНКОВСКИЙ Сергей Сергеевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего сектором предпринимательского и корпоративного права, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Курской области.
Почтовый адрес: ул. Радищева, д. 33, г. Курск, Россия, 305000.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАРИНО Иван — кандидат юридических наук, доцент Государственного университета «Ориентале» (Неаполь), руководитель Центра мониторинга политико-правовой системы России Итальянского представительства Фонда конституционных реформ.
Почтовый адрес: виа Карло Поэрио, д. 15, г. Неаполь, Италия, 80121.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа.
Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административно- и муниципального права Саратовской государственной юридической академии.
Почтовый адрес: Вольская ул., д. 1, г. Саратов, Россия, 410056.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.
Почтовый адрес: Соборная ул., д. 23/25, г. Саратов, Россия, 410031.

ЧЕРНЫШОВА Ольга Сергеевна — кандидат юридических наук, руководитель юридического отдела Секретариата Европейского Суда по правам человека.
Почтовый адрес: ЕСПЧ, г. Страсбург, Cedex, Франция, 67075.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кухановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.
ISSN	1994-1471
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru
САЙТ	https://aprp.msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 11178 Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет 00.00.2020 Объем 21,62 усл. печ. л., формат 60×84/8 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная
Переводчики	<i>Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова</i>
Редактор	<i>М. В. Баукина</i>
Корректор	<i>А. Б. Рыбакова</i>
Компьютерная верстка	<i>Д. А. Беляков</i>

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).

Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.

Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).

Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".

Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Sergey S. ZANKOVSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Business and Corporate Law Sector, Chief Scientific Fellow of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

ZAKHAROV Vladimir Viktorovich — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of Kursk Region.

Mailing address: ul. Radishcheva, d. 33, Kursk, Russia, 305000.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Ivan MARINO — PhD in Law, Associate Professor of the University of Naples «L'Orientale», Head of the Monitoring Center for the Political and Legal System of Russia, Head of the Italian Representative Office of the Constitutional Reforms Foundation.
Mailing address: via Carlo Poerio, 15, 80121, Napoli, Italia.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: Volskaya ul., d. 1, Saratov, Russia, 410056.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novochemushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Service and Labour Law of the Povolzhsky Institute of Government named after P.A. Stolypin.
Mailing address: Sobornaya ul., d. 23/25, Saratov, Russia, 410031.

Olga S. CHERNISHOVA — PhD in Law, Head of Legal Division at the Registry of the European Court of Human Rights.
Mailing address: European Court of Human Rights, 67075 Strasbourg Cedex, France.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: aprp.msal@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

00.00.2020
Volume: 21.62 conventional printer's sheets, format 60x84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editor

M. V. Baukina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Верещагина А. В., Омеляненко М. Е. Институализация юстиции в нормах Русской Правды	11
Аминов И. И. Причины и результаты подчинения среднеазиатских ханств Российской империей (1860—1890-е гг.)	24
Елчиев М. Ф. Тенденции развития деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.	36

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Зайнитдинов Н. А. Указание национальности в паспорте гражданина Российской Федерации как форма реализации права на национальную принадлежность	46
---	----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Яковлева И. А. Мировое соглашение в административном споре: проблемы теории и тенденции в правоприменительной практике	54
--	----

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Ядрихинский С. А. Принцип приоритета публичных интересов в финансовой деятельности государства: поиск компромисса	62
---	----

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА И БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Брит Н. Н. Особенности и перспективы развития института платежных агентов	72
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав	81
Зыков С. В. Расторжение брака: взаимосвязь правового и социального аспектов	92

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

Городнова О. Н., Макарушкова А. А. Проблемы и перспективы правового регулирования статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия, в гражданском процессе	103
--	-----

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Филющенко Л. И. Гарантии прав работников при нормировании труда	116
--	-----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Филатьев В. А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: проблема детерминированности	124
--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Молчанов Н. А., Матевосова Е. К.** Концептуально-политический и формально-юридический анализ Парижского призыва к доверию и безопасности в киберпространстве и российские инициативы в области международного права 133

ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО

- Калиниченко П. А.** Применение права ЕС российскими судами в условиях избирательного взаимодействия между Россией и ЕС 142

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Жукова С. С.** Групповое совершение преступления по англосаксонскому уголовному праву: особенности законодательной регламентации 151

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Елькина А. В., Тювин А. А.** Правовое обеспечение организации работы прокуратуры закрытого административно-территориального образования 161
- Головко И. И.** Особенности субъектного состава гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений с участием прокурора 168

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

- Доценко А. С.** О понятии правового просвещения 179

Contents

PAGES OF HISTORY

- Vereshchagina A. V., Omelyanenko M. E.** Institutionalization of Justice
in the Provisions of Russkaya Pravda (Russian Justice) 11
- Aminov I. I.** Causes and Results of Subjection of Central Asian
Khanates to the Russian Empire (1860—1890s) 24
- Elchiev M. F.** Tendencies of Development of Activities of a Prosecutor
in Elimination of Obstacles to Consideration and Resolution
of Criminal Cases under the 1864 Charter of Criminal Proceedings 36

STATE POWER AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

- Zainitdinov N. A.** Indication of Nationality in the Passport of a Citizen
of the Russian Federation as a Form of Implementation of the Right to Nationality 46

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCESS

- Yakovleva I. A.** A Settlement Agreement in an Administrative
Dispute: Problems of Theory and Tendencies in Law Enforcement 54

FINANCIAL LAW

- Yadrikhinskiy S. A.** The Principle of Priority of Public Interests
in Financial Activity of the State: In Search for a Compromise 62

BANKING SYSTEM AND BANKING ACTIVITY

- Brit N. N.** Features and Prospects of Development
of the Institution of Paying Agents 72

CIVIL AND FAMILY LAW

- Egorova M. A., Kozhevina O. V.** The Role of a Cryptocurrency
in the System of Objects of Civil Law Rights 81
- Zykov S. V.** Dissolution of Marriage:
An Interrelation between Legal and Social Aspects 92

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE

- Gorodnova O. N., Makarushkova A. A.** Problems and Prospects
of Legal Regulation of the Status of Persons Contributing
to the Administration of Justice in Civil Proceedings 103

LABOUR RELATIONS AND SOCIAL SECURITY

- Filyushchenko L. I.** Guarantees of the Rights
of Workers in the Labor Regulation 116

CRIMINAL PROCEDURE

- Filatiev V. A.** Remand in Custody as Part
of a Sentence: Problem of Determination 124

INTERNATIONAL LAW

- Molchanov N. A., Matevosova E. K.** Conceptual Political and Formal Legal Analysis of the Paris Call for Trust and Security in Cyberspace and Russian Initiatives in the Field of International Law 133

INTEGRATION LAW

- Kalinichenko P. A.** Application of the EU Law in Russian Courts in the Conditions of the Selective Interaction between Russia and the EU 142

FOREIGN EXPERIENCE

- Zhukova S. S.** Organized Crime under Anglo-Saxon Criminal Law: Features of Legislative Regulation 151

LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Elkina A. V., Tyuvin A. A.** Legal Support for the Work Organization of a Closed Administrative and Territorial Unit Prosecutor's Office 161
- Golovko I. I.** Parties Involved in Civil and Arbitrazh Procedural Relations with the Prosecutor's Participation 168

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

- Dotsenko A. S.** On the Concept of Legal Education 179

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.011-023

А. В. Верещагина*,
М. Е. Омеляненко**

Институализация юстиции в нормах Русской Правды

Аннотация. Существуют многочисленные исследования, посвященные феномену Русской Правды. Однако до настоящего времени не появилось целостного, насколько это возможно с учетом скудости аутентичных источников, описания судоустройства Древней Руси.

Анализ норм наиболее известных списков Русской Правды и имеющихся исследований позволил сформулировать ряд положений.

Юстиция Древней Руси носила полисистемный характер и состояла из 4 относительно самостоятельных систем: общинной, вотчинной, церковной и княжеской, что было следствием сохранения элементов родо-племенного уклада и происходивших социальной стратификации, активного политогенеза и христианизации. Организация государственной власти, включая судебную систему, основывалась на принципе сюзеренитета-вассалитета, т.е. лица, занимавшиеся отправлением правосудия, были слугами князя, которым он делегировал судебные полномочия. Компетенция должностных лиц, занимавшихся судебной деятельностью, диверсифицировалась по предметному, территориальному и персональному критериям. В системе полномочий должностных лиц, занимавшихся судебной деятельностью, самыми важными были право собирания пошлин и штрафов и применения наказания. Система судебных должностных лиц по Русской Правде является некой матрицей, лежащей в основе последующей институализации судебных органов. Совокупность полномочий должностных лиц, занимавшихся досудебной подготовкой материалов и исполнением решений, позволяет предположить, что, несмотря на единство процедуры разрешения всех видов «тяжеб», законодатель различал гражданско- и уголовно-правовые споры.

Ключевые слова: Русская Правда; судоустройство; судопроизводство; полисистемность юстиции; князь; наместник; тиун; вирник; емец; мытник; отрок; детский; ябедник; мечник; книжный писец.

Для цитирования: Верещагина А. В., Омеляненко М. Е. Институализация юстиции в нормах Русской Правды // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 11—23. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.011-023.

© Верещагина А. В., Омеляненко М. Е., 2020

* Верещагина Алла Васильевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
Ул. Гоголя, д. 41, г. Владивосток, Россия, 690014
alla.vereschagina@vvsu.ru

** Омеляненко Мария Евгеньевна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
Ул. Гоголя, д. 41, г. Владивосток, Россия, 690014
Mariya.Omelyanenko@vvsu.ru

Institutionalization of Justice in the Provisions of Russkaya Pravda (Russian Justice)

Alla V. Vereshchagina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Vladivostok State University of Economics and Service
ul. Gogolya, d. 41, Vladivostok, Russia, 690014
alla.vereschagina@vvsu.ru

Maria E. Omelyanenko, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines, Vladivostok State University of Economics and Service
ul. Gogolya, d. 41, Vladivostok, Russia, 690014
Mariya.Omelyanenko@vvsu.ru

Abstract. The phenomenon of Russkaya Pravda (Russian Justice) has been the subject of numerous studies. However, until now there has not been any exhaustively complete description of the judicial system of Ancient Russia due to scarcity of authentic sources.

An analysis of the provisions of the most well-known copies of Russkaya Pravda (Russian Justice) and available research have resulted in making a number of statements.

The system of justice in Ancient Russia was multisystematic in character and consisted of 4 relatively independent systems: communal, patrimonial, ecclesiastical and princely. The system under consideration had developed as a result of preservation of tribal elements and social stratification, active political genesis and Christianization. The organization of government, including the judicial system, was based on the principle of suzerainty-vassalage, i.e. the persons involved in the administration of justice were servants of the Prince who delegated judicial power to them. The competence of judicial officials was diversified according to the subject matter, territorial and personal criteria. In the system of powers of judicial officials, the powers to charge fees and fines and to impose penalties were the most important. Under Russkaya Pravda (Russian Justice) the system of judicial officials represents a kind of matrix underlying the subsequent institutionalization of judicial bodies.

The complex of powers of officials dealing with pre-trial preparation of cases and enforcement of judgments proves that, despite the unity of the procedure for resolving all types of "grievances," the law-maker distinguished civil and criminal disputes.

Keywords: Russkaya Pravda (Russian Justice); system of courts; judicial proceedings; polysystemicity of justice; Prince, governor; tiun; virnik; emets; mytnik; odolescent; children; informer; swordsman; book scribe.

Cite as: Vereshchagina AV, Omelyanenko ME. Instiutalizatsiya yustitsii v normakh Russkoy Pravdy [Institutionalization of Justice in the Provisions of Russkaya Pravda (Russian Justice)]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):011-023. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.011-023. (In Russ., abstract in Eng.)

Русской Правде посвящены многочисленные разноплановые публикации, все многообразие которых можно классифицировать по нескольким критериям:

1) временному — исследования дореволюционные (Н. Л. Дювернуа, Н. В. Калачов, Н. И. Ланге, П. Н. Мрочек-Дроздовский и др.), советского (А. А. Зимин, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Э. М. Черниловский, С. В. Юшков и др.) и постсоветского (Н. Ф. Котляр, М. Б. Свердлов, В. А. Томсинов, А. П. Толочко и др.) периодов;

2) содержательному — посвященные генезису, социально-экономическому контексту появления Русской Правды, отдельных аспектов нормативного регулирования (гражданско-правового, уголовно-правового, процессуального и пр.) (А. О. Иншакова, В. Е. Лоба, С. Н. Малахов, В. И. Меркулов, В. М. Шинкарук и др.).

Помимо отечественных авторов, Русская Правда интересует зарубежных ученых (Л. К Гетц, Д. Х. Кайзер, П. Ш. Левек, Н. Г. Леклерк, Г. Л. Фриз, Д. Штраух, И. Ф. Г. Эверс и др.).

Несмотря на обширную библиографию, до настоящего времени не появилось работ, в которых бы предпринимались попытки, опираясь на нормы Русской Правды и имеющиеся результаты научных исследований, реконструировать существовавшее в ту пору судоустройство. Обычно изложение этого вопроса ограничивается более или менее подробным перечислением должностных лиц, отправлявших те или иные полномочия в судебной сфере.

Информация о судоустройстве Древней Руси достаточно скудна, но тем не менее анализ различных списков Русской Правды¹ позволяет выявить некоторые судоустроительные черты древнеславянской юстиции.

По мнению С. В. Юшкова, древнерусским княжествам присущи типичные для раннефеодального государства отношения сюзеренитета-вассалитета, предполагающие феодальную иерархию². Академик Л. В. Черепнин подчеркивает, что «...генезис феодализма начинается в рамках предшествующей формации; если дело идет о Руси, то — первобытно-общинной...» и его исток «окняжение» (подчинение власти князя — военного предводителя) территорий соседних общин и превращение дани в феодальную ренту³.

Отмеченные выше особенности государственности древних славян отражаются в организации юстиции и разрешении споров, что наиболее ярко проявляется:

- 1) в полисистемности (наличие нескольких относительно самостоятельных систем отправ-

ления правосудия — общинная, церковная, вотчинная и княжеская);

- 2) феодальном характере взаимоотношений между князем как верховным правителем и судьей и иными лицами, которым князь делегировал судебные полномочия;
- 3) коллективной ответственности общины за совершенные общинниками преступления;
- 4) широком применении обычаев.

Каждая из перечисленных «юстиций» обладала собственной компетенцией.

1. Общинный суд имманентен первобытному социуму, в недрах которого, повторимся, формировалась государственность славян. Это суд родовой общины (вервь), члены которой связаны между собой кровными узами. Один из первых исследователей древнего судопроизводства А. Куницын подчеркивал, что вервь есть «судебное ведомство» живущих в одном «ведомстве» (вероятно, территории) свободных людей, вступающих «во взаимное ручательство»⁴. Обосновывая свою позицию, А. Куницын ссылаясь на этимологию слова «вервь», видя в нем древнефрисландское происхождение: *Liuda Werf* — «народное собрание, судь народной»⁵ (орфография первоисточника. — А. В., М. О.).

Некоторые исследователи считают, что в рассматриваемый период община-вервь была скорее соседской и ее члены в нее не полностью интегрированы⁶. По вполне понятным причинам достоверно судить о том, что в большей степени связывало членов общины — родственные или

¹ При проведении исследования авторы преимущественно опирались на наиболее известные и распространенные списки Русской Правды: Академический, Троицкий, Карамзинский, Толстовский и список князя Оболенского. Далее в тексте нормы Русской Правды цитируются по изданию: *Калачова Н. В.* Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. Изд. 4-е (без перемен). М.: Тип. Августа Семена, 1846.

² *Юшков С. В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939. С. 176.

³ *Древнерусское государство и его международное значение* / А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин; под ред. В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина; Академия наук СССР, Институт истории. М.: Наука, 1965. С. 145.

⁴ *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб.: Тип. II Отд. С. Е. И. В. Канцелярии, 1843. С. 9.

⁵ *Куницын А.* Указ. соч. С. 10.

Фрисландия (Фризия) — королевство, существовавшее в VI—VIII вв. на территориях современных Нидерландов и Северной Германии. Фризский язык относится к западной группе германских языков.

⁶ *Свердлов М. Б.* Правда Русская как источник для изучения стратификации древнерусского сельского населения конца XI — первой трети XII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы

соседские связи, достаточно сложно. Сам факт появления писаного источника права, нормы которого должны были обеспечить единообразие в разрешении конфликтов в социальных, а не общинных интересах, свидетельствует о замене (или начале процесса замены) кровнородственных отношений соседскими. Тем не менее и тогда, и в более поздний период именно сход всех членов общины разрешал споры между общинниками о перераспределении земельных наделов, об аккумуляровании пустующих и брошенных земель и пр.⁷ В модифицированном виде этот институт (мир) сохранился до начала XX в.

Одной из форм общинного правосудия являлось вече, которое в современном понимании, по нашему мнению, являлось судом *ad hoc*. К его юрисдикции относилось рассмотрение дел в отношении представителей власти, виновных в неудачном правлении и злоупотреблениях, и других лиц, которые причинили вред всему обществу.

2. Вотчинный суд. Появление вотчинных судов — следствие происходившей стратификации, объективированной в различных формах личной зависимости (рядовичи, закупы, вдачи), вплоть до полной утраты личной свободы (пohлопления)⁸. К прерогативе господина в отношении лично зависимых от него лиц относились малозначительные правонарушения и некоторые гражданско-правовые споры. Решения принимались на основе норм обычного права⁹.

Вотчинная юстиция в России сохранилась до отмены крепостного права в 1861 г. Собственно, отмена крепостного права явилась одной из основных причин проведения судебной реформы 1864 г. — возникла необходимость в судах, к ведению которых была бы отнесена юрисдикция помещиков дореформенного периода.

3. Церковный суд. Очевидно, что появление церковного суда связано с христианизацией Руси. Его компетенция очерчивалась уставами князей Владимира и Ярослава и касалась всех отношений гражданской жизни, связанных с религией и нравственностью.

Дела, отнесенные к юрисдикции церковного суда, условно можно разделить на три категории: — греховные без признаков состава преступления, например волхование, браки близких родственников, развод по согласию супругов и т.п. Такие дела рассматривал епископ без княжеского судьи и по церковным законам; — церковно-преступные, например изнасилование, односторонний развод по инициативе мужа без вины жены, оскорбление женской чести, блуд, убийство, поджог гумна и т.п., относившиеся к совместному ведению княжеского и церковного судей; — в отношении духовных лиц, которые разрешались церковной властью¹⁰.

4. Княжеский суд — это прообраз юстиции в современном ее понимании как обязательного атрибута государственно-организованного общества. «Окняжение» соседских общин и формирование управленческих структур, вычленившихся из общинных, детерминировало создание системы должностных лиц, отправляющих правосудие, иногда наряду с выполнением других возложенных на них обязанностей.

«Вершиной» княжеской юстиции был сам князь — верховный правитель, законодатель и правоприменитель. Именно так определен его статус в преамбуле Русской Правды, в которой указано, что князь Ярослав *даровал акт* новгородцам.

«Становление князя как органа, занимающегося отправлением правосудия, стало естествен-

X—XXI вв.: источники и методы исследования : материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е. Н. Швейковская ; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. Рязань, 2012. С. 46.

⁷ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. URL: <http://dugward.ru/library/gosipravo/vladimirskiy-budanov.html> (дата обращения: 11.02.2019).

⁸ *Свердлов М. Б.* Указ. соч. С. 46.

⁹ *Чельцов-Бебутов М. А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовно-процесса в рабовладельческих, феодальных буржуазных государствах. СПб. : Альфа, Равена, 1995 URL: <https://lawbook.online/zakonodatilstvo-sovetskoe/kurs-sovetskogo-ugolovnoprotsessualnogo-prava.html> (дата обращения: 11.02.2019).

¹⁰ *Чельцов-Бебутов М. А.* Указ. соч.

ным результатом развития общественно-правовой системы Руси», — пишет Н. Л. Дювернуа. Аргументируя свою позицию, он ссылается на нормы Русской Правды, очерчивавшие судебную компетенцию князя.

Княжескому суду подлежали дела:

- 1) об убийстве свободных людей (смердов) («безъ княжа слова нельзя умучить смерда» — ст. 31 Русской Правды по Академическому списку; ст. 71 Русской Правды по Троицкому списку; ст. 89 Русской Правды по Карамзинскому списку);
- 2) по спорам между закупом (лицо, взявшее в долг, но сохранившее права свободного человека) и господином («закупъ обиды дѣля своего господина бѣжитъ къ князю или к судіямъ» — ст. 70 Русской Правды по Карамзинскому списку);
- 3) в отношении холопов княжеских вассалов (ст. 42 Русской Правды по Троицкому списку), что не соответствовало подходу «Вассал моего вассала не мой вассал», свойственному, например, средневековой Франции¹¹.

Приведенные нормы позволяют предположить, что юрисдикция князя распространялась прежде всего на лиц, обладавших личной свободой, и холопов его вассалов. Кроме того, прерогативой княжеского суда было разрешение конфликтов между представителями различных социальных групп (разных общин, этнической принадлежности и пр.)¹², что вполне объяснимо причинами появления «надобщинной» княжеской власти.

Отправление правосудия для князя право, а не обязанность¹³. Это право князь мог делегировать наместникам и волостелям и «...раз-

делял... со своей дружиной, а позднее с боярами»¹⁴.

Наместники и волостели — это посаженные князем на местах бояре. Термин «боярин» в тот период еще не конкретизирован. Чаще всего так обозначался человек, принадлежащий к правящему слою. В Русской Правде они именовались или «княж муж», т.е. знать, находящаяся на княжеской службе, или «муж» или «господин», к которым относились различной степени богатства и состояния лично свободные люди¹⁵. Они собирали для князя и для себя с местного населения «корм». В доход государства и для корма собирались судебные пошлины, штрафы и средства от исполнения решений суда, которые поступали в натуральном и денежном выражении.

О том, что «княж муж» — родовое понятие, охватывающее все многообразие различных должностных лиц, состоявших на службе у князя, косвенно свидетельствует имеющаяся в Русской Правде регламентация, закрепляющая их особую защиту и подчеркивающая привилегированное положение. Наряду с использованием термина «княж муж», в Русской Правде содержатся указания на конкретные должности, при этом ответственность за совершение противоправных деяний в отношении и «княж мужей», и конкретных княжеских должностных лиц одинакова. Например, за убийство княжьего мужа, княжеского огнищанина (управляющего хозяйством княжеского двора) или княжеского подъездного предусматривалась оплата двойной виры — 80 гривен (ст. 1 Русской Правды по Троицкому списку; ст. 19 Русской Правды по Академическому списку). Если убийца не был

¹¹ Качановский Ю. В. Феодальное право Западной Европы. Хабаровск : Изд-во ХГАЭП, 1997. URL: <https://www.freedomdocs.xyz/pdf-438253442> (дата обращения: 01.02.2019).

¹² Чебаненко С. Б. Воздействие княжеской власти на общинные институты и процессуальные действия в сфере разрешения конфликтов в домонгольской Руси (XI — начало XIII в.) // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и филология. 2008. № 2. С. 22.

¹³ Дювернуа Н. Л. Источники права и суд в Древней России. Опыт по истории русского гражданского права. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. С. 156—158.

¹⁴ Греков Б. Д. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937. С. 21—22.

¹⁵ Максимейко Н. А. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. I : Краткая редакция. Харьков : Тип. и литогр. ; М. Зильберберг и с-вья, 1914. С. 58, 77.

установлен, а вервь, на территории которой совершено преступление, не искала его, то виру выплачивала община (ст. 3 Русской Правды по Троицкому списку; ст. 20 Русской Правды по Академическому списку). Суммы огромные: 80 гривен — это около 15,5 кг серебра при весовой норме гривны 196 г серебра и около 4 кг серебра при весовой норме 51 г¹⁶.

Словом, к княжьим мужам относились все лица, находившиеся на службе князя, в том числе наделенные полномочиями по разрешению споров. Помимо указанных выше наместников и волостелей — ставленников князя на местах, это тиуны, вирники, емцы, ябетники, мытники, мечники, отроки и детские, а также книжные писцы¹⁷. Большая часть перечисленных лиц (вирники, емцы, мытники, отроки, детские) наделались правом исполнения наказания и сбора штрафов, пошлин и пр.

Лаконичность нормативных положений Русской Правды не позволяет четко разграничить компетенцию означенных должностных лиц: в каких случаях они могли или не могли заниматься сбором виры и (или) участвовать в исполнении наказания. Важно другое — обширный перечень должностных лиц, занимавшихся сбором пошлин, штрафов и т.п. и исполняющих наказание, свидетельствует о значимости таких аспектов судебной деятельности для князя и его администрации, что вполне объективно. Можно сколько угодно долго рассуждать на отвлеченные темы о значении правосудия и пр., реалии куда прозаичнее. Право князя на отправление правосудия, вероятно, рассматривалось им как один из способов укрепления своей власти. И тогда, и сейчас есть две основных равноценных составляющих реальной, а не мнимой власти — сила и деньги (деньги и сила). Как отмечалось, распространение власти князя на территорию происходило путем взимания дани с населяющего ее племени и назначения представителя княжеской власти (наместника)

для управления и правосудия. Взимание дани являлось одной из форм властвования князя¹⁸.

В судебной деятельности укрепление имущественных позиций княжеской администрации происходило через право на сбор штрафов и пошлин, а право наказания являлось подтверждением ее силы. В условиях только начинавшейся институализации княжеской власти эти феномены (сила и деньги) имели особое значение. Кроме того, ряд положений Русской Правды позволяет выдвинуть гипотезу: несмотря на единство процедуры разрешения различных видов споров, древнерусский законодатель все-таки различал гражданско-правовые и уголовно-правовые правоотношения, поэтому для проведения досудебных процедур, взимания платежей и исполнения решений по обоим видам споров определялись самостоятельные должностные лица — соответственно 1) мытник и детский и 2) ябетник и мечник.

В системе должностных лиц, занимавшихся отправлением правосудия, ближайшими помощниками наместника (волостеля) были **тиуны**. Слово «тиун» («тивун») образовано от древнескандинавского слова *thiun* и означает название различных должностных лиц, обладающих судебными функциями. Тиуны являлись помощниками в управлении и отправлении правосудия. В Русской Правде упоминаются несколько видов тиунов, каждый из них занимался разрешением споров только в той сфере, которую он курировал. Так, упоминавшийся выше *княжеский огнищный (огнищанин)*, позднее называвшийся дворцовым тиуном, нес ответственность за дом и двор князя и занимал наивысшую ступень в иерархии тиунов. В обязанности *конюшного (конюшенного) тиуна* входила организация работы на конюшне, ответственность за табун лошадей и стойла. *Сельский (посельский) тиун* ведал княжескими (и боярскими) селами и всеми сельскохозяйственными угодьями феодала. *Ратайный тиун* руководил пахотными

¹⁶ Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 45.

¹⁷ Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М. : Типография А. И. Мамонтова, 1867. С. 352—353.

¹⁸ Момотов В. В. Формирование русского средневекового права в IX—XIV вв. : монография. М. : Зерцало-М, 2003. С. 58, 104.

и полевыми работами¹⁹. В строгом разграничении предметов ведения тиунов можно усмотреть начало формирования правил определения подсудности по предметному и территориальному критериям: юрисдикция каждого тиуна определялась сферой его деятельности в рамках определенной территории.

Как следует из анализа нормы ст. 104 Русской Правды по Троицкому списку, человек, принявший должность тиуна, переходил в разряд холопов, т.е. лично зависимых людей. Русская Правда причисляет несение «тивуньской» службы «без ряду» (договора) к основаниям появления личной зависимости (холопства) (ст. 21 Русской Правды по Троицкому списку; ст. 1 Русской Правды по Карамзинскому списку и списку князя Оболенского). Для сохранения свободы необходимо было заключить специальный договор (ст. 121 Русской Правды по Карамзинскому списку). Однако, как отмечают исследователи, такие договоры были редки, поэтому тиуны считались людьми несвободными²⁰. Иное, менее категоричное мнение на этот счет высказано М. Б. Свердловым: «Не ясно, мог ли простой свободный общинник стать холопом-тиуном без “ряда” или по обрядовой процедуре повязывания ключа без договора...»²¹ (ст. 110 Русская Правда по Троицкому списку).

Вне зависимости от того, был или не был тиун холопом, он, как член княжеской администрации, подлежал особой защите, на что указывают большие размеры виры за его убийство. Размер штрафа варьировался в зависимости от места тиуна в «тиунской иерархии». Повторимся, убийство княжеского огнищого (огнищанина)

оценивалось в 80 гривен, боярского тиуна — в 40, а ратайного или сельского тиуна в 12 гривен (ст. 9—11 Русской Правды по Карамзинскому списку).

Вирник — лицо, являвшееся уголовным судьей и взыскивавшее виру — штраф, налагаемый за убийство, который взимался в казну князя²². Деятельность Яня Вышатича на Белоозере при подавлении народных волнений, спровоцированных волхвами, подтверждает такой статус вирника²³.

В литературе встречается тройное понимание виры:

- 1) частное вознаграждение, которое трансформировалось в сборы в пользу князя²⁴;
- 2) вознаграждение мстителем за утраченное право кровной мести (головничество)²⁵;
- 3) коллективная выплата верви²⁶.

Вирник впоследствии стал называться недельщиком.

В отличие от тиунов, вирники при поступлении на службу не становились холопами. О какой-либо иерархии вирников в нормах Русской Правды не упоминается, что позволяет предположить их непосредственную подчиненность князю и служит дополнительным подтверждением значения для князя в реализации судебной функции права на сбор разного рода платежей.

Во время сбора виры вирники и их помощники могли оставаться в городе или волости не более одной недели. Видимо, потому, что их более длительное нахождение было бы слишком тягостным для населения. Наше предположение основано на размерах содержания вирника

---

¹⁹ Каптерев Н. Ф. Светские архиерейские чиновники в Древней Руси. М. : Тип. «Соврем. изв.», 1874. С. 150—151.

²⁰ Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч.

²¹ Свердлов М. Б. Указ. соч. С. 47.

²² См.: Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права. М. : Универ. тип., 1860. С. 127, 128 ; Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. М. : Унив. тип. (Катков), 1885. Вып. 2 : Текст Русской Правды с объяснением отдельных слов. С. 17, 138.

²³ Горский А. А. Янь Вышатич и Правда Русская // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. 2015. № 4. С. 20—25.

²⁴ Мрочек-Дроздовский П. Н. Указ. соч. С. 138.

²⁵ Власьев Н. Указ. соч. С. 128.

²⁶ Власьев Н. Указ. соч. С. 127.

и его помощника (ст. 7 Русской Правды по Карамзинскому и Толстовскому спискам), которым выплачивалось 7 ведер солода в неделю, сверх того баран или «полоть» мяса либо деньги 2 ногаты (5 кун), в среду и пятницу — по одному куну и сыру; по 2 курицы в день в течение недели; 7 хлебов на неделю и 7 мер пшена, столько же гороха и головок соли. Предоставлялось также 4 лошади и полагалось давать для них овса «сколько съедят». Сборщику виры выплачивалось 8 гривен и 10 кун «перекладного» («ссадного») — пошлина за въезд и выезд с территории общины. Размер сборов варьировался в зависимости от взыскиваемой суммы. Если вира составляла 80 гривен, то вирник получал 16 гривен, 10 кун, 12 векш и 1 гривну перекладного (ст. 7 Русской Правды по Толстовскому списку; ст. 8 Русской Правды по Карамзинскому списку). Чтобы оценить обременительность содержания вирника и его помощников, приведем несколько примеров: корова стоила 1—2 гривны, свинья — 5 кун и т.д.²⁷

Практика разъезда государственных агентов по уездам и волостям для выполнения возложенных на них функций характерна не только для Руси. В средневековой Англии королевское влияние осуществлялось через институт выездных судей. Таким приемом князь прежде всего укреплял свою власть через реализацию прерогативы на разрешение споров на подчиненных территориях.

Помощник вирника назывался **емец**. Вирник и емец совместно занимались сбором продажи — платы, взыскиваемой за кражу в казну князя. Термин «емец» упоминается в Русской Правде по Академическому списку единожды (ст. 41) — как сборщик дани, что делает затруднительным конкретизацию его компетенции. В научной литературе указывается, что емец за-

нимался также поимкой вора и изъятием краденых вещей, однако аргументов, подкрепляющих данное суждение, не приводится²⁸. Если это так, то можно предположить, что в процессе сбора податей и штрафов вирник занимался разрешением споров и в этом ему содействовал емец, который осуществлял в том числе розыск винного и похищенного.

К полномочиям **мытника** относились сбор торговых и до некоторого времени проезжих пошлин²⁹, а также контроль за соблюдением установленных княжеской властью правил торговли на рынке (ст. 11 Русской Правды по Толстовскому списку). Особое значение имели показания мытника, данные при проведении свода. Тяжущиеся при разрешении спора о принадлежности вещи либо представляли показания двух послухов из числа свободных людей, либо приглашали мытника, свидетельствующего об оплате или неоплате пошлины при покупке вещи (ст. 32, 35 Русской Правды по Троицкому списку).

В литературе нет единого понимания сущности процедуры свода. Доминирующей является точка зрения о том, что это виндикационный иск (М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. Л. Дювернуа, Н. Б. Калачов, Ф. Л. Морошкин и др.). Некоторые авторы под сводом понимают очную ставку (Н. И. Ланге, С. П. Пахман и В. И. Сергеевич) или рассматривают его как особую форму уголовного судопроизводства (Ф. И. Леонтович). По мнению С. В. Юшкова, свод — это досудебная процедура по установлению сторон спора³⁰.

Безусловна прелиминарность свода, результаты которого могли конкретизировать сущность спора — является ли он гражданско- или уголовно-правовым. Тем не менее, поскольку при проведении свода речь шла об установлении вещного права у лица и с учетом иных полномочий мытника, можно резюмировать: деятель-

²⁷ Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. М. : Либроком, 2011. URL: <http://statehistory.ru/3456/Istoriya-tsen-Drevney-Rusi/> (дата обращения: 12.02.2019).

²⁸ Федоров А. В., Шахматов А. В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. СПб. : Юридический центр, 2005. URL: <http://iknigi.net/avtor-aleksandr-fedorov/109542-pravovoe-regulirovanie-sodeystviya-grazhdan-organam-osuschestvlyayuschim-operativno-rozysknuyu-deyatelnost-aleksandr-fedorov.html> (дата обращения: 01.02.2019).

²⁹ Мрочек-Дроздовский П. Н. Указ. соч. С. 204—205.

³⁰ Подробнее обзор точек зрения см.: Момотов В. В. Указ. соч. С. 351.

ность мытника носила явно гражданско-правовой характер.

О том же (гражданско-правовом характере деятельности) можно говорить и применительно к **детскому**, являвшемуся свободным и находившемуся на княжеской службе. Он наблюдал за испытанием железом и исполнял решения суда, например о дележе имущества между братьями. Его деятельность профессор П. Н. Мрочек-Дроздовский характеризовал как «приставство»³¹.

Сочетание в деятельности детского двух означенных полномочий подтверждает наше предположение о том, что он привлекался к участию в разрешении гражданско-правовых споров. Дальнейшее развитие полномочий детского приобретает гражданско-правовой характер и является дополнительным аргументом в пользу нашей гипотезы. То обстоятельство, что он был приставлен наблюдать за соблюдением правил проведения ордалий означает лишь нераздельность системы доказательств, использовавшихся при разрешении всех видов споров в частно-исковом процессе. За свою деятельность по обеспечению процедуры проведения испытания железом детский получал вознаграждение в полгривны (ст. 100 Русской Правды по Троицкому списку; ст. 100, 117 Русской Правды по Карамзинскому списку).

В отличие от мытника и детского, деятельность **ябетника (ябедника)** в современном понимании скорее уголовно-процессуальная. Как отмечает А. П. Толочко, домонгольским источникам этот термин неизвестен, за исключением ст. 1 Русской Правды по Академическому списку (Краткая редакция, если считать, что это домонгольский источник)³². Слово «ябеда» заимство-

вано из древнескандинавского *embaetti*, которое означало «служба, должность». Ябетник был «довотчиком» («доводчиком»), т.е. лицом, готовившим материалы для рассмотрения судом (ст. 1 Русской Правды по Академическому списку). Ябетник также оказывал помощь в составлении челобитных, прошений и т.д., информировал о происшествиях, оказывал помощь в «гонении следа» и т.п. Можно провести некоторые параллели между компетенцией ябетника и органов предварительного расследования, особенно дознания (розыск и предварительная подготовка материалов для суда).

Еще одно упоминаемое в Русской Правде (Краткая редакция) должностное лицо, связанное с отправлением правосудия, — **мечник (метелник)**. По мнению А. Я. Дегтярёва, Краткая редакция появилась позже, чем Пространная³³, как чрезвычайный акт, подготовленный во время волнений в Киеве в 1068 г. В этом документе содержатся преимущественно уголовно-правовые нормы, заимствованные из Пространной редакции, дополненные положениями, ужесточившими репрессию за совершение некоторых противоправных деяний³⁴. Три из 43 статей Краткой редакции касаются обслуживания «...этого “уголовного кодекса”...»³⁵. К числу таких норм относится и норма о мечнике, который обеспечивал порядок при разрешении споров и совершении некоторых действий доказательственного значения с целью тщательного соблюдения процедуры, например при испытании железом. Вероятно, ему поручалась поимка преступника и заведование местами содержания лиц, совершивших кражи и разные «обиды» (ст. 7, 99 Русской Правды по Троицкому списку; ст. 7, 118 Русской Правды по Карамзинскому списку)³⁶.

---

³¹ Мрочек-Дроздовский П. Н. Указ. соч.. С. 159—160.

³² Толочко А. П. Краткая редакция Правды Русской: происхождение текста. К. : Институт історії України НАН України, 2009. С. 23.

³³ Известны всего два списка Краткой редакции Русской Правды (Академический и Археографический), значительно больше списков Пространной редакции Русской Правды — свыше 100.

³⁴ Дегтярёв А. Я. Русская Правда краткой редакции: к истории рождения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2016. Вып. 5. С. 120—121.

³⁵ Дегтярёв А. Я. Указ. соч. С. 121.

³⁶ Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / предисл. А. Д. Каплина ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. URL: <https://scicenter.online/istoriya-prava-scicenter/>

Есть и иное суждение о мечнике (метельнике), который отождествляется с емцем, и его обязанности сводятся только к сбору податей³⁷. С данной позицией сложно согласиться, поскольку приведенные выше нормы Русской Правды, имеющиеся исследования, позволяют сделать вывод о более широких полномочиях мечника в судебной сфере.

Оформлением судебных актов в письменном виде занимался специальный субъект — **книжный писец**, за что он получал жалование в размере 10 кун с каждого дела (ст. 67 Русской Правды по Карамзинскому списку; ст. 85 Русской Правды по списку князя Оболенского).

Особняком в системе должностных лиц, действовавших в правосудной деятельности, стоит фигура **отрока**. Отроками в X—XI вв. называли младших дружинников, князей и других влиятельных особ, принимавших участие в походах и сборе дани. Отроки ведали княжеским хозяйством и находились у него в личном услужении. В соответствии с нормами Русской Правды отроки — это лица низшей княжеской администрации, осуществлявшие суд и взыскание долгов (ст. 7, 9, 16, 67, 91, 108 Русской Правды по Троицкому списку; ст. 7, 9, 16, 85, 109, 125 Русской Правды по Карамзинскому списку).

Поскольку отроки являлись младшими членами княжеской дружины, которая «...строилась на принципах личной верности князю, находилась вне общины... была оторвана от нее как территориально, так и социально...»³⁸, можно предположить, что их юрисдикция распространялась только на дружинников, а при совершении походов и на других лиц.

1. Как следует из изложенного, в Древней Руси княжеская юстиция представляла достаточно сложную иерархическую систему, вершиной которой был князь, делегировавший полномочия своим наместникам и волостелям, которые, в свою очередь, диверсифицировали выполнение судебных функций в соответствии с пред-

метом их ведения между тиунами. В отправлении правосудия этим лицам оказывали содействие мытники, ябетники, детские, мечники, книжные писцы. Полномочия перечисленных лиц четко не прописаны, тем не менее можно утверждать, что мытники и ябетники занимались предварительной подготовкой материалов соответственно по гражданским и уголовным спорам. Детские и мечники участвовали в доказывании, обеспечивая соблюдение процедуры ордали и исполнения решений соответственно по гражданским и уголовным спорам. Задачей книжного писца было письменное оформление выносимых решений.

Особняком стоят три фигуры — вирника и его помощника емца и отрока.

Что касается вирника и емца, то они, как указывалось выше, выступали в роли разъездного суда, действовавшего от имени и по поручению князя. Основной их задачей был сбор виры для князя с подвластных князю общин. Такая деятельность у них сочеталась с разрешением конфликтов от имени князя. За свою деятельность вирник и емец получали вознаграждение, размер которого варьировался в зависимости от размера виры, и имели право на содержание от общины, в которой они находились в интересах князя. Помощник вирника, емец, занимался розыском преступников и краденого. Наглядно это, как указывалось выше, иллюстрируется деятельностью Яня Вышатича в Верхнем Поволжье.

Полифункциональность деятельности отрока также не случайна. Правом вершить суд от имени князя и собирать различные платежи он наделялся, думается, только в отношении членов княжеской дружины, имевшей особое положение в социальной структуре — как опоры княжеской власти, и во время походов.

Лапидарность и казуальность положений Русской Правды, давность эпохи, скудость аутентичных источников не позволяют дать развернутое полноценное описание судебной системы Древ-

leksii-istorii-russkogo-zakonodatelstva.html (дата обращения: 23.01.2019) ; Мрочек-Дроздовский П. Н. Указ. соч. С. 194—195, 199.

³⁷ Чебаненко С. Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. С. 145.

³⁸ Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). М. : «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. С. 25.

ней Руси, тем не менее ряд выводов об организационных аспектах юстиции можно сделать.

Юстиция носила полисистемный характер и состояла из 4 относительно самостоятельных систем: общинной, вотчинной, церковной и княжеской.

2. Полисистемность юстиции являлась следствием происходивших у славян социально-экономических процессов — трансформации родо-племенного уклада в государственно организованное общество и принятия христианства.

3. В основе организации государственной власти в древнеславянских княжествах, включая судебную систему, лежал принцип сюзеренитета-вассалитета. Лица, занимавшиеся отправлением судебных полномочий, были слугами князя, которым он делегировал это право, некоторые при этом утрачивали личную свободу, как, например, тиуны.

4. Судебной деятельностью должностные лица занимались наряду с управлением. Компетенция судебных должностных лиц диверсифицировалась по предметному, территориальному и персональному критериям. Так, тиуны были правомочны разрешать споры только по предметам своего ведения, мытник представлял интересы князя «на торгу», отроки разрешали споры в отношении дружинников.

5. В системе полномочий судебных должностных лиц самыми важными были право собирания пошлин и штрафов и применения наказания. Прерогатива князя и его администрации вершить правосудие была бы простой фикцией в отсутствие материальной подпитки и привилегии узаконенного насилия.

6. Система судебных должностных лиц по Русской Правде является некоей матрицей, лежащей в основе последующей институализации судебных органов. В ней налицо прообразы судьи (князь и лица, которым он делегировал право отправлять правосудие — наместники, волостели, вирники); лиц, предварительно готовивших для суда материалы (ябетник, мытник); обеспечивающих порядок при разрешении споров и исполнении судебных процедур (мечник, детский); исполнявших судебное решение (емец, отрок, мытник), ведавших местами, где содержались виновные (мечник), и обеспечивавших фиксацию принимавшихся решений (книжный писец).

7. Совокупность полномочий должностных лиц, занимавшихся досудебной подготовкой материалов, позволяет утверждать, что, несмотря на единство процедуры разрешения всех видов «тяжеб», законодатель различал гражданско- и уголовно-правовые споры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси. — М. : Либроком, 2011.
2. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства / предисл. А. Д. Каплина ; отв. ред. О. А. Платонов. — М. : Институт русской цивилизации, 2011.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. — М. : Территория будущего, 2005.
4. Власьев Н. О вменении по началам теории и древнего русского права. — М. : Универ. тип., 1860. — 240 с.
5. Горский А. А. Древнерусская дружина (К истории генезиса классового общества и государства на Руси). — М. : «Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина, 1989. — 124 с.
6. Горский А. А. Янь Вышатич и Правда Русская // Русь, Россия, Средневековье и Новое время. — 2015. — № 4. — С. 20—25.
7. Греков Б. Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. — М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1937. — 191 с.
8. Дегтярёв А. Я. Русская Правда краткой редакции: к истории рождения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. — 2016. — Вып. 5. — С. 116—127.
9. Древнерусское государство и его международное значение / А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин ; под ред. В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнина ; Академия наук СССР, Институт истории. — М. : Наука, 1965. — 476 с.

10. *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в Древней России. Опыт по истории русского гражданского права. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 396 с.
11. *Калачов Н. В.* Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. — Изд. 4-е (без перемен). — М. : Тип. Августа Семена, 1846. — 66 с.
12. *Каптерев Н. Ф.* Светские архиерейские чиновники в древней Руси. — М. : Тип. «Соврем. изв.», 1874. — 239 с.
13. *Качановский Ю. В.* Феодальное право Западной Европы. — Хабаровск : Изд-во ХГАЭП, 1997. — URL: <https://www.freedocs.xyz/pdf-438253442> (дата обращения: 01.02.2019).
14. *Куницын А.* Историческое изображение древнего судопроизводства в России. — СПб. : Тип. II Отд. С. Е. И. В. Канцелярии, 1843. — 151 с.
15. *Максимейко Н. А.* Опыт критического исследования Русской Правды. — Вып. I : Краткая редакция. — Харьков : Тип. и Литогр. ; М. : Зильберберг и с-ва, 1914. — 217 с.
16. *Момотов В. В.* Формирование русского средневекового права в IX—XIV вв. : монография. — М. : Зерцало-М, 2003. — 415 с.
17. *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Исследования о Русской Правде. — Вып. 1—2. — М. : Унив. тип. (Катков), 1885. — Вып. 2 : Текст Русской Правды с объяснением отдельных слов. — 289 с.
18. *Свердлов М. Б.* Правда Русская как источник для изучения стратификации древнерусского сельского населения конца XI — первой трети XII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: источники и методы исследования : материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы / отв. ред. Е. Н. Швейковская ; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. — Рязань, 2012. — С. 40—49.
19. *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. — М. : Типография А. И. Мамонтова, 1867. — 414 с.
20. *Толочко А. П.* Краткая редакция Правды Русской: происхождение текста. — К. : Інститут історії України НАН України, 2009. — 136 с.
21. *Федоров А. В., Шахматов А. В.* Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. — СПб. : Юридический центр, 2005.
22. *Чебаненко С. Б.* Воздействие княжеской власти на общинные институты и процессуальные действия в сфере разрешения конфликтов в домонгольской Руси (XI — начало XIII в.) // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и филология. — 2008. — № 2. — С. 17—32.
23. *Чебаненко С. Б.* Княжеский и народный суд в Древней Руси : дис. ... канд. истор. наук. — СПб., 2007. — 308 с.
24. *Чельцов-Бebutov М. А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных буржуазных государствах. — СПб. : Альфа, Равена, 1995.
25. *Юшков С. В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. — М. : Зерцало, 2010. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 2 мая 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Aristov N. Ya.* Promyshlennost' Drevnej Rusi. — М. : Librokom, 2011.
2. *Belyaev I. D.* Lekcii po istorii russkogo zakonodatel'stva / predisl. A. D. Kaplina ; otv. red. O. A. Platonov. — М. : Institut russoj civilizacii, 2011.
3. *Vladimirskij-Budanov M. F.* Obzor istorii russkogo prava. — М. : Territoriya budushchego, 2005.
4. *Vlas'ev N. O vmenenii po nachalam teorii i drevnego russkogo prava.* — М. : Univer. tip., 1860. — 240 s.
5. *Gorskij A. A.* Drevnerusskaya družhina (K istorii genezisa klassovogo obshchestva i gosudarstva na Rusi). — М. : «Prometej» MGPI im. V. I. Lenina, 1989. — 124 s.

6. Gorskij A. A. Yan' Vyshatich i Pravda Russkaya // Rus', Rossiya, Srednevekov'e i Novoe vremya. — 2015. — № 4. — S. 20—25.
7. Grekov B. D. Feodal'nye otnosheniya v Kievskom gosudarstve. — M.; L. : Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1937. — 191 s.
8. Degtyaryov A. Ya. Russkaya Pravda kratkoj redakcii: k istorii rozhdeniya // Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah. — 2016. — Vyp. 5. — S. 116—127.
9. Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie / A. P. Novosel'cev, V. T. Pashuto, L. V. Cherepnin ; pod red. V. T. Pashuto, L. V. Cherepnina ; Akademiya nauk SSSR, Institut istorii. — M. : Nauka, 1965. — 476 s.
10. Dyubernua N. L. Istochniki prava i sud v Drevnej Rossii. Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava. — SPb. : Yuridicheskij centr-Press, 2004. — 396 s.
11. Kalachov N. V. Tekst Russkoj Pravdy na osnovanii chetyrekh spisokov raznyh redakcij. — Izd. 4-e (bez peremen). — M. : Tip. Avgusta Semena, 1846. — 66 s.
12. Kapterev N. F. Svetskie arhierejskie chinovniki v drevnej Rusi. — M. : Tip. «Sovrem. izv.», 1874. — 239 s.
13. Kachanovskij Yu. V. Feodal'noe pravo Zapadnoj Evropy. — Habarovsk : Izd-vo HGAEP, 1997. — URL: <https://www.freedocs.xyz/pdf/438253442> (data obrashcheniya: 01.02.2019).
14. Kunicyn A. Istoricheskoe izobrazhenie drevnego sudoproizvodstva v Rossii. — SPb. : Tip. II Otd. S. E. I. V. Kancel'yarii, 1843. — 151 s.
15. Maksimejko N. A. Opyt kriticheskogo issledovaniya Russkoj Pravdy. — Vyp. I : Kratkaya redakciya. — Har'kov : Tip. i Litogr. ; M. : Zil'berberg i s-v'ya, 1914. — 217 s.
16. Momotov V. V. Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX—XIV vv. : monografiya. — M. : Zercalo-M, 2003. — 415 s.
17. Mrochek-Drozдовskij P. N. Issledovaniya o Russkoj Pravde. — Vyp. 1—2. — M. : Univ. tip. (Katkov), 1885. — Vyp. 2 : Tekst Russkoj Pravdy s ob'yasneniem ot del'nyh slov. — 289 s.
18. Sverdlov M. B. Pravda Russkaya kak istochnik dlya izucheniya stratifikacii drevnerusskogo sel'skogo naseleniya konca XI — pervoj treti XII v. // Aktual'nye problemy agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy X—XXI vv.: istochniki i metody issledovaniya : materialy XXXII sessii simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy / otv. red. E. N. Shvejkovskaya ; Ryaz. gos. un-t imeni S. A. Esenina. — Ryazan', 2012. — S. 40—49.
19. Sergeevich V. I. Veche i knyaz'. Russkoe gosudarstvennoe ustrojstvo i upravlenie vo vremena knyazej Ryurikovichej. — M. : Tipografiya A. I. Mamontova, 1867. — 414 s.
20. Tolochko A. P. Kratkaya redakciya Pravdy Russkoj: proiskhozhdenie teksta. — K. : Institut istorii Ukraïni NAN Ukraïni, 2009. — 136 s.
21. Fedorov A. V., Shahmatov A. V. Pravovoe regulirovanie sodejstviya grazhdan organam, osushchestvlyayushchim operativno-rozysknuyu deyatel'nost'. — SPb. : Yuridicheskij centr, 2005.
22. Chebanenko S. B. Vozdejstvie knyazheskoj vlasti na obshchinnye instituty i processual'nye dejstviya v sfere razresheniya konfliktov v domongol'skoj Rusi (XI — nachalo XIII v.) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya : Istoriya i filologiya. — 2008. — № 2. — S. 17—32.
23. Chebanenko S. B. Knyazheskij i narodnyj sud v Drevnej Rusi : dis. ... kand. istor. nauk. — SPb., 2007. — 308 s.
24. Chel'cov-Bebutov M. A. Kurs ugolovno-processual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo processa v rabovladel'cheskih, feodal'nyh burzhuznyh gosudarstvah. — SPb. : Al'fa, Ravena, 1995.
25. Yushkov S. V. Russkaya Pravda. Proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie / pod red. i s predisl. V. A. Tomsinova. — M. : Zercalo, 2010. — 352 c.

Причины и результаты подчинения среднеазиатских ханств Российской империей (1860—1890-е гг.)

Аннотация. Поскольку в настоящее время Российская Федерация выступает региональным лидером укрепления евразийской интеграции, необходимо снятие противоречий, касающихся интерпретации истории вхождения Средней Азии в состав Российской империи. При этом для автора статьи неоспоримым фактом является то обстоятельство, что именно Российской империи принадлежала решающая роль в переходе народов среднеазиатского региона, на территории которого существовали три крупных государства — Бухарский эмират, Кокандское и Хивинское ханства, на новый уровень цивилизационного и государственно-правового развития.

В статье не только затрагиваются причины, характер присоединения среднеазиатских государств к Российской империи, но и проводится всесторонний анализ внутренней и внешнеполитической обстановки в данный исторический период. Совокупность этих обстоятельств позволяет ответить на следующие вопросы: была ли у Российской империи в тех условиях альтернатива вооруженному вмешательству; отвечало ли это вмешательство национальным интересам народов России и Центральной Азии; какие изменения в форме правления произошли в среднеазиатских государствах после утраты ими политической независимости.

Ключевые слова: Российская империя; Кокандское ханство; Бухарский эмират; Хивинское ханство; экономический кризис; внешнеполитические интересы; форма правления; восточные деспотии; кочевые племена; протекторат; интеграция.

Для цитирования: Аминов И. И. Причины и результаты подчинения среднеазиатских ханств Российской империей (1860—1890-е гг.) // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 24—35. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.024-035.

© Аминов И. И., 2020

* Аминов Илья Исакович, кандидат юридических наук, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
aminovii@mail.ru

Causes and Results of Subjection of Central Asian Khanates to the Russian Empire (1860—1890s)

Ilya I. Aminov, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Psychology,) Associate Professor, Department of Criminology and Penal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
aminovii@mail.ru

Abstract. The Russian Federation being currently a regional leader in strengthening Eurasian integration, it is necessary to remove contradictions concerning the interpretation of the history of Central Asia's accedence¹ to the Russian Empire. Thus, it is indisputable that it was the Russian Empire that played a key role in the transition of the peoples of the Central Asian region, on the territory of which there were three major states — Bukhara Emirate, Kokand and Khiva Khanates, to a new level of civilizational, state and legal development.

The paper not only touches upon the reasons, nature of the accession of the Central Asian states to the Russian Empire, but it also carries out a comprehensive analysis of the internal- and foreign-policy situation during the historical period under consideration. The totality of the circumstances makes it possible to answer the following questions: whether the Russian Empire under those conditions had an alternative to armed intervention; whether that intervention was carried out in accordance with the national interests of the peoples of Russia and Central Asia; what changes in the form of governance took place in Central Asian States after they lost political independence.

Keywords: Russian Empire; Kokand Khanate; Bukhara Emirate; Khiva Khanate; economic crisis; foreign policy interests; form of government; Eastern despotism; nomadic tribes; protectorate; integration .

Cite as: Aminov I. Prichiny i rezultaty podchineniya sredneaziatskikh khanstv Rossiyskoy imperiiy (1860—1890-e gg.) [Causes and Results of Subjection of Central Asian Khanates to the Russian Empire (1860—1890s)]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):24-35. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.24-35. (In Russ., abstract in Eng.)

Присоединение Центральной Азии к Российской империи, произошедшее в начале 60-х — середине 80-х гг. XIX столетия, стало одним из наиболее важных исторических событий в жизни узбеков, казахов, таджиков, туркмен, киргизов, каракалпаков². Присоединение положительно сказалось на экономическом, политическом и культурном развитии этих народов и прежде всего на формировании многих предпосылок для становления и развития национальной государственности в советский и постсоветский периоды.

Данный процесс, в котором переплелись политические интересы Российской империи, Ве-

ликобритании, соседних феодальных деспотий, Ирана, Китая, Афганистана, локальных кочевых племен, происходил далеко не в одинаковой форме — не только посредством завоевания царскими войсками среднеазиатских территорий, но и мирным (договорным) путем. При этом разработка государственно-правовых вопросов, непосредственно связанных с историческими событиями тех лет, имеет в настоящее время научное и политическое значение, которое возрастает в условиях патриотического подъема и роста самосознания российского и центральноазиатских народов, сохранения духовных ценностей, осознания ответственно-

---

¹ Under the modern political and geographical map of the world, Central Asia is the common name for the group of Asian countries of the former Soviet republics, and now independent states: Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan that since the early 1990s began to self-identify themselves not as Middle Asian, but as Central Asian.

² Согласно современной политико-географической карте мира Средняя Азия — общее название для группы азиатских государств ближнего зарубежья, бывших советских союзных республик, а ныне независимых государств: Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана, которые с начала 1990-х гг. стали самоидентифицировать себя как не средне-, а центральноазиатские.

сти за удержание общенационального единства и государственной целостности.

Большинство исследователей связывают активизацию военных действий Российской империи в центральноазиатском регионе в 1860—1880-х гг., с одной стороны, с поражением в Крымской войне (1853—1856) и, соответственно, стремлением правящих кругов восстановить военно-политический престиж российского государства, добиться от правительства Великобритании уступок в Европе и на Ближнем Востоке; с другой — с мировым экономическим кризисом (1857), затронувшим главные отрасли отечественной экономики³.

Действительно, к этому времени произошло существенное сокращение промышленного производства, объем внешней торговли (в первую очередь экспорт) уменьшился на 11 %, острейший кризис переживала финансовая биржа. Нехватка хлопка по причине гражданской войны 1861—1865 гг. в США создала серьезные затруднения для российской текстильной промышленности. Если в 1860 г. в России работало 57 прядильных фабрик, то к 1863 г. их насчитывалось всего лишь 35⁴.

Мировой хлопковый кризис 60-х гг. XIX в. привел к значительным переменам в торговле между Россией и Средней Азией. Если в первой половине XIX в. вывоз хлопчатобумажных изделий из Средней Азии в Россию преобладал над вывозом хлопка-сырца, то с 60-х гг. его доля резко увеличилась и достигла в отдельные годы более 80 % вывоза в Россию. С каждым годом увеличивалась доля России в вывозе в Среднюю Азию хлопчатобумажных изделий, достигнув в 1857 г. почти 7 млн руб., или 93 % валового обмена. В то же время вывоз среднеазиатского хлопка в Россию с 1852 по 1867 г. вырос в де-

нежном исчислении в 10 раз и достиг 5,5 млн руб.⁵

В литературе дается не одинаковая оценка причин развития торгово-экономических связей России с окраинными, приграничными землями и сопредельными странами в первой половине XIX в. Основатель советской исторической науки М. Н. Покровский (1868—1932), выдвинувший в свое время теорию о буржуазном характере политики Николая I, говорил о «ситцевом империализме» в России⁶. Однако позднее М. К. Рожкова (1898—1982) напишет, что покровительство торговле со стороны царизма имело основной целью использовать ее для продвижения в Среднюю Азию⁷. С такой позицией вряд ли возможно согласиться полностью в силу того, что политика России в Средней Азии уже в первой половине XIX в. приобрела черты, отличающие ее от политической экспансии. Именно в данный период, вместо традиционного подхода налаживания дипломатических и политических связей со среднеазиатскими народами, на повестке дня оказался вопрос об укреплении с ними торговых и экономических отношений. Неслучайно в отчете Министерства иностранных дел за 1838 г. эта позиция была открыто и ясно озвучена: «Торговля есть основной клапан всей нашей политики в Средней Азии»⁸.

Экономические трудности, переживаемые Россией, порождали беспокойство не только в торгово-промышленных, но и в правительственных кругах. Так, подробно изучивший экономическую ситуацию в европейских странах М. Х. Рейтерн, будущий председатель Комитета министров, писал Александру II о затруднительном положении российских финансов и призывал правительство незамедлительно «выбрать дорогу, по которой оно намерено идти»⁹. Од-

³ См.: *Брежнева С. Н.* Присоединение Туркестана к России : дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии. Тольятти, 2004. С. 34.

⁴ См.: *Масальский В. И.* Хлопковое дело в Средней Азии (Туркестан, Закаспийская область, Бухара и Хива) и его будущее. СПб., 1892. С. 110.

⁵ См.: *Рожкова М. К.* Экономические связи России со Средней Азией, 40—60-е гг. XIX в. М., 1963. С. 66—69.

⁶ *Покровский М. Н.* Внешняя политика : сборник статей. (1914—1917). [М.] : Денница, 1918. С. 154—158.

⁷ *Рожкова М. К.* Указ. соч. С. 234.

⁸ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Отчеты МИД. 1838. Л. 285.

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1072. Д. 8. Л. 13—31.

нако крепостная зависимость многомиллионных крестьянских масс до предела сдерживала приобретение новых рынков сбыта и развитие внешней торговли.

Изучение аналитических записок и публикаций работников Министерства финансов, сенаторов Ю. А. Гагемейстера и Ф. Г. Тернера¹⁰, экономиста и литератора Н. И. Тарасенко-Отрешкова, коммерсанта А. П. Шипова¹¹, востоковедов И. Н. Березина и В. В. Григорьева¹² и других позволяет утверждать, что в основе распространения Россией своего господства в Средней Азии лежали прежде всего экономические планы развития империи, а также стремление упрочить геополитическое положение, нейтрализовать растущее влияние Великобритании, достичь своих естественных пределов: морей, горных массивов, крупных рек. Среди иных, не менее важных оснований предполагаемого военного наступления на Среднюю Азию можно выделить:

- отсутствие гарантий безопасности границ империи и торговых путей от постоянных набегов кочевых племен, подстрекаемых Кокандом, Бухарой и Хивой — «гнездами разбойничества и религиозного фанатизма»¹³;
- невыполнение Хивой и Бухарой неоднократных дипломатических заверений о возвращении российских невольников;
- подстрекательство казахов Средней и Большой орды на антироссийские выступления со стороны Китая и Кокандского ханства.

Однако не только внешнеполитические и экономические интересы служили основа-

нием для поддержки данной политики в российском обществе. В ней нашли отражение *политико-правовые взгляды видных государственных деятелей на будущее российской государственности*¹⁴.

Так, на комиссию, сформированную главой министерства финансов А. М. Княжевичем для пересмотра системы податей и сборов, была возложена обязанность разработать основные положения экономической политики, включая среднеазиатский регион. От этих положений, устремленных к гласности в сфере бюджета и финансового управления, ожидали многого и «смотрели.. как на зачатки будущих конституционных порядков»¹⁵. Они сочетались с идеей цивилизаторской миссии России, предполагавшей освобождение коренных народностей от физического и духовного рабства, приобщение к ценностям российского государства и культуре, а в перспективе — их «обрусение»¹⁶, слияние с русским народом.

Военный историк, востоковед М. А. Терентьев заявлял о намерениях России ввести здесь гражданские законы. Будучи сторонником христианизации всей Средней Азии, он призывал отменить все вредное, несовместимое с христианским подходом к сущности государства: смертную казнь, пытки, телесные наказания, неравенство полов и т.д.¹⁷ Конечно, рассуждения о цивилизаторской роли России, а также общая склонность многих приграничных среднеазиатских народов принять российское подданство могли служить и оправданием ее дальнейшего «движения вперед». Однако к середине XIX в.,

¹⁰ Гагемейстер Ю. А. Взгляд на промышленность и торговлю России // Русский вестник. 1857. № 1. С. 38—39; Он же. О торговом значении Средней Азии в отношении к России // Русский вестник. 1862. № 10. С. 31—37; Тернер Ф. Г. Воспоминания жизни Ф. Г. Тернера. СПб.: изд. М. Г. и Э. Г. Тернер, 1910—1911. Ч. 1—2.

¹¹ Шипов А. П. О средствах к устранению наших экономических и финансовых затруднений. СПб., 1866.

¹² Березин И. Об учреждении Азиатской компании в начале нынешнего столетия // Вестник промышленности. М., 1860. Т. 10. № 12; Григорьев В. В. Русская политика в отношении к Средней Азии // Сборник государственных знаний. СПб., 1874. Т. 1.

¹³ Наши дела в Туркестанском крае // Вестник Европы. 1867. Т. 3. Кн. 2. С. 770.

¹⁴ РГИА. Ф. 853. Д. 76. Л. 3.

¹⁵ Тернер Ф. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 187.

¹⁶ См.: Бендриков К. Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане. М., 1960. С. 62—63.

¹⁷ Терентьев М. А. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. Т. 5. Кн. 2. С. 528.

когда эта проблема еще только обсуждалась, правительство империи было больше озабочено вопросом, какую пользу извлечет не Средняя Азия, а Россия от этих территорий.

Действительно, в тот период при подготовке проектов государственными органами России все чаще стали подниматься «среднеазиатские вопросы», все сильнее раздавались призывы в связи с закрытостью европейских рынков и соперничеством европейских государств в этом регионе «обратиться для продажи своих произведений к обширным странам Азии»¹⁸.

Данные отчета оренбургской таможни свидетельствуют о дальновидности подобных планов. Несмотря на то что в 1859 г., по сравнению с предшествующим годом, экспорт российских товаров в Среднюю Азию вырос на 465 532 руб. и составил 1 426 373 руб. (см. таблицу¹⁹), для развития российской экономики этого было явно недостаточно. Вследствие чего Россия приступила к проникновению на Восток военно-политическими методами.

Данные об экспорте российских товаров в Среднюю Азию

Позиции российского экспорта	1858 г.	1859 г.
Льняная и хлопчатобумажная продукция	678 298	895 081
Продукция из шелка	5 776	23 090
Продукция из шерсти, в том числе сукно	83 454	169 390
Чугун	17 990	34 837
Железо	71 699	102 827
Медь	21 519	55 238
Олово	1 955	3 055
Итого:	960 841	1 426 373

Не останавливаясь подробно на анализе военных действий российской армии и реализации планов оренбургского и самарского генерал-губернатора А. А. Катенина, особо отметим, что в момент присоединения Средней Азии к России данный регион не представлял собой политически цельного образования.

Дореволюционные исследователи особо подчеркивали причины отсутствия здесь единого централизованного государства. «Для развития гражданственности, — писали, в частности, востоковеды Д. Н. Анучин и О. А. Шапский, — пригодна лишь полоса предгорий и долины, так как только там может существовать оседлое земледельческое население...»²⁰ В Средней Азии были всегда небольшие владения, которые не могли противостоять влиянию соседних крупных государств и нашествию кочевых орд.

Геополитическая уязвимость, соседство с такими государствами, как Российская империя, Китай, Иран, Афганистан, непоследовательность во взаимоотношениях с политическими союзниками и торговыми партнерами, разобщенность и соперничество внутри правящих элит, средневековое патриархальное правление, активное участие в завоевательных войнах, несмотря на отсутствие четких государственных границ, стали главными причинами напряженности и нестабильности в Бухарском эмирате, Кокандском и Хивинском ханствах²¹. Ко второй половине XIX в. эти обстоятельства привели к необратимому кризису эмирской и ханской власти.

Не вызывает сомнений также и то, что у подавляющего большинства населения среднеазиатского региона, четко разграниченного по этносоциальному признаку, доминировала не столько национально-государственная, сколько «оазисная» ментальность. Другими словами, жители той или иной местности ощущали себя главным образом представителями определен-

¹⁸ *Бларамберг И. Ф.* Историческая записка о прибрежных туркменских поколениях. Кн. 4. С. 115.

¹⁹ *Зоиров Д. М.* Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 49.

²⁰ Пояснительный текст к серии «Туркестан» (Средняя Азия): составлен О. А. Шапским / под ред. Д. Н. Анучина. СПб., 1909. С. 31.

²¹ См.: *Мухамедина Ш.* Водворение русской гражданственности в Центральной Азии (1865—1886 гг.) // Вестник МГОУ. Серия : История и политические науки. 2016. № 1. С. 110.

ной территории, а не той или иной этнической общности или государства. Всё это может объяснить причину довольно пассивного сопротивления русским войскам со стороны вооруженных сил среднеазиатских ханств и сравнительно индифферентного отношения к утрате государственной независимости²².

После завоевания русскими войсками территории Сырдарьинской, Ново-Кокандской линий и части Кокандского ханства²³ 12 февраля 1865 г. была образована Туркестанская область²⁴, подчинявшаяся оренбургскому генерал-губернатору. В связи с образованием этой административной единицы и утверждением временного Положения об управлении Туркестанской областью впервые в законодательном порядке был введен в действие среднеазиатский вариант военно-народного управления (ст. 4)²⁵, отразивший особенности политико-правового развития региона, определивший общий смысл и направления трансформации социально-экономических устоев среднеазиатского общества.

Весной — летом 1866 г. к Туркестанской области в результате дальнейших походов русских войск в глубь Кокандского ханства были присоединены города Ташкент, Ходжент и Зачирчикский край, а местное население, имевшее общий положительный настрой, было принято в российское подданство²⁶.

После обсуждения в Особом комитете вопроса о дальнейшем устройстве завоеванных земель был разработан проект учреждения Сырдарьинской области с центром в г. Ташкенте, Семиреченской области с центром в г. Верном и составления из них Туркестанского генерал-губернаторства с подчинением военному мини-

стерству в порядке высшего административного управления. Проект был утвержден 11 апреля 1867 г. императором Александром II. В основу управления Туркестаном легли такие принципы, как нераздельность административной и военной власти, предоставление коренному населению внутреннего, неполитического управления. Главное управление в Туркестане возлагалось на генерал-губернатора, а в областях — на военных губернаторов.

Согласно манифесту от 17 июля 1867 г. генерал-губернатор Туркестана К. П. Кауфман, он же командующий Туркестанским военным округом, был наделен чрезвычайно широкими полномочиями по решению пограничных, торговых дел, организации самоокупаемого управления, обеспечения безопасности русских купцов в среднеазиатских ханствах²⁷. Программы действий генерал-губернатора по решению проблем местного значения не требовали одобрения центрального правительства, что должно было, по мысли законодателя, приравнять его статус в глазах коренного населения к ханской власти.

Административная самостоятельность Туркестана, образование нового центра в г. Ташкенте, где сосредоточилось управление присоединенными среднеазиатскими владениями, еще больше упрочило политическое положение края, усилило его значение в сношениях с соседними государствами. Напротив, Оренбургское генерал-губернаторство, превратившееся во внутренний регион империи, было передано из подчинения военному министру в ведение Министерства внутренних дел, а позже и вовсе упразднено вместе с военным округом²⁸.

²² См.: *Глуценко Е. А.* Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. С. 523.

²³ Кокандское ханство окончательно упраздняется в 1876 г., после подавления очередного антирусского восстания. В этом же году из ханства образуется особая Ферганская область.

²⁴ См.: Именной, объявленный Сенату Военным министром, опубликованный 2-го марта «Об образовании Туркестанской области». 12 февраля 1865 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗРИ-2). Т. 40 (1865). Ч. 1. СПб., 1867. № 41792.

²⁵ ПСЗРИ-2. Т. 40 (1865). Ч. 1. № 42372.

²⁶ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 1. Д. 63. Л. 242 об.

²⁷ См.: *Кауфман К. П.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края. Отчет. СПб., 1903.

²⁸ ПСЗРИ-3. Т. 1 (1 марта — 31 декабря 1881). СПб., 1881. № 316 ; № 319.

В связи с присоединением всей территории Кокандского ханства и установлением над Бухарским эмиратом российского протектората оба ханства превратились в гарантированный рынок сбыта российских товаров и источник сырья для российской промышленности. Отношения между Российской империей и Бухарой стали регулироваться на основе двух договоров: от 11 мая 1868 г. и от 28 сентября 1873 г. Все дальнейшие соглашения, касающиеся отдельных вопросов ведомственного характера между этими государствами, опирались, по существу, на эти договоры.

Таким образом, с учреждением Туркестанского генерал-губернаторства завершился важнейший этап российской политики в Средней Азии²⁹. В дальнейшем Россия перешла к разработке плана покорения Хивинского ханства, а также восточного побережья Каспийского моря и всего Туркменистана.

Поскольку отсутствие опорного пункта на восточном берегу Каспийского моря, более удобного, чем форт Александровский, тормозило дальнейшее расширение Россией азиатских границ, через два года (в октябре 1869 г.) с высадкой отряда полковника Н. Г. Столетова в Муравьевской бухте (Шагадам) было заложено основание города Красноводска — лучшей гавани и плацдарма, открывавших путь к дальнейшему продвижению в глубь Туркменистана и покорению Хивинского ханства³⁰.

Относительно Хивинского ханства и туркменских земель особенно остро проявились противоположные тенденции российской среднеазиатской политики. С одной стороны, высшие должностные лица Министерства финансов и Министерства иностранных дел старались обеспечить русские коммерческие интере-

сы в Средней Азии с помощью налаживания и оформления мирных договорных отношений. Понимая важность освоения новых рынков в условиях экономического кризиса в России, эти министерства не поощряли территориальных приращений в связи с невыгодностью их обустройства и содержания, рисками обострения отношений с европейскими державами. С другой стороны, сторонники военного покорения полагали, что без определенного вооруженного вмешательства азиатские рынки не удержат и безопасность отечественной торговли не обеспечить. А поскольку среднеазиатские государства и населявшие их народы не являлись субъектами международного права, то в отношении них следует руководствоваться только нормами естественного права³¹.

Таким образом, между российскими штатскими и военными чиновниками не было взаимопонимания по среднеазиатскому вопросу, а под воздействием занимаемых ими противоположных позиций менялось и мнение императора³². Только после Особого совещания руководителей центральных ведомств с участием оренбургского и туркестанского губернаторов, кавказского наместника и самого Александра II в начале декабря 1872 г. было решено начать антихивинскую военную кампанию, объявленную приказом командующего войсками Туркестанского военного округа от 27 февраля 1873 г.³³

Гендемианским мирным договором от 12 августа 1873 г. был определен статус ханства как российского протектората. Условия договора включали: 1) умиротворение Казахских степей; 2) уплату контрибуции в размере 2 200 тыс. руб.; 3) прекращение похищения людей с целью продажи в рабство и освобождение из плена всех

²⁹ См.: Именной, данный Сенату, опубликованный 20-го того же июля «Об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства в составе двух областей Семиреченской и Сырдарьинской». 11 июля 1867 г. // ПСЗРИ-2. Т. 42. Отд. 1. 1867 г. СПб., 1871, № 44831.

³⁰ См.: Присоединение Туркмении к России (сборник архивных документов) / под ред. к. ю. н. А. Ильясова. Ашхабад : Академия наук Туркменской ССР, 1960. Док. № 1, 4, 7, 10 и др.

³¹ См.: Цыганков П. В. Среднеазиатская политика Российской империи 1860—1880-х гг. в освещении журнала «Вестник Европы» // Вестник Ом. ун-та. 2011. № 3. С. 140.

³² См.: Глущенко Е. А. Указ. соч. С. 173—174.

³³ См.: Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1873. Т. 3. Кн. 1. С. 365.

русских подданных; 4) признание хивинским ханом себя «покорным слугой императора»; 5) приобретение новых земель.

После утраты своей независимости Хива и Бухара остались абсолютными монархиями. Правители этих государств по-прежнему обладали высшей законодательной, административной и судебной властью, сохраняли сложившуюся систему государственного управления — ханский двор, податную службу, небольшие собственные армии. Однако абсолютная власть ханов подверглась ограничению. Так, в Хиве был создан совещательный орган (диван³⁴), куда вошли представители как местной знати (хан, диван-беги, мехтер), так и русского командования.

Действие законов Российской империи не распространялось на коренное население этих государств, а русская власть какое-то время не вмешивалась в дела управления, за исключением случаев, касавшихся непосредственных интересов русских переселенцев и предпринимателей³⁵.

Включение же всей территории этих государств в состав империи не допускалось по геополитическим, экономическим и идеологическим причинам. Среди этих причин: 1) нежелательность внешнеполитических осложнений; 2) необходимость иметь «санитарный кордон» (Бухарский эмират), для того чтобы отгородить Россию от Афганистана, находившегося под британским влиянием; 3) нежелательность возбуждения исламского фанатизма среди местного населения; 4) опасение роста расходов на управление этими территориями; 5) укрепление граничащего с этими государствами Туркестанского генерал-губернаторства; 6) завоевание симпатии среди коренного населения с помо-

щью предоставления ему возможности сравнивать: до русского вторжения и после³⁶.

Несмотря на то что Бухарский эмират продолжал чеканить свою монету (до 1901 г.³⁷), а Хива прекратила выпуск своей валюты, переходя на российские денежные знаки, в других внутривосточных и экономических сферах существенных изменений не произошло, не считая расширения хлопкового производства, вызванного интенсивными вложениями русского капитала.

В государственном управлении Бухарского эмирата и Хивинского ханства сохранялось сочетание «правил шариата, местного средневекового деспотизма и остатков родового строя кочевников»³⁸. Здесь по-прежнему существовало рабовладение, торговля людьми, хотя и в менее открытой форме, чем до вассалитета. Преступников забивали палками, морили голодом, калечили в подземельях и ямах, скидывали с «башен смерти», сажали на кол, уподобляя казни общественным праздникам. Сохранились в прежних масштабах массовые инфекционные заболевания, нищета, невежество, бесправие. Для коренного населения этих ханств единственным выходом из такого положения оставалось полное присоединение Хивы и Бухары к России, означавшее переход жителей этих ханств в русское подданство и, соответственно, приобретение ими всех полагающихся по статусу прав и обязанностей³⁹. При этом идея слияния с империей у большинства коренных жителей этих ханств, по мнению доверенного Русско-Азиатского банка в Новом Ургенче А. М. Кислякова, была настолько прочна, что неоднократно приводила их к прямому обращению к Белому царю, многократно поднимала на борьбу с не-

³⁴ Был упразднен в 1874 г. в связи с открытием Амударьинского отдела.

³⁵ Архив Дома Плеханова (РНБ АЦП). Ф. 482. П. Н. Милюков. Ед. хр. 144. Л. 21.

³⁶ См.: Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России : Вторая половина XVIII — 80-е годы XIX века. М., 1984. С. 286.

³⁷ См.: История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2 : С начала XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции. Ашхабад : Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1957. С. 188.

³⁸ Бартольд В. В. О ханствах Бухарском и Хивинском (1917 г.) // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 68. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 12.

³⁹ Газета «День». 30 августа 1916 ; «Наша газета». 6 сентября 1917 г.

⁴⁰ Архив Дома Плеханова (РНБ АЦП). Ф. 482. П. Н. Милюков. Ед. хр. 144. Л. 21.

навиственным ханским режимом для того, чтобы обратить на себя императорское внимание⁴⁰.

Продолжение русских завоевательных походов в границах этих в прошлом независимых государств привело к заметным территориальным изменениям. Земли, отторгнутые от Бухарского эмирата, — г. Самарканд и вместе с ним верхняя часть Зарафшанского оазиса с притоком полноводной реки — образовали Заравшанский округ. Захват источников орошения земель эмирата стал могучим средством экономического и политического подчинения Бухары. Взамен российские власти, следуя союзническим соглашениям, оказали поддержку эмиру в распространении и укреплении его власти в Карагегине, Дарвазе, в западных районах Памира, в г. Шахрисябзе и его окрестностях, предоставив тем самым защиту от посягательств со стороны Британской империи и Афганистана.

После установления российского протектората территория Хивинского ханства ужалась до оазиса в левобережье Амударьи. Территория по правому берегу Амударьи в 1873 г. была аннексирована, образовав Амударьинский военный отдел с центром в форте Петроалександровск (ныне г. Турткуль). Его удаленность от главного военно-политического центра Туркестанского края — г. Ташкента привела к необходимости организации здесь самостоятельного управления для решения местных вопросов. В обязанности начальника этого отдела входило постоянное наблюдение за ханом Хивы и его непокорными подданными туркменами-йомудами, которые, будучи уравненными с прочими народностями, лишены статуса военного (особого) сословия⁴¹, находились в стадии перехода к земледелию. Высший контроль над Бухарой и Хивой осуществлялся туркестанским генерал-губернатором. Он же представлял интересы Бухары и Хивы среди сопредельных государств⁴².

Учреждение в 1885 г. в Бухаре Российского императорского политического агентства внес-

ло уточнение в статус бухарского эмира — выше вассала, но ниже независимого правителя. К такому выводу можно прийти относительно статуса самого политического агентства — больше, чем генеральное консульство, но не посольство как в независимых государствах. Отныне связь Петербурга и Ташкента с бухарским правительством осуществлялась через политического агента как официального представителя Российской империи в Бухаре. О результатах этих контактов, о директивах МИД Российской империи политический агент незамедлительно сообщал генерал-губернатору Туркестана и действовал совместно с ним по всем принципиальным вопросам. Охрана личных, имущественных и торговых интересов русских подданных на территории ханства и иные консульские функции также осуществлялись политическим агентом. Однако функции политического агента постепенно усложнились обязанностями, не предусмотренными нормами консульского устава. Так, по воспоминаниям политического агента Н. В. Чарыкова (1855—1930), вместе с усилением русского влияния в Бухаре ему приходилось проделывать огромный объем работы, связанный с организацией жизни и деятельности и тех территорий, где доминировало туркменское население: планировать не только новый город Чарджуй, но также и другие новые города — Бухару и Керки, изобретать для них законы, воплощающие смешанную систему русско-бухарского самоуправления. Помимо своих обязанностей политического агента, Чарыков был наделен правами и властью губернатора этих новых поселений. В то же самое время «...был сделан судьей», расследовал и принимал решения по гражданским и уголовным делам, возникавшим «между русскими, а также между всеми другими христианами, имевшими экстерриториальные права в ханстве»⁴³.

Что же касается положения проживавших или пребывавших в Бухару и Хиву рядовых российских подданных, то после установления

⁴¹ См.: Терентьев М. А. Хивинские походы русской армии. 2-е изд. М., 2016. С. 410—412.

⁴² См.: Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления / под ред. Ю. И. Семенова. М., 1998. С. 376.

⁴³ Charykow N.V. Glimpses of High Politics. London, 1931. P. 218.

протектората они получили право владеть движимым и недвижимым имуществом на всей территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства, заниматься предпринимательством, их собственность стала неприкосновенна, а жизнь стала охраняться местными властями. В экономическую жизнь ханства и эмирата прочно вошли российские капиталистические отношения, что привело к изменениям в местном общественно-экономическом укладе и постепенному распространению принципов и норм российского права. Гарантии преимуществ и льгот русских купцов и предпринимателей стимулировали развитие местной торговли и промышленности, разрушали политическую изолированность, экономическую замкнутость этих государств.

Демонстрируя иностранным государствам независимость Бухары и Хивы, а подданным этих ханств престижность среднеазиатской монархической власти, представители русской администрации внедряли нужные правовые нормы через издание указов-ярлыков бухарского эмира и хивинского хана, представляя это так, что инициатива принятия подобных решений исходила якобы от самих правителей Бухары и Хивы⁴⁴. Указы-ярлыки, наряду с заключением международных соглашений с этими правителями как с равноправными участниками, стали основными источниками права при основании русских поселений, открытии отделений российских фирм и банков, привязке курса местной валюты к российской, строительстве железной дороги; заключении договоров аренды недвижимости под торговые конторы, склады, производственные объекты и т.д.⁴⁵ Этими документами не только защищались интересы российских предпринимателей, но и достаточно четко закреплялось их правовое положение.

Защищая общечеловеческие ценности, туркестанские власти внесли определенный вклад и в местное судопроизводство, вынуждая администрацию ханства и эмирата отказаться от наиболее жестоких наказаний в отношении своих поданных — содержания в подземных тюрьмах-темницах (зинданах), сбрасывания приговоренных с «башен смерти» и т.д.⁴⁶

После того как в 1894 г. по особому соглашению, инициированному Петербургом, на бухарско-афганских рубежах определились русские пограничные посты, началось активное развитие торгово-экономических отношений между Бухарой, Хивой и Россией, оформляемых международными соглашениями с местными монархами. Бухарский эмират вошел в таможенные границы Российской империи, а бухарско-афганская пограничная линия, протянувшаяся от г. Керки до селения Дарваза, была взята под охрану особой пограничной Амударьинской бригады⁴⁷.

Несмотря на военное подчинение Россией среднеазиатских ханств, следует отметить вполне дружественный характер отношения местных жителей к русским подданными. Одна из главных причин этого, на наш взгляд, существенные особенности русского освоения Средней Азии, преследующего главным образом экономические цели. Занятие торговым делом, вложение больших капиталов в хлопководство и хлопкоперерабатывающую промышленность, кожевенно-меховое дело, виноделие и виноторговлю, в принципе, не могли способствовать возбуждению вражды к русским. «Имя русского человека, — писал участник тех событий А. М. Кисляков, — для туземца было почетно, неприкосновенно, уважаемо, и такое отношение складывалось совсем непринужденно»⁴⁸.

⁴⁴ См.: Почекаев Р. Ю. Особенности правового регулирования статуса российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во второй половине XIX — начале XX в. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2015. № 6. С. 43.

⁴⁵ См.: Skrine F. H., Ross E. D. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and The Central Asian Khanates From The Earliest Times. L., 1899. P. 382.

⁴⁶ См.: Почекаев Р. Ю. Российский протекторат над Бухарой в оценках бухарской элиты конца XIX — начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2017. Т. 21. № 4. С. 527.

⁴⁷ См.: Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 5.

⁴⁸ Архив Дома Плеханова (РНБ АЦП)... Л. 21.

Данное наблюдение не противоречит позиции бухарского просветителя Ахмеда Дониша — сторонника укрепления культурных связей с Россией. Он писал, что хотя русские и противоположны бухарцам по вере, но «...в дружбе, искренности и человечности они превыше всего»⁴⁹.

В целом в процессе присоединения среднеазиатских ханств российские власти проявили лояльность в отношении как рядового населения Бухары и Хивы, так и среднеазиатских монархов. При условии сохранения преданности и верности российскому престолу интегрирова-

ли их в высшее российское сословие, даровали высшие звания, титулы, государственные награды, знаки отличия⁵⁰.

Несмотря на то что к концу XIX столетия определенная часть населения Бухары и Хивы все еще продолжала пребывать под влиянием консервативных сил и мусульманского духовенства и зачастую негативно относилась ко всему русскому, «новому», российский протекторат уже воспринимался как свершившийся исторический факт и неотъемлемая часть правовой, экономической и культурной жизни среднеазиатского общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бартольд В. В. О ханствах Бухарском и Хивинском (1917 г.) // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. — Ф. 68. — Оп. 1. — Ед. хр. 77.
2. Тухтаматов Т. Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX в. : монография. — Душанбе : Ирфон, 1977. — 207 с.
3. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX века). — М. : Наука, 1965. — 468 с.
4. Брежнева С. Н. Присоединение Туркестана к России : дискуссионные проблемы дореволюционной и советской историографии : монография. — Тольятти : Тольят. гос. акад. сервиса, 2004. — 287 с.
5. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. — М. : Центрполиграф, 2010. — 312 с.
6. Зоиров Д. М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2004. — 387 с.
7. Логофет Д. Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. — СПб., 1909. — 239 с.
8. Мухамедина Ш. Водворение русской гражданственности в Центральной Азии (1865—1886 гг.) // Вестник МГОУ. Серия : История и политические наук. — 2016. — № 1. — С. 106—122.
9. Почакаев Р. Ю. Российский протекторат над Бухарой в оценках бухарской элиты конца XIX — начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. — 2017. — Т. 21. — № 4. — С. 508—527.
10. Почакаев Р. Ю. Особенности правового регулирования статуса российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во второй половине XIX — начале XX в. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. — 2015. — № 6. — С. 38—44.
11. Терентьев М. А. Хивинские походы русской армии. — 2-е изд. — М. : Вече, 2016. — 448 с.

Материал поступил в редакцию 9 мая 2019 г.

⁴⁹ Цит. по: Тухтаматов Т. Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX в. Душанбе, 1977. С. 76.

⁵⁰ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 171—172.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bartol'd V. V. O hanstvah Buharskom i Hivinskom (1917 g.) // Sankt-Peterburgskij filial Arhiva RAN. — F. 68. — Op. 1. — Ed. hr. 77.
2. Tuhtametov T. G. Rossiya i Buharskij emirat v nachale XX v. : monografiya. — Dushanbe : Irfon, 1977. — 207 s.
3. Halfin N. A. Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii (60—90-e gody XIX veka). — M. : Nauka, 1965. — 468 s.
4. Brezhneva S. N. Prisoedinenie Turkestana k Rossii : diskussionnye problemy dorevolucionnoj i sovetskoj istoriografii : monografiya. — Tol'yatti : Tol'yat. gos. akad. servisa, 2004. — 287 s.
5. Glushchenko E. A. Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya. — M. : Centrpoligraf, 2010. — 312 s.
6. Zoirov D. M. Formirovanie i razvitie nacional'noj gosudarstvennosti v stranah Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) : dis. ... d-ra yurid. nauk. — SPb., 2004. — 387 s.
7. Logofet D. N. Strana bespraviya. Buharskoe hanstvo i ego sovremennoe sostoyanie. — SPb., 1909. — 239 s.
8. Muhamedina Sh. Vodvorenje russoj grazhdanstvennosti v Central'noj Azii (1865—1886 gg.) // Vestnik MGOU. Seriya : Istoriya i politicheskie nauk. — 2016. — № 1. — S. 106—122.
9. Pochekaev R. Yu. Rossijskij protektorat nad Buharoy v ocenках buharskoj elity konca XIX — nachala XX v. // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya : Yuridicheskie nauki. — 2017. — T. 21. — № 4. — S. 508—527.
10. Pochekaev R. Yu. Osobennosti pravovogo regulirovaniya statusa rossijskih trgovcev v Buharskom emirate i Hivinskom hanstve vo vtoroj polovine XIX — nachale XX v. // Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'. — 2015. — № 6. — S. 38—44.
11. Terent'ev M. A. Hivinskie pohody russoj armii. — 2-e izd. — M. : Veche, 2016. — 448 s.

Тенденции развития деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г.

Аннотация. В статье обосновывается актуальность использования исторического опыта правового регулирования при современном реформировании деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел с целью обеспечения принятия законного и обоснованного решения по делу, что, безусловно, будет способствовать результативному решению задач уголовного судопроизводства. Исследуются вопросы возвращения уголовных дел прокурором для производства дополнительного следствия на досудебной стадии уголовного судопроизводства в XIX в. Выявляется эволюция целей, задач и функций института возвращения дел прокурором на доследование в указанный период. Предметом настоящего исследования является институт доследования с позиций исторического генезиса. Автор акцентирует внимание на анализе порядка возвращения дел на доследование прокурором, основаниях для доследования и путях исправления выявленных нарушений. С учетом исторического опыта автор приходит к выводу о необходимости совершенствования деятельности прокурора по устранению препятствий, сформулированы и обоснованы предложения по модернизации правового регулирования рассматриваемой процедуры, так как возвращение дела для дополнительного следствия является резервным механизмом достижения назначения уголовного судопроизводства, имеет восстановительный характер законных прав и интересов участников уголовного процесса, соблюдения законной процедуры производства по уголовным делам и имеет значение для принятия правильного решения по существу. Таким образом, целью работы является исследование процесса формирования и функционирования института доследования, закрепленного в Уставе уголовного судопроизводства. Для достижения названной цели использованы основные общенаучные методы (диалектический метод познания, метод системного анализа, дедукция и индукция, методы сравнений и аналогий и ряд других). Основные задачи исследования были решены на основе использования сравнительно-правового метода. Практическая ценность работы состоит в том, что в ней обосновывается необходимость законодательной унификации правовых норм, регламентирующих деятельность прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел и внесения соответствующих изменений и дополнений в нормативные правовые акты, которые согласовали бы порядок направления дел прокурором для дополнительного следствия в строгом соответствии с основополагающими принципами отечественного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прокурор; направление дел на доследование; Устав уголовного судопроизводства; устранение препятствий; направление на доследование; нарушения закона; следователь; обвинительное заключение; уголовный процесс; стадия досудебного производства.

© Елчиев М. Ф., 2020

* *Елчиев Михаил Федорович*, аспирант кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

Ул. Чернышевского, д. 104, г. Саратов, Россия, 410028
elch20011@yandex.ru

Для цитирования: Елчиев М. Ф. Тенденции развития деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 36—45. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.036-045.

Tendencies of Development of Activities of a Prosecutor in Elimination of Obstacles to Consideration and Resolution of Criminal Cases under the 1864 Charter of Criminal Proceedings

Mikhail F. Yelchiev, Postgraduate Student of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy
ul. Chernyshevskogo, d. 104, Saratov, Russia, 410028
elch20011@yandex.ru

Abstract. The paper substantiates the relevance of historical experience of the legal regulation in the context of the modern reform of the prosecutor's work aimed at elimination of obstacles to consideration and resolution of criminal cases with a view to ensure the adoption of a lawful and reasonable decision on the case, which will certainly contribute to the achievement of the objectives of criminal proceedings. The paper investigates the cases of the 19th century when prosecutors returned criminal cases for additional investigation at the pre-trial stage of criminal proceedings. The author has examined the evolution of the goals, objectives and functions of the institution of return of cases by the prosecutor for further investigation in the specified period. The subject of the study amounts to the examination of the institution of additional investigation from the standpoint of its historical genesis. The author focuses on the analysis of the procedure applied to cases returned by the prosecutor for further investigation, the grounds for investigation and ways of correcting the revealed violations. Taking into account the historical experience, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the activity of the prosecutor aimed at eliminating obstacles. The author has formulated and substantiated proposals for modernization of the legal regulation of the procedure under consideration, as the return of the case for additional investigation constitutes a reserve mechanism for achieving the purpose of criminal proceedings that has restorative nature with regard to the legal rights and interests of the participants of criminal proceedings and their compliance with the relevant legal procedure. This procedure is important for making the right decision on the merits. Thus, the purpose of the work is to elucidate the process of formation and functioning of the institution of additional investigation enshrined in the Charter of Criminal Proceedings. To achieve this goal, the basic scientific methods (dialectical method of cognition, method of systematic analysis, deduction and induction, methods of comparisons and analogies, and a number of others) have been used. The main objectives of the study have been achieved on the basis of the comparative legal method. The practical significance of the work is that it justifies the need for legislative unification of legal norms regulating the activities of the prosecutor aimed at removing the obstacles to the consideration and resolution of criminal cases and introduction of appropriate amendments and additions to normative legal acts that would coordinate the procedure for sending cases by the procurator for additional investigation in strict compliance with the fundamental principles of domestic criminal proceedings.

Keywords: prosecutor; referral of cases for further investigation; Statute of Criminal Proceedings; removal of obstacles; referral for further investigation; violations of law; investigator; indictment; criminal proceedings; stage of pre-trial proceedings.

Cite as: Elchiev MF. Tendentsii razvitiya deyatelnosti prokurora po ustraneniyu prepyatstviy dlya rassmotreniya i razresheniya ugovolnykh del po ustavu ugovolnogo sudoproizvodstva 1864 g. [Tendencies of Development of Activities of a Prosecutor in Elimination of Obstacles to Consideration and Resolution of Criminal Cases under the 1864 Charter of Criminal Proceedings]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):36-45. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.036-045. (In Russ., abstract in Eng.)

В изучении проблемы деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел важное место занимает исторический аспект. Не зная исторического прошлого, невозможно двигаться вперед. Этой злободневной теме посвящались многочисленные работы ученых всех времен. Основываясь на ранее изложенном материале в трудах великих ученых, проводивших всестороннее исследование уголовного процесса России (С. И. Викторский, М. В. Духовской, В. К. Случевский, И. Я. Фойницкий, Н. Н. Розин), и на исследованиях современных правоведов (А. С. Степанянц, А. А. Тришева, С. Н. Назаров, А. В. Спиринов, О. Б. Лисафьева, В. А. Шиплюк, С. В. Ескина, И. А. Лупин, Д. Б. Гаврилов, А. В. Гриненко), нам представляется необходимым точно и полно раскрыть историю правового регулирования возвращения уголовных дел на доследование прокурором в эпоху судебной реформы 1864 г., а также значимость такой деятельности в уголовном процессе в историческом контексте в непосредственной взаимосвязи с эволюционным становлением модели российского уголовного процесса и основных принципов, что позволит наиболее полно оценить сущность и значение уголовно-процессуальной деятельности прокурора в отдельности и в целом. Поскольку актуальность рассматриваемого вопроса обостряется с каждым днем и обсуждается почти всеми учеными-правоведами России и их практическими коллегами с целью определить пути совершенствования деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Институт возвращения уголовных дел на доследование прошел длинный и «тернистый» путь в уголовно-процессуальном праве России

от розыскных начал уголовного процесса до формирования состязательного судостроительства.

Отправной точкой формирования деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел можно считать реорганизацию полиции в эпоху екатерининских реформ. В Большом наказе разграничивались компетенции судебных и полицейских органов. На полицию предполагалось возложить предупреждение и выявление уже совершенных преступлений, проведение дознания по ним и передачу преступников в суд¹.

Задумка такого реформирования заключалась в том, что лица, собирающие доказательства виновности, не желая, чтобы их работа пропала даром, всегда были склонны больше к обвинению, чем к оправданию подсудимого².

Поэтому в соответствии со ст. 37 Устава благочиния 1782 г. полиции предписывалось проводить следствие по проступкам и преступлениям, после чего дела и обвиняемых отсылать для рассмотрения в соответствующий судебный орган³.

Дальнейшее законодательное продолжение этих положений было зафиксировано в Указе от 29 октября 1800 г. «О производстве следствий по уголовным делам без наималейших упущений»⁴, который обязывал органы полиции производить следствие «по предписанным правилам, без наималейших упущений».

Надзор же за следствием как особая сфера контроля возлагался на прокуроров согласно подписанному еще в сентябре 1802 г. генерал-прокурором Г. Р. Державиным циркулярному ордеру. Прокурор обязан был добиваться приведения следствия в «надлежащую ясность, точность» и окончания его с «совершенным беспристрастием». То есть, говоря современным языком, прокурор обязан был обеспечивать всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела⁵.

¹ Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1987. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. С. 323.

² Латкин В. Н. История русского права : [лекции / проф. В. Латкин]. С.-Петербург. 189-?. С. 606.

³ Российское законодательство X—XX веков. М. : Юрид. лит., 1987. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. С. 331.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 26, кн. 1. С. 357.

⁵ Спиринов А. В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 9—10.

Важно подчеркнуть, что прокуроры и стряпчие по Своду законов 1857 г. имели полномочие по надзору за следствием и право направлять дело на доследование по основаниям неполноты или неправильности производства по делу. Они обязаны были наблюдать, чтобы следствия производились скоро, беспристрастно, с надлежащей ясностью и точностью, и для «сего имеют право требовать доставления им всякого дела и настаивать на дополнении следствия и предлагать о том, чего в производстве не достает». В 1860 г., с введением института судебных следователей, наблюдение за правильным производством следствий было оставлено за лицами прокурорского надзора. Это правило и вошло в новый устав уголовного судопроизводства⁶. Такая необходимость была вызвана тем, что до Судебных уставов на практике прокуроры не были ни обвинителями, ни защитниками, а являлись лишь «формальными надзирателями уголовных дел». Их роль в уголовном процессе отличалась безжизненностью, вялостью и формальным характером⁷.

Положения Устава уголовного судопроизводства (УУС) изменили основу организации деятельности прокуратуры, а некоторые из которых, как правильно отметила В. М. Деревскова, необходимо было бы реализовать и в современных условиях⁸.

По Судебным уставам прокурор стал обвинителем на суде и ему был передан надзор за предварительным следствием, в частности прокуроры и их товарищи имели право на «постоянное наблюдение за производством следствия» (ст. 278 УУС).

При этом М. В. Духовской высказывал позицию о том, что наблюдение прокурора не

должно переходить в руководство, так как это стеснило бы самостоятельность следователя⁹.

В соответствии со ст. 281 УУС следователь исполнял законные требования прокурора по предметам, относящимся только к исследованию преступления и к собиранию доказательств. В. Жданов указывал, что прокурорское требование считается законным, «если оно не выходит из пределов ведомства и власти», в противном случае «судебный следователь не обязан подчиняться убеждению прокурорского надзора о законности требований, когда до очевидности оказывается его незаконность»¹⁰.

Дальнейшее законодательное расширение степени власти прокуроров на предварительном следствии выразилось в праве требовать дополнения предварительного следствия по сделанным им указаниям, хотя судебный следователь и признавал следствие окончанным (ст. 286 УУС)¹¹.

У исследователей того периода возникали разногласия, касающиеся вопроса о том, все ли законные требования прокурора обязательны к исполнению или только те, которые следователь сочтет обоснованными. Н. В. Муравьев описывал этот спорный вопрос следующим образом: «Если предоставить следователю по собственному усмотрению отказывать в исполнении требований прокурора, то нельзя не опасаться возникновения между этими лицами частых пререканий и столкновений, которые расплодят переписку без всякой пользы для правосудия»¹².

Относительно предложений прокурора о дополнении предварительного следствия следователь обязан безусловно подчиниться¹³.

⁶ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений. С.-Петербург, 1867. Ч. 2. С. 122—123.

⁷ См.: Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М., 1913. С. 63.

⁸ Деревскова В. М. Влияние судебной реформы 1864 г. на российскую прокуратуру : ретроспективный анализ и современные аспекты // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4 (79). С. 3.

⁹ Духовской М. В. Русский уголовный процесс. М., 1902. С. 318.

¹⁰ Жданов В. О пререканиях следователя с прокурорами. Журнал Гражданского и Уголовного права. Книга шестая. 1885. С. 15.

¹¹ Российское законодательство X—XX веков. М. : Юрид. лит., 1991. Т. 8 : Судебная реформа. С. 148.

¹² Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. М., 1889. Т. 1. С. 410—411.

¹³ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. С.-Петербург, 1912. Т. 1. С. 314.

Н. А. Буцковский, поддерживая такую точку зрения, отмечал, что «власть, имеющая право требовать доследования и переследования, не может не иметь преобладающего влияния на производство следствия»¹⁴.

Но высказывались и прямо противоположные позиции ученых о несправедливости вменения следователю в обязанности исполнять требования прокурора о дополнении следствия, так как в этом выражалось возвышение обвинительной власти на судебной. Право прокурорского надзора направлять следствие нарушает равноправность сторон, потому что на предварительном следствии закон не допускает защиты¹⁵.

В этот исторический период в уголовном процессе признается непригодность предварительного следствия. Подчинение прокурорскому надзору, от которого министерство юстиции «вымогало» обвинительные приговоры, так как министерство требовало от прокуратуры периодических отчетов о том, какой процент проведенных дел оканчивается обвинительным приговором, делало судебных следователей односторонними в розыске улик, в связи с чем односторонность в производстве следствий являлась прямым логическим последствием инквизиционного процесса, положенного в основу предварительного следствия, и следователь выполнял роль преследователя. По таким делам предполагалось произвести полное следствие судом. Но большинство дел на судебном следствии ничем не дополнялось и не исправлялось. Защитник Скитских так описывал такое положение дел: «Русло проложено, следствие течет и журчит, убаюкивая и усыпляя»¹⁶.

В этой связи законодатель предоставил прокурору право исправления допущенных пред-

варительным следствием ошибок, пробелов, неточностей, неполноты путем дополнения, которое производилось двумя способами: требование дополнительных сведений и обращение дела к доследованию¹⁷.

Так продолжилось становление «жизненного пути» института дополнительного расследования. В соответствии со ст. 478 УУС предварительное следствие, оконченное производством, следователь направляет прокурору или его товарищу. Действия прокурора по делу, оконченному следствием, предусматривали следующий порядок: 1) прокурор обязан рассмотреть вопрос о том, произведено ли следствие с надлежащей полнотой; 2) принять решение предать обвиняемого суду, или дело должно быть прекращено или приостановлено (ст. 510 УУС); 3) в случае очевидной неполноты произведенного следствия и невозможности составить правильное заключение о существовании дела прокурор вправе потребовать дополнительные сведения или обратиться к доследованию (ст. 512 УУС). Причем, как отмечается в литературе, прокуроры весьма часто отсылали законченные следствия для дополнения из чисто формальных соображений, например, чтобы снять с себя ответственность за просрочку сроков (ст. 517 УУС)¹⁸. Поэтому лица прокурорского надзора, как указывал С. И. Викторский, были обязаны «под страхом ответственности воздерживаться от пополнения следствия несущественными сведениями»¹⁹.

Я. Городынский отмечал, что признание известного обстоятельства существенным или несущественным для дела зависит от чисто личных взглядов прокуроров, которые могут быть диаметрально противоположны. То, что один нахо-

¹⁴ Буцковский Н. А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. С.-Петербург, 1867. С. 22.

¹⁵ Боровиковский А. Замечания дилетанта о судебной реформе // Журнал гражданского и торгового права. Книжка пятая. С.-Петербург. 1872. С. 901.

¹⁶ Гессен И. В. Судебная реформа. С.-Петербург, 1905. С. 146—147.

¹⁷ Городынский Я. О дополнении оконченных предварительных следствий // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. Книга четвертая. С. 83.

¹⁸ Вопросы и ответы по уголовному судопроизводству : Применительно к прогр. Юрид. комис. по Фойницкому, Таганцеву и Тальбергу. С.-Петербург, 1902. С. 73.

¹⁹ Викторский С. И. Русский уголовный процесс. М., 1912. С. 343.

дит существенно необходимым для дела, другой может признавать совершенно ненужным. В оценке данных каждое лицо прокурорского надзора совершенно самостоятельно, связано своей совестью и иерархическая подчиненность не имеет никакого значения²⁰.

Такая деятельность прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения дел свидетельствовала о том, что прокурор, наблюдая за производством следствия, действует не как сторона, а как орган закона и поэтому должен заботиться не только об интересах обвинения, но и об интересах защиты и интересах раскрытия истины²¹.

При принятии решения о требовании дополнительных сведений прокурор был не вправе возвратить дела к дополнению в следующих случаях : а) для собирания справок — за исключением тех случаев, когда справкой разрешаются вопросы о судебном преследовании и подсудности дела; б) для исследования преступления, обнаруженного при производстве следствия и не имеющего существенной связи с производимым делом; в) когда предмет дела составляет важнейшее преступление обвиняемого — для одновременного направления этого дела вместе с другим, о менее важных преступлениях того же обвиняемого; г) для освобождения обвиняемого из-под стражи²².

Основанием для принятия прокурором решения о возвращении дела к доследованию или для истребования дополнительных сведений в соответствии с законом являлась невозможность прокурора составить обвинительное заключение из-за неполноты произведенного следствия.

Кроме того, законодатель закрепил за прокурором право возвращать дело к доследованию не только для того, чтобы составить правильное

заключение о существовании дела и дать последнему дальнейшее направление, но и для полноты материала, предполагаемого к рассмотрению в судебном разбирательстве: прежний образ жизни обвиняемого, его нравственные качества, отношения к потерпевшему и т.п. Такое основание, как полнота следствия, было обусловлено тем, что непосредственное констатирование на суде известных данных могло встретить непреодолимые препятствия, например, нужные для того свидетели умрут, заболеют или по другим причинам не явятся, а если они будут допрошены судебными следователями, то их показания можно прочитать²³.

Я. Городынский, изучая рассматриваемую нами тему, высказывал позицию о предпочтительности требования прокурором дополнительных сведений, а не обращения всего дела к доследованию. Мотивируя это тем, что возвращение дела в прежнюю фазу — «акт весьма серьезный и к такой мере должно прибегать лишь в тех случаях, когда это представляется безусловно необходимым, то есть когда требование дополнительных сведений не может достигнуть цели»²⁴.

Возвращение дел на доследование являлось одной из главнейших причин, обуславливающих медленность следственного производства. Но несмотря на это, в уголовном судопроизводстве активно применялся данный институт. Всего возвращалось более 10 % дел от числа направленных прокурорам. Так, в 1877 г. из 78 311 уголовных дел, оконченных судебными следователями и направленных прокурорам, возвращено для дополнения 7 590 дел, в 1878 г. из 81 613 возвращено 8 545 дел, в 1879 г. из 83 072 возвращено 8 700 дел²⁵.

Основаниями направления дел для дополнительного расследования служили пробелы,

²⁰ *Городынский Я.* Указ. соч. С. 88—89.

²¹ *Фойницкий И. Я.* Курс русского уголовного судопроизводства. С.-Петербург, 1884—1885. Т. 2. С. 315.

²² *Тимановский А. Т.* Сборник толкований русских юристов к Судебным уставам Императора Александра Второго: За 25 лет (1866—1891) : Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. Варшава, 1892. С. 401—402.

²³ *Городынский Я.* Указ. соч. С. 136—137.

²⁴ *Городынский Я.* Указ. соч. С. 84.

²⁵ *Городынский Я.* Указ. соч. С. 79.

неточности и неясности в уголовных делах, ставшие возможными в результате упущений в работе следователей. Также налицо была вина прокуроров, которые ненадлежащим образом осуществляли надзор за производством предварительных следствий, не вникали в сущность предварительных следствий и своевременно не вносили предложения о дополнении окончанных следствий. Поэтому закон требовал от прокурорского надзора следить за ходом следствий в интересах правосудия²⁶.

В деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел просматривался бюрократический след. Прокуроры при принятии решения о возвращении дела на доследование указывали следователю на выяснение обстоятельств в пользу обвиняемых с целью не допустить поступления в суд шатких дел, относительно которых были сомнения, что они пройдут с обвинением. Такая ситуация сложилась, когда обвинителей обязали в случае увеличения числа оправдательных приговоров объяснять начальству причины таких явлений. Именно поэтому законодатель определил, чтобы собрание материала при предварительном следствии происходило под наблюдением прокуроров и их товарищей «для доставления следствия, как сказано в объяснительной записке Блудова, надлежащей полноты и правильности»²⁷.

Таким образом, с сожалением мы должны констатировать тот факт, что именно жесткая бюрократическая статистическая отчетность для должностных лиц правоохранительных органов по линии дополнительного расследования заставила обратить внимание на права личности с целью установления истины и всех обстоятельств следствия в пользу обвиняемых.

Проведенное исследование доказало «ценность» деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел тогда и необходимость ее усо-

вершенствования сейчас, так как современное положение прокурора в уголовном процессе на стадии досудебного производства вызывает много упреков в сторону законодателя.

Уместно замечание О. В. Воронина о том, что сегодня закрепленное функциональное содержание прокурорской деятельности реально не отражает фактических тенденций ее развития, что не способствует раскрытию ее традиционно-социального предназначения, заключающегося в охране и защите правомерного состояния поднадзорной среды²⁸.

А. В. Спиринов справедливо отмечает, что в результате отрицания исторической преемственности законодательства, регулирующего надзорные полномочия прокурора, отсутствия системного подхода правоприменители столкнулись с многочисленными проблемами. С одной стороны, утратив надзорные полномочия, прокурор не мог на прежнем уровне обеспечивать соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, с другой стороны, не произошло и декларируемого повышения авторитета и самостоятельности следователя²⁹.

Анализируя деятельность прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел в историческом контексте в период проведения судебной реформы 1864 г., следует высказать предложение о необходимости незамедлительного принятия мер к законодательному расширению прокурорских полномочий с целью установления гарантий защиты конституционных прав и свобод граждан, реализации основополагающих принципов российского уголовного процесса в четком соответствии со сложившимся типом уголовного процесса России. Полагаем, что только расширенная конструкция ряда полномочий прокурора приведет к улучшению качества расследования уголовных дел, своевременного реагирования на нарушения законов на всех этапах уголовно-процессуальной деятельности

²⁶ *Городынский Я.* Указ. соч. С. 79—80.

²⁷ *Городынский Я.* Указ. соч. С. 110—111.

²⁸ *Воронин О. В.* О некоторых тенденциях развития отечественной прокурорской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4 (10). С. 73.

²⁹ *Спиринов А. В.* Указ. соч. С. 42.

с момента поступления заявления, сообщения о деянии, имеющем признаки преступления, и до принятия прокурором окончательного решения по делу, к совершенствованию деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел.

Важно заметить, что в настоящее время полномочия прокурора за расследованием уголовных дел небольшой и средней тяжести, осуществляемым в форме дознания, шире, чем при надзоре за расследованием тяжких и особо тяжких преступлений в форме предварительного следствия³⁰.

Нам представляется абсолютно правильной позиция А. В. Гриненко о наделении прокурора вне зависимости от формы предварительного расследования правом осуществлять всеобъемлющий надзор за законностью и обоснованностью действий и решений дознавателя и следователя, с правом давать следователю обязательные для исполнения письменные поручения по вопросам обвинения и обеспечения прав и законных интересов участников процесса, а также признавать те или иные сведения недопустимыми доказательствами³¹.

Подводя итоги проведенного нами краткого исследования деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел в историческом аспекте, следует резюмировать :

1. Изучение исторической части деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел пе-

риода судебной реформы 1864 г. помогло лучше понять их историческое предназначение, показало историческую необходимость выполнения возложенных на этот орган функций и принятия предложений по усовершенствованию и повышению эффективности деятельности прокурора в современных условиях при принятии решения о возвращении уголовного дела для дополнительного следствия.

2. При дальнейшем совершенствовании правового регулирования деятельности прокурора по устранению препятствий для рассмотрения и разрешения уголовных дел следует учитывать и использовать исторический опыт Устава уголовного судопроизводства 1864 г. за счет усиления надзорных полномочий прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства от «постоянного наблюдения» прокурора за предварительным следствием до обязательного исполнения следователем требований прокурора об устранении недостатков и нарушений закона.

3. Деятельность прокурора по возвращению уголовных дел следователю для производства дополнительного следствия нуждается в выработке общей концепции порядка возвращения уголовных дел прокурором следователю для производства дополнительного следствия, которая бы единообразно описывала правоотношения в данной сфере и обеспечивала принятие по ним законного и обоснованного решения по существу в строгом соответствии с основополагающими началами российского уголовного процесса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Боровиковский А. Замечания дилетанта о судебной реформе // Журнал гражданского и торгового права. — Книжка пятая. — С.-Петербург, 1872. — С. 896—945.
2. Буцковский Н. А. О деятельности прокурорского надзора вследствие отделения обвинительной власти от судебной. — С.-Петербург, 1867. — 80 с.

³⁰ Назаров С. Н. Актуальность исторического опыта правового регулирования прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 2. С. 83.

³¹ Гриненко А. В. О распределении полномочий должностных лиц уголовного судопроизводства со стороны обвинения (сравнительное исследование современного законодательства и положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) // Вестник Московского университета МВД РФ. 2015. № 3. С. 100.

3. Вопросы и ответы по уголовному судопроизводству : Применительно к прогр. юрид. комис. по Фойницкому, Таганцеву и Тальбергу. — С.-Петербург, 1902. — 84 с.
4. Воронин О. В. О некоторых тенденциях развития отечественной прокурорской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2013. — № 4 (10). — С. 65—73.
5. Гессен И. В. Судебная реформа. — С.-Петербург, 1905. — 267 с.
6. Гордыцкий Я. О дополнении оконченных предварительных следствий // Журнал гражданского и уголовного права. — 1885. — Книга четвертая. — С. 75—142.
7. Гриненко А. В. О распределении полномочий должностных лиц уголовного судопроизводства со стороны обвинения (сравнительное исследование современного законодательства и положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г.) // Вестник Московского университета МВД РФ. — 2015. — № 3. — С. 98—101.
8. Деревскова В. М. Влияние судебной реформы 1864 г. на российскую прокуратуру: ретроспективный анализ и современные аспекты // Сибирский юридический вестник. — 2017. — № 4 (79). — С. 3—10.
9. Духовской М. В. Русский уголовный процесс. — М., 1902. — 492 с.
10. Жданов В. О пререканиях следователя с прокурорами // Журнал гражданского и уголовного права. — Книга шестая. — 1885. — С. 12—37.
11. Латкин В. Н. История русского права : [лекции / проф. В. Латкин]. — С.-Петербург, 189-?. — 616 с.
12. Муравьев Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. Пособие для прокурорской службы. — М., 1889. — Т. 1. — 552 с.
13. Назаров С. Н. Актуальность исторического опыта правового регулирования прокурорского надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2012. — № 2. — С. 78—84.
14. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. — М., 1913. — 328 с.
15. Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1987. — Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. — 528 с.
16. Российское законодательство X—XX веков : в 9 т. — М. : Юрид. лит., 1991. — Т. 8 : Судебная реформа. — 496 с.
17. Спириин А. В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : монография. — М. : Юрлитинформ, 2016. — 238 с.
18. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений. — С.-Петербург, 1867. — Ч. 2. — 522 с.
19. Тимановский А. Т. Сборник толкований русских юристов к Судебным уставам императора Александра Второго : За 25 лет (1866—1891) : Учреждение судебных установлений и Устав уголовного судопроизводства. — Варшава, 1892. — 651 с.
20. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — С.-Петербург, 1912. — Т. 1. — 566 с.

Материал поступил в редакцию 25 апреля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Borovikovskij A. Zamechaniya diletanta o sudebnoj reforme // Zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava. — Knizhka pyataya. — S.-Peterburg, 1872. — S. 896—945.
2. Buckovskij N. A. O deyatel'nosti prokurorskogo nadzora vsledstvie otdeleniya obvinitel'noj vlasti ot sudebnoj. — S.-Peterburg, 1867. — 80 s.
3. Voprosy i otvety po ugovolnomu sudoproizvodstvu : Primenitel'no k progr. yurid. komis. po Fojnickomu, Tagancevu i Tal'bergu. — S.-Peterburg, 1902. — 84 s.

4. Voronin O. V. O nekotoryh tendenciyah razvitiya otechestvennoj prokurorskoj deyatel'nosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2013. — № 4 (10). — S. 65—73.
5. Gessen I. V. Sudebnaya reforma. — S.-Peterburg, 1905. — 267 s.
6. Gorodyskij Ya. O dopolnenii okonchennyh predvaritel'nyh sledstvij // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. — 1885. — Kniga chetvertaya. — S. 75—142.
7. Grinenko A. V. O raspredelenii polnomochij dolzhnostnyh lic ugovnogo sudoproizvodstva so storony obvineniya (sravnitel'noe issledovanie sovremennogo zakonodatel'stva i polozhenij Ustava ugovnogo sudoproizvodstva 1864 g.) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD RF. — 2015. — № 3. — S. 98—101.
8. Derevsokva V. M. Vliyanie sudebnoj reformy 1864 g. na rossijskuyu prokuraturu: retrospektivnyj analiz i sovremennye aspekty // Sibirskij yuridicheskij vestnik. — 2017. — № 4 (79). — S. 3—10.
9. Duhovskoj M. V. Russkij ugovnyj process. — M., 1902. — 492 s.
10. Zhdanov V. O prekanijah sledovatelya s prokurorami // Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava. — Kniga shestaya. — 1885. — S. 12—37.
11. Latkin V. N. Istoriya russkogo prava : [lekcii / prof. V. Latkin]. — S.-Peterburg, 189-?. — 616 s.
12. Murav'ev N. V. Prokurorskij nadzor v ego ustrojstve i deyatel'nosti. Posobie dlya prokurorskoj sluzhby. — M., 1889. — T. 1. — 552 s.
13. Nazarov S. N. Aktual'nost' istoricheskogo opyta pravovogo regulirovaniya prokurorskogo nadzora na dosudebnyh stadiyah ugovnogo sudoproizvodstva // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. — 2012. — № 2. — S. 78—84.
14. Poznyshev S. V. Elementarnyj uchebnik russkogo ugovnogo processa. — M., 1913. — 328 s.
15. Rossijskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov : v 9 t. — M. : Yurid. lit., 1987. — T. 5 :Zakonodatel'stvo perioda rascveta absolyutizma. — 528 s.
16. Rossijskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov : v 9 t. — M. : Yurid. lit., 1991. — T. 8 : Sudebnaya reforma. — 496 s.
17. Spirin A. V. Polnomochiya prokurora po nadzoru za processual'noj deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo sledstviya : monografiya. — M. : Yurlitinform, 2016. — 238 s.
18. Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda, s izlozheniem rassuzhdenij. — S.-Peterburg, 1867. — Ch. 2. — 522 s.
19. Timanovskij A. T. Sbornik tolkovanij russkih yuristov k Sudebnym ustavam imperatora Aleksandra Vtorogo : Za 25 let (1866—1891) : Uchrezhdenie sudebnyh ustanovlenij i Ustav ugovnogo sudoproizvodstva. — Varshava, 1892. — 651 s.
20. Fojnickij I. Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. — S.-Peterburg, 1912. — T. 1. — 566 s.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.046-053

Н. А. Зайнитдинов*

Указание национальности в паспорте гражданина Российской Федерации как форма реализации права на национальную принадлежность

Аннотация. Отечественные конституционалисты разошлись во мнениях относительно возможности указания национальности гражданина в паспорте. Считается, что на сегодня указание национальной принадлежности в паспорте не производится, однако выясняется, что это не так. Декларирование национальной принадлежности в скрытой форме, с помощью специального вкладыша, возможно для граждан, проживающих в республиках и являющихся носителями нерусских государственных языков республик. Данное положение дел создает неравные условия для жителей разных видов субъектов Российской Федерации и для граждан разных национальностей. Национальная принадлежность русских как большинства не выражается в Российской Федерации через саму государственность и институт гражданства, как в зарубежных странах, в которых национальность в паспорте не указывается. Обосновывается ошибочность позиции Конституционного Суда РФ о недопустимости указания национальности гражданина в его паспорте. Делается вывод о желательности возвращения указания национальности в паспорте для всех граждан с целью наиболее полной реализации права на национальную принадлежность в условиях Российской Федерации.

Ключевые слова: национальность; национальное государство; республика; государственный язык; титульная нация; вкладыш к паспорту; гражданин; выражение национальности; указание национальности; Конституционный Суд; меньшинства; закон.

Для цитирования: Зайнитдинов Н. А. Указание национальности в паспорте гражданина Российской Федерации как форма реализации права на национальную принадлежность // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 46—53. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.046-053.

© Зайнитдинов Н. А., 2020

* Зайнитдинов Николай Александрович, старший преподаватель кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета
Свободный пр., д. 79, г. Красноярск, Россия, 660041
zainitdinov@rambler.ru

Indication of Nationality in the Passport of a Citizen of the Russian Federation as a Form of Implementation of the Right to Nationality

Nikolay A. Zaynitdinov, Senior Lecturer of the Department of Constitutional, Administrative and Municipal Law, Siberian Federal University
pr. Svobodnyi, d. 79, Krasnoyarsk, Russia, 660041
zainitdinov@rambler.ru

Abstract. Constitutionalists in Russia have disagreed on the possibility of specifying nationality of a citizen in the passport. It is believed that at present the indication of nationality in the passport is not made, but it turns out that this is not the case. Implicit declaration of nationality with the help of a special insert is possible for citizens living in the republics and for native speakers of non-Russian state languages of republics. This state of affairs creates inequality for residents of different types of constituent entities of the Russian Federation and for citizens of different nationalities. Nationality of Russians as a national majority is not expressed in the Russian Federation through the statehood itself and through the institution of citizenship as it is done in foreign countries where nationality is not indicated in the passport. The author substantiates an erroneous stance of the Constitutional Court of the Russian Federation on inadmissibility of specifying nationality of a citizen in his or her passport. It is concluded that it is desirable to restore indication of nationality in the passport for all citizens with the aim of the fullest implementation of the right to nationality in the context of the Russian Federation.

Keywords: nationality; national state; republic; state language; title nation; entry to the passport; citizen; expression of nationality; indication of nationality; Constitutional Court; minorities; law.

Cite as: Zainitdinov NA. Ukazanie natsionalnosti v pasporte grazhdanina Rossiyskoy Federatsii kak forma realizatsii prava na natsionalnyuyu prinadlezhnost [Indication of Nationality in the Passport of the Citizen of the Russian Federation as a Form of Implementation of the Right to Nationality]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):46-53. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.046-053. (In Russ., abstract in Eng.)

В отечественной конституционно-правовой науке недостаточно внимания уделяется конституционному праву на определение и указание национальной принадлежности (полагаем, его можно называть правом на национальную принадлежность). Одним из аспектов, который относительно часто рассматривается в научных трудах, является возможность указания национальной принадлежности человека в паспорте гражданина Российской Федерации. Мнения по этому вопросу разделяются. Так, например, С. А. Авакьян¹ и А. Н. Кокотов² высказы-

вались за такую возможность, а В. А. Кряжков³ и В. В. Андрианова⁴ — против нее. С нашей точки зрения, в научных источниках с обеих сторон отсутствует достаточно убедительная аргументация. Далее попробуем разобраться в этом вопросе.

Положение о паспортах, утвержденное постановлением Центрального исполнительного комитета Совета Народных Комиссаров СССР⁵, относило национальность к числу сведений, зачисляемых в паспорт в обязательном порядке (п. 9 данного Положения). Положение о паспортной

---

¹ Авакьян С. А. Конституционное право России : учебный курс: в 2 т. М. : Юристъ, 2005. Т. 1. С. 595.

² Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юрид. академии, 1994. С. 63—64.

³ Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. М. : Норма, 2010. С. 200—201.

⁴ Андрианова В. В. Право национальной принадлежности — новелла личных прав // Миграционное право. 2010. № 4. С. 14—17.

⁵ Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописки паспортов: постановление ЦИК СНК от 27 декабря 1932 г. № 1917 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/901958829> (дата обращения: 24.04.2019).

системе в СССР, утвержденное постановлением Совета Министров СССР⁶, также предусматривало в п. 3 раздела I «Общие положения» обязательное внесение в паспорт национальности гражданина. Действующее Положение о паспорте гражданина Российской Федерации⁷ (далее — Положение) не предусматривает внесения в данный документ сведений о национальности человека. Однако нам представляется, что не все так однозначно.

Положение определяет, что бланки паспорта изготавливаются по единому для всей Российской Федерации образцу и оформляются на русском языке (п. 2). Но этот же пункт говорит, что к бланкам паспорта, предназначенным для оформления в республиках, находящихся в составе Российской Федерации, могут изготавливаться вкладыши, предусматривающие внесение на государственном языке (языках) этой республики сведений о личности гражданина. Согласно п. 4 Положения к сведениям о личности гражданина относятся: фамилия, имя, отчество, пол, дата рождения и место рождения. Форма вкладыша устанавливается органами власти республик и Министерством внутренних дел РФ по согласованию с Геральдическим советом при Президенте РФ.

С нашей точки зрения, п. 2 Положения содержит две возможности: во-первых, возможность для республик как субъектов Федерации устанавливать форму вкладыша, во-вторых, возможность для проживающих в республиках граждан оформлять паспорт с вкладышем на нерусском государственном языке республики. То есть республика может и не установить форму такого вкладыша, и тогда все паспорта граждан в ней будут оформляться исключительно на русском языке. А в республике, которая воспользуется

данной ей возможностью установить форму вкладыша на ином государственном языке, гражданин может и не запрашивать оформление паспорта с вкладышем на нерусском языке.

Мы полагаем, что возможность дублирования сведений о личности гражданина в паспорте на государственном (нерусском) языке республики означает возможность декларирования им своей национальной принадлежности в скрытой (неявной) форме. Очевидно, что воспользоваться этой возможностью, скорее всего, пожелает гражданин, принадлежащий к той этнической общности, на языке которой и будут вноситься сведения о его личности. Исключения возможны, но маловероятны.

Как правило, в республиках устанавливается один государственный язык, соответствующий народу, на основе которого она образована (мы полагаем, что можно назвать эти народы государствообразующими, хотя ранее было принято именовать их «титულными»⁸). Таким образом, возможность выражения своей национальной принадлежности благодаря вкладышу к паспорту получают именно представители «титульного» этноса. Но не все республики устанавливают дополнительно один государственный язык. В Кабардино-Балкарии установлены два государственных языка⁹, помимо русского, поэтому там возможность национального самовыражения таким способом имеют кабардинцы и балкарцы. В Карачаево-Черкесии установлены четыре нерусских государственных языка¹⁰, то есть выразить свою национальную принадлежность в скрытой форме имеют возможность абазины, карачаевцы, ногайцы и черкесы. Согласно Конституции Республики Дагестан¹¹, государственными языками, помимо русского, являются языки народов Дагестана. Конституция

⁶ Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР: постановление Совета Министров СССР от 28 августа 1974 г. № 677 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. № 828 (в ред. от 20.11.2018) // СЗ РФ. 1997. № 28. Ст. 3444.

⁸ Конституционное право субъектов Российской Федерации. М., 2002. С. 269.

⁹ Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. № 28-РЗ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Конституция Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Крыма¹² закрепляет в качестве дополнительных государственных языков украинский и крымско-татарский.

Некоторые республики воспользовались правом устанавливать форму вкладыша к бланку паспорта граждан Российской Федерации на их государственных языках, хотя не во всех из них это было произведено юридически корректно.

Так, Указом Президента Республики Адыгея «О вкладыше в паспорт гражданина Российской Федерации»¹³ было утверждено описание вкладыша, но оно не полностью соответствует федеральному Положению о паспорте, поскольку, помимо дублирования сведений на государственном языке, предусматривает строку «национальность», то есть внесение сведений о национальной принадлежности лица не в скрытой, а в явной форме.

Типовой образец бланка-вкладыша к паспорту гражданина РФ был утвержден постановлением Правительства Республики Алтай¹⁴.

Постановлением Правительства Республики Дагестан¹⁵ было утверждено Положение о вкладыше к паспорту гражданина РФ, согласно п. 3 которого вкладыш должен был оформляться на русском языке и в него буквально должны

были вноситься сведения о национальности человека. Однако последующим постановлением Правительства Республики Дагестан¹⁶ было все же установлено, что изготовление вкладышей к паспорту гражданина Российской Федерации осуществляется на государственных языках народов Республики Дагестан (помимо русского, их 13).

Форма вкладыша была утверждена в Республике Башкортостан постановлением ее Кабинета Министров¹⁷. В Республике Татарстан форма такого вкладыша также была утверждена постановлением Кабинета Министров¹⁸.

Указ Президента Республики Ингушетия «О вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации на ингушском языке»¹⁹ установил, что по желанию гражданина РФ, наряду с паспортом, может выдаваться вкладыш к нему, оформленный на ингушском языке (п. 1).

В Республике Саха (Якутии) постановлением Правительства «Об утверждении Положения о вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации со сведениями о национальной принадлежности»²⁰, как следует из его наименования, была предусмотрена возможность не только продублировать сведения о личности

¹² Конституция Республики Крым от 11 апреля 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ О вкладыше в паспорт гражданина Российской Федерации: Указ Президента Республики Адыгея от 6 июля 1998 г. № 81 (в ред. Указа Президента Республики Адыгея от 8 февраля 1999 г. № 35) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ О типовом образце бланка-вкладыша Республики Алтай к паспорту гражданина Российской Федерации: постановление Правительства Республики Алтай от 17 июля 2001 г. № 208 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ Об утверждении Положения о вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации: постановление Правительства Республики Дагестан от 3 июня 1998 г. № 111 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ О вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации: постановление Правительства Республики Дагестан от 1 августа 2002 г. № 136 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Об утверждении формы вкладыша к бланку паспорта гражданина Российской Федерации, предназначенному для оформления в Республике Башкортостан: постановление Кабинета Министров Республики Башкортостан от 22 марта 2001 г. № 54 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Об утверждении формы вкладыша к бланку паспорта гражданина Российской Федерации, предназначенному для оформления в Республике Татарстан: постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 21 мая 2001 г. № 291 // ИПС «Гарант».

¹⁹ О вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации на ингушском языке: Указ Президента Республики Ингушетия от 9 апреля 2001 г. № 64 // ИПС «Гарант».

²⁰ Об утверждении Положения о вкладыше к паспорту гражданина Российской Федерации со сведениями о национальной принадлежности: постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 10 июня 2000 г. № 319 // СПС «КонсультантПлюс».

гражданина на якутском языке, но еще и вне-сти саму национальную принадлежность в этот вкладыш. Впрочем, впоследствии это Положение было отменено.

Как нам представляется, возможность скрытого указания в паспорте своей национальной принадлежности в виде дублирования сведений о личности гражданина во вкладыше на нерусском языке содержит в себе опасность неравного отношения к разным категориям граждан.

Во-первых, в невыгодное положение по отношению к гражданам РФ, проживающим в республиках, ставятся жители иных субъектов Российской Федерации: как национальных — автономных округов и автономной области, так и территориальных — краев, областей, городов федерального значения.

Во-вторых, внутри республик в невыгодном положении по отношению к представителям этнических общностей, являющимся носителями соответствующих языков, оказываются представители иных народов. Прежде всего это русские.

В-третьих, в невыгодном положении окажутся представители тех этносов, которые в республиках являются носителями государственных нерусских языков, но проживают и оформляют паспорта гражданина РФ в других субъектах Российской Федерации, в которых такой возможности не существует. Согласно данным Всероссийской переписи населения (по нашим подсчетам), существует ряд этнических общностей, значительная часть или большинство которых (38—85 %) проживает за пределами соответствующей республики. К ним относятся: буряты, марийцы, мордва, ногайцы, татары, чувашаи.

Конституционный Суд РФ 23 марта 2010 г. вынес определение № 326-О-О по жалобе гражданина Б. С. Кононова²¹, в котором отказал ему в принятии к рассмотрению жалобы на нарушения конституционных прав гражданина

Положением о паспорте гражданина Российской Федерации. Заявитель полагал, что Положение противоречит ч. 1 ст. 26 Конституции РФ как не предусматривающее возможности внесения в паспорт сведения о национальности. Во-первых, Конституционный Суд сказал, что согласно ст. 10 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» паспорт гражданина РФ предназначен для удостоверения гражданства Российской Федерации, которое, в силу ее Конституции (ст. 6, ч. 1), является единым и не зависит от оснований его приобретения. Во-вторых, Суд посчитал, что «поскольку с учетом названных нормативных положений национальность не может иметь юридического значения для статуса лица как гражданина Российской Федерации, то указание в паспорте гражданина Российской Федерации сведений о национальности не может рассматриваться в качестве обязательного требования, предъявляемого к содержанию данного документа».

Мы полагаем, что позиция Конституционного Суда, выраженная в упомянутом отказном определении, содержит некоторые ошибки. Кроме того, большая часть доводов не имеет прямого отношения к делу. Далее попытаемся обосновать, в чем принципиально был неправ Конституционный Суд.

Суть правовой позиции Конституционного Суда, на наш взгляд, состоит в том, что национальность гражданина и гражданство РФ не соприкасаются друг с другом, вследствие чего национальность не должна (не может) фиксироваться в паспорте гражданина как основном документе, удостоверяющем его личность. Рассмотрим, как дело обстоит в зарубежных странах.

Например, национальность граждан регистрируется в удостоверении личности в Сингапуре, причем может быть зарегистрирована даже двойная национальность. В основе сингапурской государственности лежит принцип многонациональности²².

²¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кононова Бориса Степановича на нарушения его конституционных прав Положением о паспорте гражданина Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 23 марта 2010 г. № 326-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

²² Астафьева Е. М. Новое в национальной классификации сингапурцев // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2011. № 17. С. 307.

Из бывших союзных республик Союза ССР следует упомянуть Казахстан. Там принят и действует закон «О документах, удостоверяющих личность»²³. В статье 7 «Требования к документам, удостоверяющим личность» Закона сказано, что такие документы, как паспорт гражданина Республики Казахстан, удостоверение личности гражданина Республики Казахстан, дипломатический паспорт Республики Казахстан и служебный паспорт Республики Казахстан могут содержать данные о национальной принадлежности — по желанию владельца. Судя по контексту Закона, аналогом нашего паспорта гражданина РФ, удостоверяющим личность на территории РФ, в Казахстане является удостоверение личности гражданина, а под паспортом понимается аналог нашего паспорта для удостоверения личности за пределами территории РФ (загранпаспорт). Республика Казахстан, в отличие от многонационального Сингапура, является национальным государством казахского народа. В ныне действующей Конституции Казахстана 1995 г., в отличие от предыдущей (Конституции 1993 г.), не утверждается открыто, что это «форма государственности самоопределившейся казахской нации»²⁴. Однако в преамбуле провозглашается созидание данной государственности на «исконной казахской земле»²⁵ (очевидно, земле, принадлежащей той же самой казахской нации). Кстати, в Конституции Республики Казахстан содержится наиболее близкое к формулировке Конституции Российской Федерации по смыслу и форме положение относительно национальной принадлежности человека. Часть 1 ст. 19 действующей Конституции Казахстана гласит: «Каждый вправе определять и указывать или не указывать свою национальную, партийную или религиозную принадлежность»²⁶.

С нашей точки зрения, возможность указания в документах казахских граждан их национальности, в том числе в удостоверении личности (аналоге российского паспорта гражданина), является нетипичным случаем для национальных государств на этнической основе, нехарактерной для их природы чертой. Это, скорее, рудимент советской эпохи.

В конституциях или аналогичных им источниках в национальных государствах на этнической основе, как правило, прямо выделяются или подразумеваются следующие черты (или некоторые из них):

- 1) указание, в принципе, на национальную природу их государственности;
- 2) указание на государствообразующий народ (этнос, нацию), представляющий национальное (этническое) большинство в данном государстве (титულную нацию);
- 3) указание на национальные (этнические) меньшинства;
- 4) указание на связь государства и представителей национального (этнического) большинства, не обладающих гражданством данного государства и, как правило, проживающих за его пределами;
- 5) выделение специального права на национальную принадлежность (ее сохранение, выражение, определение).

К таким государствам, помимо Казахстана, можно отнести²⁷: Азербайджан, Албанию, Армению, Беларусь, Болгарию, Венгрию²⁸, Германию, Грузию, Израиль, Ирландию, Испанию, Латвию, Литву, Македонию, Молдову, Польшу, Сербию, Словакию, Словению, Румынию, Украину, Хорватию, Чехию, Эстонию. Право на национальную принадлежность, помимо Казахстана, закрепили в своих конституциях следующие страны:

²³ О документах, удостоверяющих личность: Закон Республики Казахстан от 29 января 2013 г. № 73-V // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31326562#pos=3;-151 (дата обращения: 25.04.2019).

²⁴ Конституция Республики Казахстан от 28 января 1993 г. // URL: ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Республики_Казахстан_1993_года (дата обращения: 28.02.2019).

²⁵ Конституции государств Европы : в 3 т. М. : Норма, 2001. Т. 2. С. 167.

²⁶ Конституции государств Европы. Т. 2. С. 170.

²⁷ Конституции государств Европы.

²⁸ Основной Закон Венгрии от 25 апреля 2011 г. // http://nemzetikonyvtar.kormany.hu/download/3/00/50000/orosznyomda_jav%C3%ADtott.pdf (дата обращения: 28.02.2019).

Азербайджан, Беларусь, Эстония, Венгрия, Македония, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия²⁹.

Мы полагаем, что в национальных государствах такого типа применяется принцип, согласно которому все его граждане считаются принадлежащими к государствовластвующему народу (национальному большинству), если они не заявят об иной национальной принадлежности (к национальному меньшинству). В подтверждение нашей гипотезы можно привести положения Основного закона ФРГ.

Основной закон ФРГ, согласно его преамбуле, был принят германским народом в силу его конституирующей власти³⁰. Далее уточняется, что немцы в перечисленных землях достигли единства и свободы Германии на основе свободного самоопределения и что действие Основного закона распространяется на весь германский народ³¹. В статье 1 снова упоминается немецкий народ — в контексте концепции неприкосновенных и неотчуждаемых прав человека как основы всякого человеческого сообщества, мира и справедливости на земле³². А в некоторых статьях, где раскрывается содержание прав и свобод, субъектами этих прав и свобод именуется немцы (ст. 8, 9 и др.)³³. Статья 116 Основного закона уточняет, что «если нет иного законодательного регулирования», немцем является «каждый, кто обладает немецким гражданством или нашел убежище в качестве беженца, перемещенного лица немецкой национальности, а также супруга или потомка одного из этих лиц на территории Германской империи в границах, существовавших на 31 декабря 1937 года». Итак, немцем является каждый гражданин ФРГ, если законом не установлено иное.

Также можно сослаться на европейскую Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств³⁴, часть 1 ст. 3 которой гласит, что

«любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, имеет право свободного выбора рассматриваться или не рассматриваться как таковое». На наш взгляд, это означает, что условно любой гражданин национального государства может считаться представителем национального большинства, если не захочет рассматриваться как представитель национального меньшинства. Таким образом, право на национальную принадлежность существует специально для представителей национальных меньшинств, которые пожелают сохранить свою национальную идентичность в рамках национального государства, выражающего иную национальную идентичность.

Если же гражданин такого государства считается представителем национального большинства, то получается, что данная государственность автоматически выражает национальную принадлежность большинства граждан. То есть национальная принадлежность выражается с помощью гражданства. А если у гражданина имеется некий единый документ, удостоверяющий его личность (и заодно гражданство), то этот документ как бы выражает и его национальную принадлежность. Таким образом, большинство граждан национального государства на этнической основе не нуждаются в каких-то особенных формах фиксации своей национальности, в частности в особой записи в паспорте. И наоборот, на примере многонационального в своей основе Сингапура мы видим, что документальная регистрация национальности гражданина применяется там, где этничность отделена, отчуждена от государственности.

С нашей точки зрения, республики в составе Российской Федерации, по сути, применяют тот принцип, который мы сформулировали (хотя и в несколько видоизмененной форме). Не каждый житель республики считается «лицом титуль-

²⁹ Конституции государств Европы.

³⁰ Конституции государств Европы. Т. 1. С. 580.

³¹ Конституции государств Европы. Т. 1. С. 580.

³² Конституции государств Европы. Т. 1. С. 580.

³³ Конституции государств Европы. Т. 1. С. 582.

³⁴ О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств : Федеральный закон от 18 июня 1998 г. № 84-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ной национальности», но каждый, кто оформит вкладыш на соответствующем языке, считается лицом с соответствующей национальной принадлежностью. Такое искажение принципа обусловлено тем, что республики не являются суверенными государствами, не имеют собственного гражданства и не устанавливают самостоятельно форму паспорта гражданина республики.

Конституция РФ, согласно положениям ее преамбулы, была принята от имени некоего «многонационального народа Российской Федерации». Русский народ, фактически являясь национальным (этническим) большинством в РФ, ни в каком контексте не упомянут ни в Конституции, ни в федеральном законодательстве. Очевидно, что русский народ исторически является государствообразующим (собствен-

но говоря, наименование государства Россия производно от этнонима «русские»), однако не является государствоучреждающим с юридической точки зрения. Русский народ и российская государственность отчуждены друг от друга. По сути, об этом и говорил Конституционный Суд в уже упоминавшемся определении. Однако выводы из этого были сделаны неверные. Невозможность выражения своей национальной принадлежности для большинства населения через институт гражданства, на наш взгляд, может быть убедительным аргументом в пользу ее указания в паспорте гражданина РФ. И тогда этим смогут воспользоваться граждане всех национальностей, а не только представители тех этнических общностей, на языках которых можно оформлять вкладыши к паспорту.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. — М. : Юристъ, 2005. — Т. 1. — 719 с.
2. *Андрианова В. В.* Право национальной принадлежности — новелла личных прав // Миграционное право. — 2010. — № 4. — С. 14—17.
3. *Астафьева Е. М.* Новое в национальной классификации сингапурцев // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2011. — № 17. — С. 304—315.
4. *Кокотов А. Н.* Русская нация и российская государственность. — Екатеринбург : Издательство Уральской государственной юридической академии, 1994. — 127 с.
5. Конституции государств Европы: в 3 т. — М. : Норма, 2001. — Т. 1. — 824 с. ; Т. 2. — 820 с. ; Т. 3. — 792 с.
6. Конституционное право субъектов Российской Федерации / отв. ред. проф. В. А. Кряжков. — М. : Городец-издат, 2002. — 864 с.
7. *Кряжков В. А.* Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. — М. : Норма, 2010. — 560 с.

Материал поступил в редакцию 26 апреля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avak'yan S. A. Konstitucionnoe pravo Rossii : uchebnyj kurs : v 2 t. — M. : Yurist", 2005. — T. 1. — 719 s.
2. Andrianova V. V. Pravo nacional'noj prinadlezhnosti — novella lichnyh prav // Migracionnoe pravo. — 2010. — № 4. — S. 14—17.
3. Astaf'eva E. M. Novoe v nacional'noj klassifikacii singapurcev // Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. — 2011. — № 17. — S. 304—315.
4. Kokotov A. N. Russkaya naciya i rossijskaya gosudarstvennost'. — Ekaterinburg : Izdatel'stvo Ural'skoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii, 1994. — 127 s.
5. Konstitucii gosudarstv Evropy: v 3 t. — M. : Norma, 2001. — T. 1. — 824 s. ; T. 2. — 820 s. ; T. 3. — 792 s.
6. Konstitucionnoe pravo sub"ektov Rossijskoj Federacii / отв. red. prof. V. A. Kryazhkov. — M. : Gorodec-izdat, 2002. — 864 s.
7. Kryazhkov V. A. Korennye malochislennye narody Severa v rossijskom prave. — M. : Norma, 2010. — 560 s.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.054-061

И. А. Яковлева*

Мировое соглашение в административном споре: проблемы теории и тенденции в правоприменительной практике

Аннотация. В статье анализируются подходы к вопросу заключения мирового соглашения по делам об административных правонарушениях, обосновывается возможность заключения мирового соглашения в административном споре. Мировое соглашение (соглашение о примирении сторон) выполняет доказательственную и компромиссную функции, а в случае со спором с антимонопольным органом может являться средством защиты конкуренции посредством упоминания в тексте конкретных действий, совершение или отказ от совершения которых направлен на обеспечение конкуренции. Рассматривается вопрос соотношения мирового соглашения с соглашением об обстоятельствах дела применительно к вопросу о выполнении доказательственной функции мирового соглашения. Обозначается тенденция в расширении использования института мирового соглашения в целях прекращения не только споров с антимонопольными органами, но и дел об оспаривании кадастровой стоимости, налоговых споров, а также дел, возникших в связи с изменением места и (или) времени проведения публичного мероприятия. Предлагается использование зарубежного опыта в части возможности заключения мирового соглашения по административным делам, возбужденным в связи с нарушениями законодательства о финансовых рынках и об использовании инсайдерской информации.

Ключевые слова: административный процесс; межотраслевой институт; институт мирового соглашения; мировое соглашение как договор; соглашение о примирении сторон; соглашение об обстоятельствах дела; доказательственная функция; компромиссная функция.

Для цитирования: Яковлева И. А. Мировое соглашение в административном споре: проблемы теории и тенденции в правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 54—61. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.054-061.

© Яковлева И. А., 2020

* Яковлева Ирина Александровна, кандидат юридических наук, старший юрист адвокатского бюро «Тихонова, Теплякова и партнеры» (г. Москва)
Шоссейная ул., д. 39, г. Москва, Россия, 109383
i.a.yakovleva@yandex.ru

A Settlement Agreement in an Administrative Dispute: Problems of Theory and Tendencies in Law Enforcement

Irina A. Yakovleva, Cand. Sci. (Law), Senior Associate, Law Office “Tikhonova, Teplyakova & Partners,” (Moscow)
ul. Shosseynaya, d. 39, Moscow, Russia, 109383
i.a.yakovleva@yandex.ru

Abstract. The paper has analyzed approaches to the issue of conclusion of a settlement agreement in administrative cases. The author justifies the possibility of conclusion of the settlement agreement in an administrative dispute. The settlement agreement (a conciliation agreement) serves an evidentiary and compromise function and, in the case of a dispute with the antimonopoly authority, may be resorted to as a means of protecting competition by referring in the text of such agreements to specific acts commission of which or omission to commit which is aimed at securing competition. The paper considers the issue of interrelation between the settlement agreement and the agreement on facts of the case in relation to the evidentiary function of the settlement agreement. There is a tendency to expand the use of the institution of the settlement agreement in order to put an end not only to disputes with antimonopoly authorities, but also to cases contesting cadastral value, tax disputes, as well as cases arising in connection with the change of place and/or time of a public event. It is proposed to use foreign experience with regard to the possibility of conclusion of the settlement agreement in administrative cases initiated due to violations of financial markets legislation and the use of insider information.

Keywords: administrative process; intersectoral institute; institution of a settlement agreement; settlement agreement as a contract; agreement on reconciliation of the parties; agreement on facts of the case; evidentiary function; compromise function.

Cite as: Yakovleva I. A. Mirovye soglasheniye v administrativnom spore: problemy teorii i tendentsii v pravoprimeritelnoy praktike [A Settlement Agreement in an Administrative Dispute: Problems of Theory and Tendencies in Law Enforcement]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):54-61. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.054-061. (In Russ., abstract in Eng.)

Возможность урегулирования административного спора мирным путем представляет преимущества обеим сторонам конфликта, что не может не сказаться положительно на субъектах предпринимательской деятельности и государственных органах. Система взаимных уступок, заложенная в мировом соглашении, позволяет не только учесть интересы лица и государственного органа, но и создать определенную систему взаимодействия в бизнес-среде в будущем, что особенно актуально в спорах, возникших вследствие нарушения законодательства о защите конкуренции.

Несмотря на определенную освещенность проблем, связанных с заключением мировых соглашений в административных спорах, единства по ряду вопросов, в частности о возможности использования примирительных процедур в административных правоотношениях ввиду наличия публичного элемента, а также употре-

бления термина «мировое соглашение» применительно к примирению в административном производстве, пока не выработано. Кроме того, представляет интерес изучение тенденции развития законодательства и правоприменительной практики в части возможности прекращения административного дела путем примирения сторон.

Обозначенная проблема возникла ввиду характера таких споров. Административные споры — дела, возникающие из правоотношений, не основанных на автономии воли, равенстве и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику. Наличие публичного элемента в отношениях и отсутствие равенства участников вместе с тем

не стало препятствием для включения в Кодекс административного судопроизводства норм о возможности заключения соглашения о примирении сторон, что следует из ст. 137 КАС РФ.

Вместе с тем, несмотря на принятие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, применительно к вопросам о заключении мировых соглашений в административных спорах остается терминологическая неопределенность.

Как отмечает С. М. Курносова, «правовая действительность современной России в области процессуальных договоров не имеет достаточного нормативно-правового воплощения, особенно применительно к административному судопроизводству по экономическим спорам. В силу прямого указания АПК РФ все соглашения в настоящее время именуют мировыми. Законодатель особо выделил мировое соглашение, которое необходимо рассматривать как результат примирительных процедур, как способ окончания дела и как самостоятельную примирительную процедуру»¹.

В рамках административного производства, в частности в КоАП РФ, не предусмотрена возможность заключения мирового соглашения по делам об административных правонарушениях ввиду отсутствия прямого указания на это по аналогии с АПК РФ или ГПК РФ, а также в силу специфики административных правоотношений. Приведенный подход находит свое подтверждение в правовой доктрине.

Как отмечает ряд исследователей, «...в делах об административных правонарушениях соглашение, имеющее характер мирового и влекущее прекращение дела, невозможно независимо от состава его потенциальных сторон. Данный вывод следует как из существа административных правоотношений, так и из положений законодательства. По общим правилам заклю-

чение мирового соглашения не имеет правовых последствий, если оно нарушает требования закона (ч. 5 ст. 49, ч. 3 ст. 139 АПК РФ; ч. 2 ст. 39 ГПК РФ). Полагаем, что заключение соглашений в делах об административных правонарушениях противоречит законодательству, в первую очередь КоАП РФ. Если предположить обратное — что законодатель при принятии КоАП РФ исходил из допустимости данных соглашений, — то непонятно, почему такой существенный вопрос не был отражен в его положениях (например, в качестве одного из оснований прекращения производства по делу или при перечислении прав лиц, участвующих в деле). КоАП РФ таких норм не содержит, следовательно, дело не может быть прекращено в связи с примирением сторон»².

Такого же мнения придерживается С. В. Щепалов: «Диспозитивность гражданского процесса дает суду возможность утвердить мировое соглашение, рассмотреть дело в пределах заявленных доводов и возражений и вынести законное решение, избежав толкования сложной нормы. В рамках КАС РФ и КоАП РФ подобной возможности у судьи обычно нет. Законность оспоренного административного акта в соответствии с КАС РФ проверяется полностью в двух инстанциях независимо от позиций сторон. Согласие лица с вмененным ему правонарушением или доводы его жалобы в соответствии с КоАП РФ не имеют существенного значения для судьи, рассматривающего дело или пересматривающего постановление, что подтверждается ч. 8 ст. 226, ч. 1 ст. 308 КАС РФ, ст. 1.6, 24.1, ч. 1 ст. 29.10 КоАП РФ»³.

На наш взгляд, трудно не согласиться с тем, что ввиду наличия публичного элемента в административных отношениях заключение мирового соглашения в гражданско-правовом смысле, основанном на равенстве участников,

¹ Курносова С. М. Примирительные процедуры как альтернативные способы разрешения спора, практика их применения в Шестом арбитражном апелляционном суде // URL: <http://baas.arbitr.ru/sites/baas.arbitr.ru/files/pdf/6.pdf>.

² Степанова О. А. Пределы диспозитивности в делах об административных правонарушениях // Закон. 2014. № 2. С. 124.

³ Щепалов С. В. Дискреционные приемы при судебном толковании административного законодательства // Российская юстиция. 2018. № 7. С. 35.

не представляется возможным. Вместе с тем использование соглашения при рассмотрении дела может иметь цель не только его прекращения.

Соответственно, при рассмотрении вопроса о заключении мирового соглашения нельзя затронуть вопрос функций, ввиду того что мировое соглашение выполняет в том числе и доказательственную функцию, особенно в экономических спорах. Отсутствие в КоАП РФ и в ст. 190 АПК РФ термина «мировое соглашение» и наличие норм о соглашении по обстоятельствам дела в ст. 70 АПК РФ позволяет провести параллель между мировым соглашением и соглашением, сходным с соглашением по обстоятельствам дела.

Как отмечает И. М. Дивин, «заключение участниками спора, возникающего из административных и иных публичных правоотношений, двустороннего соглашения по обстоятельствам дела является результатом примирительных процедур, этапом в механизме процессуальных соглашений в административном судопроизводстве по экономическим спорам, связанным с урегулированием отдельных вопросов, имеющих отношение к предмету спора. Согласование обстоятельств дела может служить основой для установления консенсуса между спорящими сторонами публично-правового спора и заключения иных примирительных соглашений в рамках административного судопроизводства по экономическим спорам»⁴.

В этой связи необходимо отметить, что правовые последствия у соглашения по обстоятельствам дела существенно отличаются от последствий мирового соглашения ввиду того, что заключение мирового соглашения является основанием для прекращения рассмотрения дела согласно ч. 2 ст. 150 АПК РФ. Вместе с тем доказательственную функцию выполняет как

соглашение по обстоятельствам дела, так и мировое соглашение.

В административном процессе по КАС РФ не используется термин гражданского и арбитражного законодательства «мировое соглашение», зато используется понятие ст. 137 КАС РФ «соглашение о примирении сторон».

В административном судопроизводстве соглашение о примирении сторон является разновидностью мирового соглашения. В качестве процессуально-правового института мировое соглашение может применяться для обслуживания различных отраслей права, нормы которых допускают диспозитивные начала в использовании субъективных прав.

Статья 137 КАС РФ, предусматривающая возможность заключения соглашения о примирении сторон, содержит, на наш взгляд, очень важный принцип, состоящий в наличии ограничения допустимости взаимных уступок публичным характером одного из субъектов, что сформулировано в ч. 1 указанной статьи.

Указанный принцип задолго до принятия КАС РФ лежал в основе утверждаемых арбитражными судами мировых соглашений по административным спорам с антимонопольными органами, в которых критерии взаимных уступок определялись нормами АПК РФ и Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁵. В качестве примера можно привести определения Верховного Суда РФ от 25.01.2018 № 305-КГ17-21136 по делу № А40-219564/2015, от 11.08.2016 № 307-КГ16-9192 по делу № А56-41471/2015, постановление Президиума ВАС РФ от 25.03.2014 № 16263/13 по делу № А06-7113/2012.

Как отмечается в науке, «согласно ст. 137 КАС РФ примирение сторон может касаться только их прав и обязанностей как субъектов спорных публичных правоотношений и воз-

⁴ Дивин И. М. Административное судопроизводство по экономическим спорам: отдельные аспекты развития. М. : Статут, 2017. С. 97.

⁵ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

⁶ Беспалов Ю. Ф., Беспалов А. Ю., Гордеюк Д. В. и др. Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2018. С. 67.

можно в случае допустимости законодательством РФ взаимных уступок сторон»⁶.

Вместе с тем из общего правила есть исключение. Согласно ст. 213 КАС РФ исключена возможность заключения соглашения о примирении по делам об оспаривании нормативных правовых актов. По иным категориям административных дел распорядительные действия сторон по заключению соглашения о примирении, если такие действия не противоречат закону и не нарушают права и законные интересы других лиц, позволяют наиболее экономичным и бесконфликтным способом разрешить в суде публично-правовой спор и наиболее полно реализовать цели административного судопроизводства.

Следует также отметить, что несмотря на отсутствие прямого запрета в положениях КАС РФ, заключение соглашения о примирении сторон не производится по административным делам, в которых «присутствует “санкционный” элемент, связанный с судебным контролем за ограничением прав граждан и обеспечением публичного интереса: глава 28, 29, 30 КАС РФ»⁷.

Кроме того, заключение мирового соглашения в некоторых видах административных споров возможно не только в силу КАС РФ, но и на основании:

- АПК РФ, а именно ст. 70, ч. 2 ст. 139, ст. 190, также п. 26 постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе»⁸;
- положений законодательства, регулирующие полномочия административного органа, такого как ФАС России и ее территориальные органы, — п. 28 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства»⁹, приказ ФАС России от 30.10.2018 № 1484/18 «Об утверждении Положения о порядке согласования мировых

соглашений, заключаемых ФАС России, и осуществления контроля за их исполнением».

Таким образом, при заключении мирового соглашения, соглашения о примирении сторон выполняются следующие задачи:

- доказательственная, состоящая в установлении определенных фактов, имеющих значение для спора (доля участника на рынке, географические границы, цены). Указанная функция следует из ст. 70 АПК РФ, а также п. 26 постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 и п. 28 постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30;
- компромиссная, состоящая в фиксации взаимных уступок сторон спора, что возможно в силу ст. 137 КАС РФ. Возможно также определение конкретных действий, которые надлежит совершить стороне спора, например при рассмотрении дела № 06-10/128-13 Томским УФАС России в Арбитражном суде Томской области заключено мировое соглашение, устанавливающее в том числе порядок передачи документации.

Также в спорах с антимонопольным органом мировое соглашение может служить средством защиты конкуренции посредством упоминания в тексте конкретных действий, совершение или отказ от совершения которых направлен на обеспечение конкуренции. Утвержденное мировое соглашение по конкретному административному делу косвенно распространяет свое действие и на иных лиц путем проведения мер по поддержке конкуренции. Так, в рамках рассмотрения дела Новосибирским УФАС России № 06-01-03-14-17 утверждено мировое соглашение, по условиям которого произведен раздел бизнеса на рынке парикмахерских услуг.

Таким образом, задача мирового соглашения в административном процессе не исчерпывается прекращением рассмотрения дела, а несет в себе доказательственную и компромиссную функции, что также находит свое подтвержде-

⁷ Горшунов Д. Н. Примирение сторон в административном судопроизводстве // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 40.

⁸ Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

⁹ Вестник ВАС РФ. 2008. № 8.

ние в Кодексе административного судопроизводства РФ.

В настоящее время заключением мирового соглашения могут быть прекращены не только споры с антимонопольными органами, но и дела об определении кадастровой стоимости (соглашением о примирении сторон соответственно), что следует из п. 19 постановления Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости»¹⁰.

Возможно заключение мирового соглашения и в налоговых спорах, что подтверждается письмом ФНС России от 02.10.2013 № СА-4-7/17648 «О практике заключения мировых соглашений налоговыми органами с налогоплательщиками в судах». Налоговый орган как представитель государства не обладает полномочиями освободить другую сторону от обязательства. Однако он вправе заключить соглашение о примирении — дать налогоплательщику возможность погасить задолженность частями на протяжении определенного срока (ст. 64 НК РФ), изменить способ погашения. Положения ст. 78 НК РФ допускают возможность заключения соглашения о зачете или возврате сумм излишне уплаченных налогов. Возможно также заключение мирового соглашения по налогам на добавленную стоимость, что подтверждают определения Верховного Суда РФ от 03.05.2018 № 307-КГ18-4549 по делу № А21-4556/2017, от 29.06.2015 № 305-КГ15-4678 по делу № А40-51469/14.

Соглашение о примирении сторон можно заключить, например, в случае изменения места и (или) времени проведения публичного мероприятия, что следует из п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях».

Приведенное выше является подтверждением наметившейся тенденции распространения возможности заключения мирового соглашения (соглашения о примирении сторон) в различных административных спорах. Вместе с тем в настоящее время институт мирового соглашения в административных спорах на финансовых рынках не используется, по нашему мнению, в должной степени, в отличие от зарубежных стран.

Так, «18 февраля 2009 г. UBS заключил с федеральным министерством юстиции так называемое Соглашение о приостановке судебного преследования (Deferred Prosecution Agreement), а с комиссией по ценным бумагам и биржам — судебное мировое соглашение. На основании этих документов соответствующие органы прекратили уголовные расследования и надзорные проверки в отношении трансграничных операций UBS в США. В тот же день швейцарская служба надзора за финансовыми рынками издала (не опубликованное) распоряжение, обязывавшее UBS сообщить этому ведомству сведения о 300 клиентах для их передачи федеральному министерству юстиции США и другим компетентным органам»¹¹.

В приведенном деле заключение мирового соглашения не только позволило достичь прекращения административного дела в отношении банка UBS, но и дало возможность получить необходимую информацию надзорному органу.

Учитывая изложенное, можно утверждать, что намеченная тенденция по распространению института мирового соглашения (соглашения о примирении сторон) на отношения, регулируемые административным законодательством, в том числе путем включения в КАС РФ соответствующих положений, является положительной и отвечающей вызовам времени.

Как отмечает О. Н. Шеменева, «по сравнению с ранее действовавшим в ГПК РФ порядком, по которому примирение в делах, вытекающих из публичных правоотношений, представлялось процессуально недопустимым, правила о примирении сторон, установ-

¹⁰ Бюллетень ВС РФ. 2015. № 9.

¹¹ Нобель П. Швейцарское финансовое право и международные стандарты / пер. с нем. Н. Сироткина, Ю. Волобуева, В. Иванова ; науч. ред. И. Г. Хубер. 2-е русскояз. изд. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 987.

ленные КАС РФ, воспринимаются позитивно с точки зрения унификации общих принципов цивилистического процесса и свидетельствуют о прогрессивном восприятии в целом самой идеи решить вопрос миром вне зависимости от предмета спора и характеристик участвующих в нем сторон»¹².

Мировое соглашение в административных делах, как и соглашение о примирении сторон, помимо прекращения спора, выполняет еще несколько функций: доказательственную и компромиссную, а в делах о нарушении антимо-

нопольного законодательства также функцию защиты конкуренции. Обозначенная многофункциональность указанной примирительной процедуры подтверждает большую значимость для регулирования общественных отношений. Распространение института мирового соглашения в определенных сферах административного регулирования является положительной тенденцией ввиду необходимости гибкого правового регулирования в разрешении административных споров, позволяющего учесть интересы как публичные, так и частные.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Беспалов Ю. Ф., Беспалов А. Ю., Гордеюк Д. В. и др. Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации : научно-практическое пособие. — М. : Проспект, 2018. — 128 с.
2. Горшунов Д. Н. Примирение сторон в административном судопроизводстве // Российская юстиция. — 2018. — № 4. — С. 40—42.
3. Дивин И. М. Административное судопроизводство по экономическим спорам: отдельные аспекты развития. — М. : Статут, 2017. — 208 с.
4. Курносова С. М. Примирительные процедуры как альтернативные способы разрешения спора, практика их применения в Шестом арбитражном апелляционном суде // URL: <http://6aas.arbitr.ru/sites/6aas.arbitr.ru/files/pdf/6.pdf>.
5. Нобель П. Швейцарское финансовое право и международные стандарты / пер. с нем. Н. Сироткина, Ю. Волобуева, В. Иванова ; науч. ред. И. Г. Хубер. — 2-е русскояз. изд. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 1104 с.
6. Степанова О. А. Пределы диспозитивности в делах об административных правонарушениях // Закон. — 2014. — № 2. — С. 122—128.
7. Шеменова О. Н. Соглашение о примирении в административном судопроизводстве: принципиальная допустимость и соотношение с мировым соглашением в гражданском процессе // Юрист. — 2016. — № 10. — С. 37—40.
8. Щепалов С. В. Дискреционные приемы при судебном толковании административного законодательства // Российская юстиция. — 2018. — № 7. — С. 33—38.

Материал поступил в редакцию 14 мая 2019 г.

¹² Шеменова О. Н. Соглашение о примирении в административном судопроизводстве: принципиальная допустимость и соотношение с мировым соглашением в гражданском процессе // Юрист. 2016. № 10. С. 39.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bepalov Yu. F., Bepalov A. Yu., Gordeyuk D. V. i dr. Primiritel'nye procedury v grazhdanskom, ugovnom i administrativnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii : nauchno-prakticheskoe posobie. — M. : Prospekt, 2018. — 128 s.
2. Gorshunov D. N. Primirenje storon v administrativnom sudoproizvodstve // Rossijskaya yusticiya. — 2018. — № 4. — S. 40—42.
3. Divin I. M. Administrativnoe sudoproizvodstvo po ekonomicheskim sporam: ot del'nye aspekty razvitiya. — M. : Statut, 2017. — 208 s.
4. Kurnosova S. M. Primiritel'nye procedury kak al'ternativnye sposoby razresheniya spora, praktika ih primeneniya v Shestom arbitrazhnom apellyacionnom sude // URL: <http://6aas.arbitr.ru/sites/6aas.arbitr.ru/files/pdf/6.pdf>.
5. Nobel' P. Shvejcarskoe finansovoe pravo i mezhdunarodnye standarty / per. s nem. N. Sirotkina, Yu. Volobueva, V. Ivanova ; nauch. red. I. G. Huber. — 2-e russkoyaz. izd. — M. : Infotropik Media, 2012. — 1104 s.
6. Stepanova O. A. Predely dispozitivnosti v delah ob administrativnyh pravonarusheniyah // Zakon. — 2014. — № 2. — S. 122—128.
7. Shemeneva O. N. Soglashenie o primireнии v administrativnom sudoproizvodstve: principial'naya dopustimost' i sootnoshenie s mirovym soglasheniem v grazhdanskom processe // Yurist. — 2016. — № 10. — S. 37—40.
8. Shchepalov S. V. Diskreционnye priemy pri sudebnom tolkovanii administrativnogo zakonodatel'stva // Rossijskaya yusticiya. — 2018. — № 7. — S. 33—38.

Принцип приоритета публичных интересов в финансовой деятельности государства: поиск компромисса

Аннотация. В статье исследуется одна из ключевых проблем в финансовых отношениях — обеспечение баланса частных и публичных интересов как конституционно защищаемых ценностей. С учетом современной конституционной аксиологии (ст. 2 Конституции РФ) подвергается критическому анализу ставший устойчивым в доктринальной среде принцип приоритета публичных интересов. Автор приходит к мысли, что признание приоритета за публичным интересом и восприятие его в качестве методологической установки объективно не способствует и даже препятствует построению взаимоотношений в системе «налогоплательщик — государство» на принципах открытого сотрудничества и доверия. Приоритет одного интереса над другим никак не вяжется с их равновесием. На основе анализа практики конституционного правосудия делается вывод о необходимости смещения ценностных ориентиров и переосмысления прежних этактистских научных воззрений. Обосновывается эгалитарный подход, учитывающий и частный, и публичный интерес как равноценные правовые величины, предполагающий диалог и взаимное уважение между налогоплательщиком и государством.

Ключевые слова: налогоплательщик; государство; приоритет; правовая ценность; публичный интерес; частный интерес; баланс интересов.

Для цитирования: Ядрихинский С. А. Принцип приоритета публичных интересов в финансовой деятельности государства: поиск компромисса // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 62—71. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.062-071.

The Principle of Priority of Public Interests in Financial Activity of the State: In Search for a Compromise

Sergey A. Yadrkhinskiy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, North-West Institute (branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Vologda
ul. Marii Ulyanovoy, d. 18, Vologda, Russia, 160001
Syadr@yandex.ru

Abstract. The paper examines one of the key problems in financial relations, namely: how to ensure the balance between private and public interests as values protected under the Constitution. Taking into account the modern

---

© Ядрихинский С. А., 2020

* Ядрихинский Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда
Ул. Марии Ульяновой, д. 18, г. Вологда, Россия, 160001
Syadr@yandex.ru

constitutional axiology (Article 2 of the Constitution of the Russian Federation), the principle of priority of public interests, which has already been settled in the doctrine, is subjected to critical analysis. The author concludes that the priority of public interest and its perception as a methodological framework, in fact, does not promote and even impedes the development of relationships in the system “a taxpayer — the State” based on the principles of open cooperation and trust. The priority of one interest over another does not comply with the requirement of their equilibrium. On the basis of the analysis of the practice of constitutional justice, the author concludes that it is necessary to shift the values and rethink the former statist scientific views. The author substantiates an egalitarian approach that takes into account both private and public interests as equally important legal values and provides for dialogue and mutual respect between the taxpayer and the state.

Keywords: taxpayer; State; priority; legal value; public interest; private interest; balance of interests.

Cite as: Yadrinhinskiy SA. Printsip prioriteta publichnykh interesov v finansovoy deyatel'nosti gosudarstva: poisk kompromissa [The Principle of Priority of Public Interests in Financial Activity of the State: In Search for a Compromise]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):62-71. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.062-071. (In Russ., abstract in Eng.)

Проблематике обеспечения баланса публичных и частных интересов, являющейся одним из ключевых направлений научных изысканий, посвящено значительное количество работ, имеющих междисциплинарное значение¹. Баланс (от франц. *balance*) предполагает равновесие, устойчивое состояние.

В то же время некоторые известные ученые (Н. И. Химичева², Е. В. Покачалова³, Ю. А. Крохина⁴ и др.⁵) открыто говорят о *приоритете публичных интересов* в финансовой деятельности. Более того, это утверждение возводится в принцип, используется в учебной и научной литературе, формируя тем самым в правовом

сознании юридического сообщества определенный стереотип.

Данный принцип преподносится как некая данность, исходная доминанта, имеющая объективный и неоспоримый характер.

Так, Н. А. Поветкина называет публичный интерес в финансовой сфере «ключевым и перво-степенным», а сама «деятельность государства в сфере формирования доходов бюджетов... — по мысли ученого, — пронизана идеей приоритета публичных интересов»⁶.

Ю. А. Крохина видит конкретизацию данного принципа в правовых позициях Конституционного Суда РФ, приводит их перечень⁷. В частно-

¹ См., например: Щекин Д. М. Баланс частных и публичных интересов и борьба с налоговыми злоупотреблениями в современной России // Закон. 2018. № 11. С. 32—43 ; Кабанова И. Е. Принцип баланса частных и публичных интересов в доктрине и правоприменительной практике // Власть закона. 2016. № 2. С. 74—84.

² Химичева Н. И. Принципы российского финансового права // Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма; Инфра-М, 2012. С. 45—51 ; Она же. Научно обоснованные принципы финансового права как вектор его действия, развития и формирования новой методологии преподавания // Финансовое право. 2009. № 2. С. 5, 6.

³ Химичева Н. И., Покачалова Е. В. Принципы российского финансового права как базисные принципы банковской деятельности // Банковское право. 2013. № 6. С. 10 ; Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. М., 2008. С. 47—48.

⁴ Крохина Ю. А. Принцип сочетания частных и публичных интересов в финансовом праве // Финансовое право. 2012. № 5. С. 8—11.

⁵ Беликов Е. Г. О системе принципов финансового права // Финансовое право. 2016. № 5. С. 3—8.

⁶ Поветкина Н. А. Правовой режим иммунитета бюджета: теоретико-правовой анализ // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 101—110 ; Она же. Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения : монография / под ред. И. И. Кучерова. М. : ИЗиСП, Контракт, 2016. 344 с.

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1997 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой статьи 15 Закона

сти, она ссылается на позицию суда, в которой указывается, что «реализация прав и законных интересов отдельных граждан (групп граждан) не должна оказывать чрезмерно негативное влияние на обеспечение бюджетными средствами прав и интересов всех»⁸.

Вместе с тем из данного утверждения Конституционного Суда РФ не усматривается никакого приоритета публичных интересов. Внимательное прочтение данного судебного акта приводит нас к совершенно противоположным выводам. В этом же постановлении Суд говорит об «отказе законодателя от приоритета обязательных бюджетных платежей», о необходимости поиска компромисса, т.е. «баланса между правами и законными интересами лиц, состоящих в имущественных отношениях с государством», о недопустимости противопоставления частного интереса (выплата заработной платы) и публичного интереса (уплата налогов) как двух равновеликих конституционных ценностей, поскольку «установление жесткого приоритета для одной из них означает невозможность реализации, а следовательно, умаление равно

защищаемых прав и законных интересов тех или других групп граждан, что не соответствует также статье 55 (части 2) Конституции Российской Федерации».

В отдельных случаях *ad hoc* Конституционный Суд РФ действительно разрешал дела в пользу публичного интереса. Но он никогда не возводил приоритет публичного интереса в финансовой сфере в принцип, как, например, в других отраслях права: «принцип максимального обеспечения интересов семьи и всех ее членов»⁹, «использование лесных ресурсов, основанное на принципе приоритета публичных интересов»¹⁰, «в сфере охраны окружающей среды и поддержания экологической безопасности — принцип приоритета публичных интересов»¹¹.

Без особого затруднения можно найти дела, в которых Конституционный Суд РФ отдает предпочтение частному интересу, подчеркивая основополагающее и приоритетное значение прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. О ценности и приоритете личности, о ее правах и достоинстве, о равноправных вза-

Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда. 1998. № 1 ; определение Конституционного Суда РФ от 15 декабря 2000 г. № 251-О «По запросу Государственного собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в статью 3 Федерального закона «О государственных долговых товарных обязательствах»» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Крохина Ю. А. Защита и гарантии восстановления нарушенных прав субъектов финансового права // Налоги и налогообложение. 2004. № 7. С. 6—15.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 5.

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2015 г. № 5-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Форест-групп» на нарушение конституционных прав и свобод отдельными положениями статей 1, 24, 61, 74, 81, 82, 83, 101 Лесного кодекса Российской Федерации, пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» и статьей 26.12 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2009 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положения подпункта «б» пункта 4 постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Порядка определения платы и ее предельных размеров за загрязнение окружающей природной среды, размещение отходов, другие виды вредного воздействия» в связи с запросом Верховного суда Республики Татарстан»» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 3.

имоотношениях с государством Конституционный Суд РФ говорил неоднократно¹².

Относясь с большим пиететом к Н. И. Химичевой в частности и саратовской школе финансового права в целом, позволим отметить по крайней мере небесспорность выдвинутого утверждения.

Термин «приоритет» (от лат. *prior* — первый, старший) означает «преимущественное, преобладающее значение, т.е. превосходство над чем-то; наиболее важное, требует к себе первоочередного внимания». В данном случае антиподом публичного (общественного) интереса выступает интерес частный (индивидуальный), которому, согласно дихотомическому делению, отводится неприоритетное или подчиненное место и, как следствие, второстепенное значение.

Так, А. Д. Селюков указывает, что в процессе правового обеспечения финансовых отношений публичные интересы должны иметь свой приоритет по отношению к частным интересам; уполномоченный орган государства обязан обеспечивать этот приоритет¹³.

Идея приоритета публичного над частным не нова. Анализируя взгляды Демокрита, Цицерона, Фомы Аквинского, Жан-Жака Руссо и других философов, Т. С. Яценко сделала вывод, что на протяжении всей истории философская мысль пыталась обосновать не только приоритет общих интересов над частными, но и обязанность

человека всеми силами содействовать общему благу¹⁴. Это и понятно, поскольку публичный интерес выражает потребности всего общества, удовлетворение которых является условием и гарантией его существования.

Немецкий правовед Рудольф фон Иеринг (1818—1892) полностью подчиняет индивидуальные интересы социальным: они являются лишь средством достижения обществом своих социальных целей, поскольку отстаивание лицом своих индивидуальных интересов является одновременно и обязанностью перед обществом, даже если в материальном смысле это не окупится¹⁵. Индивиду предоставляется мера свободы, отвечающая общественным интересам¹⁶.

Р. фон Иеринг выделял индивидуальные, государственные и общественные интересы, причем последние два он рассматривал как одно целое. Вместе с тем он не разработал успешного средства «оценки» интересов друг против друга.

В некоторых конституциях (например, Республики Эль Сальвадор 1983 г. (ст. 246), Гватемалы 1985 г. (ст. 44)) прямо предусматривается приоритет публичного интереса по отношению к частному¹⁷.

В советский период вопрос о соотношении частного и публичного не стоял в силу господства административного уклада жизни, основанного на безусловном приоритете государственных интересов и полного растворения

¹² См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2—3.

¹³ Селюков А. Д. Диалектика частных и публичных интересов в процессе осуществления финансовой деятельности государства // Финансовое право. 2015. № 11. С. 10—14; Селюков А. Д., Осавелюк А. М. Принцип приоритета публичных интересов в финансовой деятельности государства // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2012. № 4 (20). С. 523—533.

¹⁴ Яценко Т. С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 55—58.

¹⁵ Иеринг Р. фон. Борьба за право [пер. с 11-го нем. изд. И. Юровского]. 3-е изд. С.-Петербург : Типо-лит. А. Г. Розена, 1908. С. 44—46.

¹⁶ Иеринг Р. фон. Цель в праве // Избранные труды. Самара, 2003. С. 36, 43, 181, 267.

¹⁷ Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. д. ю. н., проф. Т. Я. Хабриевой. Т. 1 : Северная и Центральная Америка. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2006. С. 792; Шустров Д. Г. Прирученный Левиафан : Государство как объект конституционно-правового регулирования : монография. СПб. : Алеф Пресс, 2014. С. 312.

в них всего частного. В. А. Мальцев отмечает, что в советское время о справедливом балансе интересов личности и государства говорить не приходилось, поскольку «считалось, что ограничение интересов личности и общества в целом служит интересам государства»¹⁸.

В частности Е. А. Ровинский, рассматривая принципы советского финансового права, не выделяет принцип приоритета публичного интереса ввиду явного отсутствия оппонирующего интереса¹⁹. Современное видение публичного приоритета — это в какой-то мере инерционное советское прошлое.

Первое возражение происходит из Конституции РФ, провозгласившей *высшей ценностью* человека, его права и свободы (ст. 2). Семантически сравнительная степень «высшей» не только представляет самую высокую, предельную степень выражения (т.е. выше уже ничего не может быть), но и предполагает что-то нижестоящее в иерархической системе ценностей (по сути — все остальные ценности). Именно поэтому права и свободы человека (не общества или народа!) определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18). В этом отношении законные интересы налогоплательщика имеют

иммунитет против соображений публичного интереса.

Данные положения Конституции РФ по-разному оцениваются конституциональщиками (как реакция на массовое нарушение прав в отдельные периоды советского времени²⁰, как юридическая фикция²¹, как миф²², слабая надежда²³, не очень удобные, если не лишние²⁴, как крайность, как идеальная модель и т.п.), но тем не менее они есть, а другого — нет. «Это конституционная реальность, с которой нельзя не считаться,» — отметил судья Конституционного Суда Н. В. Витрук²⁵. Примечательно, что за период с 2014 г по 2018 г. Конституционный Суд РФ более 150 раз в своих судебных актах процитировал положения ст. 2 Конституции РФ²⁶.

Возведение прав человека на высшую ступень пьедестала в качестве целевого ориентира предполагает, что любая публичная целесообразность, любые общественные ценности, цели и средства их достижения должны соотноситься с правами и законными интересами отдельного индивида, то есть с частным интересом. Поэтому если и говорить о приоритете, то в большей мере он может просматриваться за частным интересом. «Принцип приоритетности ценности человека, его прав и свобод, — говорит Н. В. Витрук, — пронизывает буквально все содержание Конституции Российской Федерации»²⁷.

¹⁸ Мальцев В. А. О выделении категории «интерес» в сферах обеспечения различных видов безопасности (на основе обобщения административно-правовых и конституционно-правовых норм и норм европейских государств) // Административное и муниципальное право. 2012. № 2. С. 43—52.

¹⁹ Ровинский Е. А. Основные вопросы теории советского финансового права. М. : Госюриздат, 1960. 193 с.

²⁰ Шустров Д. Г. *Essentia constitutionis*: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX—XXI веков // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 124—141.

²¹ Арбузкин А. М. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 2. С. 18—25.

²² Мамонтов А. Г. Независимость и законность современного суда: миф и реальность // История государства и права. 2012. № 11. С. 39—42.

²³ Щекин Д. М. Налоговые риски и тенденции развития налогового права / под ред. С. Г. Пепеляева. М. : Статут, 2007. С. 146.

²⁴ Шустров Д. Г. Прирученный Левиафан ... С. 313.

²⁵ Особое мнение судьи КС РФ Н. В. Витрука к постановлению Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

²⁶ Рудт Ю. А. Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2019. С. 115.

²⁷ Особое мнение судьи КС РФ Н. В. Витрука к постановлению Конституционного Суда РФ от 31 июля 1995 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

С этим мнением созвучна позиция другого Судьи КС РФ (ныне в отставке) — А. Л. Кононова, который еще более категоричен. В Особом мнении он отметил, что сама формула о балансе частных и публичных интересов заведомо ставит личность в подчиненное, незащищенное положение с государством и, по сути, искажает шкалу конституционных ценностей, поскольку Конституция говорит не о балансе, т.е. не о равнозначности интересов отдельной личности и государства, а о предпочтении гуманитарных ценностей²⁸.

Второе возражение состоит в том, что этот весьма неоднозначный тезис оформляется в качестве принципа. Принцип (от лат. *principium* — основа, начало), как известно, — это первоначало, основополагающее утверждение, ключевая идея, исходное положение, не требующее доказательств. На принципах основываются различные концепции, научные теории; они ложатся в конституционно-правовое обоснование, пронизывают всю совокупность норм, выражая в ней наиболее существенное, главное. Это то же самое, что аксиома или постулат.

Придание приоритету публичных интересов ранга принципа, по большому счету, должно снимать все потенциальные споры и необходимость в поиске баланса интересов, так как исход заложенного конфликта изначально предрешен. Достаточно сослаться на принцип как научно обоснованную истину, и дело выиграно. В таком случае утрачивался бы весь конституционный замысел — защищать область личного как нечто постоянно менее значимое, которым всегда на законном основании (принципе) можно пожертвовать во имя более ценного — публичного интереса.

И приоритет публичных интересов, и исключение надличностных интересов — это две крайности, которые будут генерировать негативный эффект, состоящий в гипертрофированном представлении о всесиили одного и всесиили другого интереса. Трудно не согласиться с В. В. Дорошковым в том, что «любая крайность в определении приоритета одного из явлений, находящихся в единстве, противоречит диалектике развития»²⁹.

Необходим нейтральный в аксиологическом отношении, *эгалитарный* подход, учитывающий и частный, и публичный интерес как равноценные величины, изначально имеющие одинаковые возможности на свою реализацию. И частный, и публичный интересы не должны возводиться в абсолюты. Само взвешивание противопоставленных интересов (ценностей) не может предрешаться из заранее установленной априорной данности в зависимости от частных или публичных соображений в пользу того или иного интереса, но может зависеть от конкретных обстоятельств.

Судья Верховного суда США О. У. Холмс (O. W. Holmes, 1841—1935) в одном из дел, рассматривавшихся еще в 1908 г., отметил, что граница, на которой балансируют конфликтующие интересы (*conflicting interests*), не может быть заранее определена какой-то общей формулой; все зависит от конкретного случая³⁰. По Холмсу, право — это не математика из некоторых общих аксиом поведения³¹; определенность права — это иллюзия³²; есть вопросы, для которых не существует решений, полезных на все времена. Такие вопросы действительно являются полем битвы в определенном месте и времени (здесь и сейчас)³³.

²⁸ Особое мнения судьи КС РФ А. Л. Кононова к постановлению Конституционного Суда РФ от 14 июля 2005 г. № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

²⁹ Дорошков В. В. Съезды судей Российской Федерации как вехи развития судебной власти в России // Мировой судья. 2016. № 9. С. 3—13.

³⁰ *Hudson County Water Co. v. McCarter*, 209 U.S. 349, 355 (1908) // URL: <https://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/209/349.html> (дата обращения: 02.05.2019).

³¹ *Holmes O. W. The Path of the Law* (first published in 1897). The Floating Press, 2009. Pp. 17—18.

³² *Holmes O. W. Op. cit.* P. 18.

³³ *Holmes O. W. Op. cit.* P. 19.

Поэтому перед юридической наукой стоит задача определения способов достижения *точки равновесия* между частными и публичными интересами, их взаимного учета. Задача эта, по справедливому замечанию А. В. Демина, является краеугольным камнем всего налогового-правового регулирования³⁴.

Любой частный интерес не абсолютен и поэтому может подвергаться оправданному лимитированию. Законный интерес налогоплательщика подлежит реализации, но его реализация может быть обусловлена или уравновешена определенными ограничениями, находящимися по другую сторону условных весов, выступающими в роли противовеса за публичный интерес. Эти ограничения, выражающиеся в правомочном сужении законного интереса, детерминированы необходимостью обеспечения иных конституционно значимых ценностей и должны отвечать требованиям справедливости, адекватности, пропорциональности, соразмерности³⁵.

Если правоприменитель или законодатель отдает предпочтение только противоположному (скажем, публичному) интересу без какой-то разумной компенсации, то это уже не балансирование, а умаление или даже подавление частного интереса, поскольку природа такого ограничения затрагивает само существо законного интереса, сводит его на нет и фактически исключает возможность реализации. Соответственно, нет оснований говорить о каком-то балансе, гармонизации интересов.

Равновесие зависит от разных параметров ограничений, в том числе от степени ограничения (глубины вмешательства в частный интерес), интенсивности (временное ограничение или постоянное) и его объема (ограничение, приближающееся к сущностному ядру интереса

или находящееся на его «периферии, краях»), от вероятности наступления (угроза ограничения или уже свершившийся факт).

Всё тот же О. У. Холмс приводит пример, в котором власти в общественных интересах могут ограничивать высоту строящихся зданий в городе без какой-либо компенсации собственникам, тем самым в определенной степени сокращая объем права собственности. Но если власти попытаются ограничить высоту настолько, чтобы сделать обычную строительную площадку совершенно бесполезной, интерес собственников будет преобладать над общественными интересами и власти не могут установить такой лимит без компенсации³⁶.

Баланс интересов — это всегда поиск компромисса, приемлемых уступок на основе их сочетания и взаимообусловленности, а не подчинения одного интереса другому, признанному приоритетным.

К. И. Амирбеков в равновесии как правовом явлении выделил три составляющие: баланс в правонаделении и правоограничении субъектов права; баланс в дозволенном и должном в сфере поведения этих субъектов в общественных отношениях; судебный контроль в восстановлении равновесия в случае малейшего отклонения от него как в первой, так и во второй сферах³⁷.

И публичный, и частный интересы состоят в отношении *бинарности*, устанавливая взаимные пределы реализации в налоговых отношениях.

Судья Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиев в особом мнении к постановлению от 02.12.2013 № 26-П, со ссылкой на позицию ЕСПЧ, отметил, что «баланс можно считать справедливым, когда ни одной из ценностей не отда-

³⁴ Демин А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 91.

³⁵ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 6 июля 2010 г. № 929-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «АтлантЭстейт» на нарушение конституционных прав и свобод ст. 84.2 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶ Hudson County Water Co. v. McCarter, 209 U.S. 349, 355 (1908).

³⁷ Амирбеков К. И. Трансформация взглядов на понимание законности как правовой категории // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 2—5.

ется безусловный приоритет, а действие одного принципа (ценности, права) создает имманентные пределы для другого принципа (права или конституционной ценности)»³⁸.

Соответственно, итогом балансирования должен выступить такой результат согласования публичного и частного интересов, при котором ни один из них не отрицается и не в состоянии

вытеснить другой: оба признаются и реализуются, в том числе притязаемый (отстаиваемый) интерес. Речь может вестись лишь о пропорции, т.е. о разном объеме их воплощения или степени удовлетворения, насколько это юридически возможно. Увеличение объема одного интереса приводит к уменьшению объема противоположного интереса, и наоборот.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Амирбеков К. И.* Трансформация взглядов на понимание законности как правовой категории // Российская юстиция. — 2016. — № 4. — С. 2—5.
2. *Арбузкин А. М.* Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 2. — С. 18—25.
3. *Беликов Е. Г.* О системе принципов финансового права // Финансовое право. — 2016. — № 5. — С. 3—8.
4. *Демин А. В.* Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2016. — 452 с.
5. *Дорошков В. В.* Съезды судей Российской Федерации как вехи развития судебной власти в России // Мировой судья. — 2016. — № 9. — С. 3—13.
6. *Иеринг Р. фон.* Борьба за право [пер. с 11-го нем. изд. И. Юровского]. — 3-е изд. — С.-Петербург : Типо-лит. А. Г. Розена, 1908. — 85 с.
7. *Иеринг Р. фон.* Цель в праве // Избранные труды. — Самара : Самарская гос. экономическая академия, 2003. — 520 с.
8. *Кабанова И. Е.* Принцип баланса частных и публичных интересов в доктрине и правоприменительной практике // Власть закона. — 2016. — № 2. — С. 74—84.
9. Конституции государств Америки : в 3 т. / под ред. д. ю. н., проф. Т. Я. Хабриевой. — М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2006. — Т. 1 : Северная и Центральная Америка. — 832 с.
10. *Крохина Ю. А.* Защита и гарантии восстановления нарушенных прав субъектов финансового права. // Налоги и налогообложение. — 2004. — № 7. — С. 6—15.
11. *Крохина Ю. А.* Принцип сочетания частных и публичных интересов в финансовом праве // Финансовое право. — 2012. — № 5. — С. 8—11.
12. *Мальцев В. А.* О выделении категории «интерес» в сферах обеспечения различных видов безопасности (на основе обобщения административно-правовых и конституционно-правовых норм и норм европейских государств) // Административное и муниципальное право. — 2012. — № 2. — С. 43—52.
13. *Мамонтов А. Г.* Независимость и законность современного суда: миф и реальность // История государства и права. — 2012. — № 11. — С. 39—42.
14. *Поветкина Н. А.* Правовой режим иммунитета бюджета: теоретико-правовой анализ // Журнал российского права. — 2015. — № 5. — С. 101—110.

³⁸ Особое мнение судьи КС РФ Г. А. Гаджиева к постановлению Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области “О транспортном налоге” в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2 ; постановление Европейского Суда по правам человека от 19 февраля 1998 г. по делу «Боуман против Соединенного Королевства» (Bowman v. U.K.) // СПС «КонсультантПлюс».

15. *Поветкина Н. А.* Финансовая устойчивость Российской Федерации. Правовая доктрина и практика обеспечения : монография / под ред. И. И. Кучерова. — М. : ИЗИСП, Контракт, 2016. — 344 с.
16. *Ровинский Е. А.* Основные вопросы теории советского финансового права. — М. : Госюриздат, 1960. — 193 с.
17. *Рудт Ю. А.* Баланс конституционных ценностей в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Барнаул, 2019. — 220 с.
18. *Селюков А. Д.* Диалектика частных и публичных интересов в процессе осуществления финансовой деятельности государства // Финансовое право. — 2015. — № 11. — С. 10—14.
19. *Селюков А. Д., Осавелюк А. М.* Принцип приоритета публичных интересов в финансовой деятельности государства // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. — 2012. — № 4 (20). — С. 523—533.
20. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. — М. : Норма, 2008. — 768 с.
21. Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. — М. : Норма; Инфра-М, 2012. — 752 с.
22. *Химичева Н. И.* Научно обоснованные принципы финансового права как вектор его действия, развития и формирования новой методологии преподавания // Финансовое право. — 2009. — № 2. — С. 4—6.
23. *Химичева Н. И., Покачалова Е. В.* Принципы российского финансового права как базисные принципы банковской деятельности // Банковское право. — 2013. — № 6. — С. 8—18.
24. *Шустров Д. Г.* *Essentia constitutionis*: Конституция Российской Федерации в фокусе теорий конституции XX—XXI веков // Сравнительное конституционное обозрение. — 2017. — № 4. — С. 124—141.
25. *Шустров Д. Г.* Прирученный Левиафан : Государство как объект конституционно-правового регулирования : монография. — СПб. : Алеф Пресс, 2014. — 434 с.
26. *Щекин Д. М.* Баланс частных и публичных интересов и борьба с налоговыми злоупотреблениями в современной России // Закон. — 2018. — № 11. — С. 32—43.
27. *Щекин Д. М.* Налоговые риски и тенденции развития налогового права / под ред. С. Г. Пепеляева. — М. : Статут, 2007. — 236 с.
28. *Яценко Т. С.* Гражданско-правовая охрана публичных интересов : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016. — 363 с.
29. *Holmes O. W.* The Path of the Law (first published in 1897). — The Floating Press, 2009. — 41 p.

Материал поступил в редакцию 8 мая 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Amirbekov K. I. Transformaciya vzglyadov na ponimanie zakonnosti kak pravovoj kategorii // Rossijskaya yusticiya. — 2016. — № 4. — S. 2—5.
2. Arbuzkin A. M. Chelovek, ego prava i svobody yavlyayutsya vysshej cennost'yu? // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2016. — № 2. — S. 18—25.
3. Belikov E. G. O sisteme principov finansovogo prava // Finansovoe pravo. — 2016. — № 5. — S. 3—8.
4. Demin A. V. Neopredelennost' v nalogovom prave i pravovye sredstva ee preodoleniya : dis. ... d-ra jurid. nauk. — Ekaterinburg, 2016. — 452 s.
5. Doroshkov V. V. S"ezdy sudej Rossijskoj Federacii kak vekhi razvitiya sudebnoj vlasti v Rossii // Mirovoj sud'ya. — 2016. — № 9. — S. 3—13.
6. Iering R. fon. Bor'ba za pravo [per. s 11-go nem. izd. I. Yurovskogo]. — 3-e izd. — S.-Peterburg : Tipo-lit. A. G. Rozena, 1908. — 85 s.
7. Iering R. fon. Cel' v prave // Izbrannye trudy. — Samara : Samarskaya gos. ekonomicheskaya akademiya, 2003. — 520 s.

8. Kabanova I. E. Princip balansa chastnyh i publicnyh interesov v doktrine i pravoprimeritel'noj praktike // Vlast' zakona. — 2016. — № 2. — S. 74—84.
9. Konstitucii gosudarstv Ameriki : v 3 t. / pod red. d. yu. n., prof. T. Ya. Habrievoj. — M. : IZiSP pri Pravitel'stve RF, 2006. — T. 1 : Severnaya i Central'naya Amerika. — 832 s.
10. Krohina Yu. A. Zashchita i garantii vosstanovleniya narushennyh prav sub"ektov finansovogo prava. // Nalogi i nalogoblozhenie. — 2004. — № 7. — S. 6—15.
11. Krohina Yu. A. Princip sochetaniya chastnyh i publicnyh interesov v finansovom prave // Finansovoe pravo. — 2012. — № 5. — S. 8—11.
12. Mal'cev V. A. O vydelenii kategorii «interes» v sferah obespecheniya razlichnyh vidov bezopasnosti (na osnove obobshcheniya administrativno-pravovyh i konstitucionno-pravovyh norm i norm evropejskih gosudarstv) // Administrativnoe i municipal'noe pravo. — 2012. — № 2. — S. 43—52.
13. Mamontov A. G. Nezavisimost' i zakonnost' sovremenного suda: mif i real'nost' // Istoriya gosudarstva i prava. — 2012. — № 11. — S. 39—42.
14. Povetkina N. A. Pravovoj rezhim immuniteta byudzheta: teoretiko-pravovoj analiz // Zhurnal rossijskogo prava. — 2015. — № 5. — S. 101—110.
15. Povetkina N. A. Finansovaya ustojchivost' Rossijskoj Federacii. Pravovaya doktrina i praktika obespecheniya : monografiya / pod red. I. I. Kucherova. — M. : IZiSP, Kontrakt, 2016. — 344 s.
16. Rovinskij E. A. Osnovnye voprosy teorii sovetskogo finansovogo prava. — M. : Gosyurizdat, 1960. — 193 s.
17. Rudt Yu. A. Balans konstitucionnyh cennostej v doktrine konstitucionnogo prava i praktike organov konstitucionnoj yusticii Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. yurid. nauk. — Barnaul, 2019. — 220 s.
18. Selyukov A. D. Dialektika chastnyh i publicnyh interesov v processe osushchestvleniya finansovoj deyatel'nosti gosudarstva // Finansovoe pravo. — 2015. — № 11. — S. 10—14.
19. Selyukov A. D., Osavelyuk A. M. Princip prioriteta publicnyh interesov v finansovoj deyatel'nosti gosudarstva // European Social Science Journal = Evropejskij zhurnal social'nyh nauk. — 2012. — № 4 (20). — S. 523—533.
20. Finansovoe pravo : uchebnik / otv. red. N. I. Himicheva. — M. : Norma, 2008. — 768 s.
21. Finansovoe pravo : uchebnik / otv. red. N. I. Himicheva. — M. : Norma; Infra-M, 2012. — 752 s.
22. Himicheva N. I. Nauchno obosnovannye principy finansovogo prava kak vektor ego dejstviya, razvitiya i formirovaniya novoj metodologii prepodavaniya // Finansovoe pravo. — 2009. — № 2. — S. 4—6.
23. Himicheva N. I., Pokachalova E. V. Principy rossijskogo finansovogo prava kak bazisnye principy bankovskoj deyatel'nosti // Bankovskoe pravo. — 2013. — № 6. — S. 8—18.
24. Shustrov D. G. Essentia constitutionis: Konstituciya Rossijskoj Federacii v fokuse teorij konstitucii XX—XXI vekov // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. — 2017. — № 4. — S. 124—141.
25. Shustrov D. G. Priruchennyj Leviafan : Gosudarstvo kak ob"ekt konstitucionno-pravovogo regulirovaniya : monografiya. — SPb. : Alef Press, 2014. — 434 s.
26. Shchekin D. M. Balans chastnyh i publicnyh interesov i bor'ba s nalogovymi zloupotrebleniyami v sovremennoj Rossii // Zakon. — 2018. — № 11. — S. 32—43.
27. Shchekin D. M. Nalogovye riski i tendencii razvitiya nalogovogo prava / pod red. S. G. Pepelyaeva. — M. : Statut, 2007. — 236 s.
28. Yacenko T. S. Grazhdansko-pravovaya ohrana publicnyh interesov : dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2016. — 363 s.
29. Holmes O. W. The Path of the Law (first published in 1897). — The Floating Press, 2009. — 41 p.

БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА И БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.072-080

Н. Н. Брит*

Особенности и перспективы развития института платежных агентов

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования института платежных агентов и банковских платежных агентов в России, а также оценке перспектив его развития.

В первой части статьи автор поднимает и исследует вопрос о причинах существования различного правового регулирования деятельности платежных агентов и банковских платежных агентов в Российской Федерации. Сравниваются общие и отличительные признаки данных субъектов, закрепленные в законодательстве и сформированные судебной практикой, выявляются спорные вопросы, требующие своего решения путем модернизации действующих правовых норм.

Во второй части статьи автор обосновывает свой взгляд на перспективы развития института платежных агентов и банковских платежных агентов, а также на возможные пути совершенствования российского законодательства, регулирующего их деятельность.

В конце статьи представлены предложения по изменению существующего механизма правового регулирования деятельности платежных и банковских платежных агентов в Российской Федерации.

Ключевые слова: платежные агенты; банковские платежные агенты; национальная платежная система; субъекты национальной платежной системы; услуги по приему платежей; актуальные проблемы; право; юриспруденция; правоприменение.

Для цитирования: Брит Н. Н. Особенности и перспективы развития института платежных агентов // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 72—80. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.072-080.

Features and Prospects of Development of the Institution of Paying Agents

Nikolay N. Brit, Postgraduate Student of the Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
brit.nikolay@gmail.com

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the legal regulation of the institution of paying agents and banking paying agents in Russia, as well as to the assessment of their development prospects.

The first part of the article raises and investigates the issue of the reasons for the existence of different legal regulation of the activities of paying agents and banking paying agents in the Russian Federation. The paper compares

---

© Брит Н. Н., 2020

* *Брит Николай Николаевич*, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
brit.nikolay@gmail.com

general and distinctive features envisaged in the legislation and developed through judicial practice and determines controversial issues requiring solution through improvement of legal provisions in force. In the second part of the paper the author substantiates his view on the prospects of development of the institution of paying agents and banking paying agents, as well as on possible ways of improving the Russian legislation regulating their activities. To sum up, the author makes proposals for changing the existing mechanism of the legal regulation of paying agents and banking paying agents in the Russian Federation.

Keywords: paying agents; banking paying agents; national payment system; subjects (participants) of national payment system; services for receiving payments; urgent problems; law; jurisprudence; law enforcement .

Cite as: Britt NN. Osobennosti i perspektivy razvitiya instituta platezhnykh agentov [Features and Prospects of Development of the Institution of Paying Agents]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):72-80. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.072-080. (In Russ., abstract in Eng.)

Российское законодательство, регулирующее отношения, связанные с функционированием национальной платежной системы, несмотря на почти десятилетнюю историю своего существования, оставляет для исследователей и практиков множество неразрешенных вопросов¹.

В рамках исследования мы затронем некоторые аспекты, связанные с деятельностью таких финансовых посредников, как банковские платежные агенты и платежные агенты: определим основные и принципиальные отличия этих двух субъектов, найдем причины их отдельного специального регулирования, а также выскажем ряд соображений о перспективах развития данного института в Российской Федерации.

Содержание деятельности банковских платежных агентов и платежных агентов: российское правовое регулирование

Банковские платежные агенты (далее — БПА) и платежные агенты (далее — ПА) осуществляют важнейшую функцию, которая влияет на существование и развитие национальной платежной

системы (далее — НПС). Данная функция заключается в исполнении указанными субъектами посреднических действий при передаче денежных средств от плательщика к получателю.

Представляется необходимым прежде всего указать на основные признаки БПА и ПА, закрепленные в российском законодательстве.

Деятельность БПА и ПА во многом сходна. В этом можно убедиться, обратившись к ст. 3, 4 и 14 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»² (далее — Закон № 161-ФЗ), касающихся деятельности БПА, а также к ст. 2 и 3 Федерального закона от 03.06.2009 № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами»³ (далее — Закон № 103-ФЗ), определяющих границы деятельности ПА⁴.

БПА и ПА могут быть зарегистрированы в качестве юридических лиц, не являющихся кредитными организациями, либо в качестве индивидуальных предпринимателей. Оба этих субъекта осуществляют посреднические функции в интересах третьих лиц (в случае с БПА — в интересах операторов по переводу денежных средств (кредитных организаций), в случае

---

¹ См., например: Арзуманова Л. Л., Рождественская Т. Э., Костюк И. В., Малунова З. А., Пушкин А. В., Рябова Е. В., Хоменко Е. Г., Байтенова А. А. Комментарий к Федеральному закону от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2017 ; Иванов В. Ю. Некоторые аспекты деятельности платежных агентов при предоставлении платежных услуг // Банковское право. 2019. № 3.

² СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

³ СЗ РФ. 2009. № 23. Ст. 2758.

⁴ Целый ряд российских исследователей приходит к аналогичному выводу (см., например: Тарасенко О. А. Предпринимательская деятельность платежных агентов // Предпринимательское право. 2013. № 4 ; Ива-

с ПА⁵ — в интересах операторов по приему денежных средств или поставщиков⁶). И БПА, и ПА обязаны открыть специальный банковский счет для зачисления денежных средств, которые они получают в процессе осуществления своей деятельности, передавать полученные от плательщиков при приеме платежей наличные денежные средства в кредитную организацию для их зачисления на указанный счет и использовать его для расчетов с оператором по переводу денежных средств, с оператором по приему платежей или с поставщиками.

Таким образом, представляется, что цель деятельности БПА и ПА совпадает. На наш взгляд, она состоит в исполнении посреднических функций по приему наличных денежных средств от физических лиц и передаче их третьим лицам. При этом различия между данными субъектами также значительны, что объясняет особенности и различия в правовом регулировании их деятельности.

БПА привлекаются кредитной организацией на основании договора в целях осуществления отдельных банковских операций. Положения ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», в которых содержится закрытый перечень банковских операций, а также вышеуказанные нормы Закона № 161-ФЗ позволяют прийти к выводу о том, что БПА участвуют в оказании услуги

по осуществлению только одной банковской операции — перевода денежных средств без открытия банковских счетов, в том числе электронных денежных средств. Кроме того, БПА вправе по договору с кредитной организацией осуществлять выдачу физическим лицам наличных денежных средств (аналог операционной кассы в банке), предоставлять им электронные средства платежа и обеспечивать возможность их использования, проводить идентификацию клиентов (упрощенную идентификацию) в целях осуществления перевода денежных средств без открытия банковского счета, в том числе электронных денежных средств, а также в целях предоставления электронного средства платежа.

На основании изложенного можно выделить главные отличительные признаки БПА:

- 1) осуществляет свои функции на основании договора исключительно с кредитной организацией;
- 2) участвует в оказании услуги по осуществлению банковских операций и совершает иные действия в рамках, установленных Законом № 161-ФЗ;
- 3) денежные средства, принимаемые БПА, могут быть адресованы любому получателю⁷.

ПА оказывает услуги по приему платежей физических лиц. При этом ПА может существовать в двух видах: как оператор по приему платежей либо как платежный субагент. Оператор по при-

---

нов О. М., Данилин К. В. Банковские платежные агенты. М. : ЦИПСИР; Кнорус, 2012. С. 96 ; *Владова О. Г.* Комментарий к Федеральному закону от 3 июня 2009 г. № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс»).

⁵ Как будет отмечено ниже, эта двойственность обусловлена тем, что ПА может действовать либо как оператор по приему платежей (тогда его контрагентом будет поставщик), либо как платежный субагент (тогда его контрагентом будет оператор по приему платежей).

⁶ Следует уточнить, что к поставщикам, в соответствии с Законом № 103-ФЗ, относятся: юридические лица, за исключением кредитной организации, или индивидуальные предприниматели, получающие денежные средства плательщика за реализуемые товары (выполняемые работы, оказываемые услуги) в соответствии с Законом № 103-ФЗ, а также юридические лица или индивидуальные предприниматели, которыми вносится плата за жилое помещение и коммунальные услуги в соответствии с Жилищным кодексом РФ, а также органы государственной власти и органы местного самоуправления, учреждения, находящиеся в их ведении, получающие денежные средства плательщика в рамках выполнения ими функций, установленных законодательством Российской Федерации.

⁷ Безусловно, с учетом ограничений, предусмотренных Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (СЗ РФ. 2001. № 33. Ст. 3418).

ему платежей напрямую заключает с поставщиками договоры об осуществлении деятельности по приему платежей физических лиц, платежный субагент же действует исключительно на основании соглашения с ПА, являющимся оператором по приему платежей.

Помимо необходимости заключить договор с поставщиком, оператор по приему платежей также обязан исполнить ряд иных обязанностей, например: встать на учет уполномоченного органа в порядке, предусмотренном законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (п. 5 ст. 4 Закона № 103-ФЗ), проводить идентификацию физического лица, осуществляющего платеж, и др. Отметим, что ПА, действующий как платежный субагент, не должен исполнять указанные выше обязанности и не может передавать свои полномочия другим лицам (привлекать новых платежных субагентов).

Кроме того, ПА могут принимать платежи только в оплату таких товаров (работ, услуг), которые не запрещены Правительством РФ. В настоящий момент ПА не вправе принимать лотерейные ставки (за исключением всероссийских государственных лотерей), платежи за лотерейные билеты, квитанции и электронные лотерейные билеты, удостоверяющие право на участие в лотерее, а также ставки для участия в азартных играх⁸.

Важным является вопрос о *возможности или невозможности ПА* (и как оператора по приему платежей, и как платежного субагента) *осуществлять иную деятельность, кроме приема денежных средств у плательщиков (физических лиц) и их передачи получателям (поставщикам либо операторам по приему денежных средств)*. Ответ на данный вопрос прямо не следует из текста Закона № 103-ФЗ, однако существует позиция, сформулированная в определении Судебной коллегии по эко-

номическим спорам Верховного Суда РФ от 26.05.2017 № 302-АД16-16468 по делу № А58-600/2016⁹. В рамках данного дела рассматривалась возможность применения требований Закона № 103-ФЗ к автовокзалу, принимающему в пользу перевозчика денежные средства при реализации билетов на осуществляемые этим перевозчиком рейсы. Суд признал выводы нижестоящих судов о том, что автовокзал является платежным агентом, неправомерными и отметил: «Из положений Закона № 103-ФЗ следует, что *деятельность платежного агента заключается только в приеме от физических лиц денежных средств, направленных на исполнение денежных обязательств этих лиц перед поставщиком по оплате товаров (работ, услуг), и последующем перечислении платежным агентом этих средств поставщику товаров (работ, услуг)*. При этом *платежный агент не принимает участия в оказании услуг между плательщиком и поставщиком услуг и не оказывает иных самостоятельных услуг, кроме приема и передачи денежных средств*».

Представляется, что данный вывод нуждается в уточнении. По нашему мнению, ПА действительно не может оказывать иных самостоятельных услуг, кроме приема и передачи денежных средств. Однако данное ограничение применимо лишь к отношениям между ПА и поставщиком услуг. В правоотношениях с другими субъектами (не являющимися поставщиками в понимании Закона № 103-ФЗ) ПА вправе осуществлять любую деятельность, не запрещенную российским законодательством.

Вызывает известный интерес дело в отношении «Дальневосточной энергетической компании» (ДЭК). Ресурсоснабжающая организация ДЭК на основании агентского договора оказывала управляющей компании (УК) различные услуги, включая снятие показаний счетчиков, определение объема потребленной энергии и расчета платы за нее, а также получение дан-

---

⁸ Постановление Правительства РФ от 15.11.2010 № 920 «Об утверждении перечня товаров (работ, услуг), в оплату которых платежный агент не вправе принимать платежи физических лиц» // СЗ РФ. 2010. № 47. Ст. 6138.

⁹ См. также: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2017). П. 27 // СПС «КонсультантПлюс».

ной платы от потребителей (жильцов многоквартирного дома, находящегося под управлением УК) и взыскание с них задолженностей. Кроме того, между ДЭК и УК был заключен договор энергоснабжения на поставку энергоресурса потребителям УК (жильцам). Суд установил, что ДЭК является ПА и подчеркнул, что в *Законе № 103-ФЗ не установлено запрета на совмещение функций ПА и деятельности по поставке коммунальных ресурсов, а следовательно, такое совмещение является допустимым*¹⁰.

Представляется, что данное решение противоречит упомянутому выше определению Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, которое было сформировано позднее. В решении по делу ДЭК суд допускает применение положений Закона № 103-ФЗ к лицу, совмещающему деятельность по приему платежей с иной предпринимательской деятельностью в интересах поставщика (управляющей компании). В свою очередь, этот подход вступает в противоречие с п. 2 ст. 1 Закона № 103-ФЗ, устанавливающим, что данный Закон не распространяется на отношения, связанные с деятельностью по проведению расчетов, в частности осуществляемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при реализации товаров (выполнении работ, оказании услуг) непосредственно с физическими лицами, за исключением расчетов, связанных с взиманием платежным агентом с плательщика вознаграждения, предусмотренного указанным Законом.

На наш взгляд, из комплексного анализа приведенной выше судебной практики и положений законодательства можно сделать вывод о том, что ПА, осуществляющий прием денежных средств от плательщиков и их последующую передачу поставщикам (операторам по приему платежей), вправе осуществлять иную предпринимательскую деятельность (например, реализовывать товары, выполнять работы или оказывать услуги), но не в отношении поставщиков (либо операторов по приему платежей), в адрес которых он принимает денежные средства, а в

отношении третьих лиц, незаинтересованных в использовании его в качестве ПА. К сожалению, подробных официальных разъяснений на этот счет в настоящий момент не существует, а судебная практика не позволяет однозначно поддержать этот вывод. Представляется, что опубликование Банком России письма, уточняющего особенности совмещения ПА функций по приему платежей с иной предпринимательской деятельностью, либо совершенствование судебной практики и внесение соответствующих положений в текст Закона позволило бы упростить его применение на практике.

Таким образом:

- 1) денежные средства, принимаемые ПА, могут направляться плательщиками только в адрес заранее определенных лиц (поставщиков), с которыми у ПА или оператора по приему платежей заключен договор;
- 2) кредитные организации не вправе выступать операторами по приему платежей, а также заключать договоры об осуществлении деятельности по приему платежей физических лиц с поставщиками или операторами по приему платежей (п. 21 ст. 4 Закона № 103-ФЗ);
- 3) положения закона, регулирующие деятельность ПА, распространяются исключительно на отношения, связанные с приемом платежей от физических лиц в адрес поставщиков, и не применяются к отношениям по проведению расчетов при реализации товаров (выполнении работ, оказании услуг) с физическими лицами, кроме расчетов, связанных с взиманием с плательщика комиссии ПА.

В результате, несмотря на множественность общих признаков, статус ПА и БПА различен. Оба получают денежные средства от физических лиц, однако ПА делает это только в интересах заранее известных ему (или оператору по приему платежей, с которым у него заключен договор) получателей, а БПА — в интересах кредитной организации, но неизвестных ему получателей. Хотя на практике деятельность ПА и БПА зачастую может осуществлять одно

¹⁰ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 07.02.2014 № Ф03-6576/2013 по делу № А73-6454/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

и то же лицо¹¹, БПА обладает возможностью совмещать свою деятельность в интересах получателей денежных средств с иными функциями. Именно поэтому в большинстве случаев ПА осуществляют свою деятельность через установку и обслуживание платежных терминалов, позволяющих принимать платежи за связь, услуги ЖКХ и т.д., а в качестве БПА выступают розничные магазины, предоставляющие клиентам возможность, помимо покупки товаров, осуществлять денежные переводы, получать банковские карты, предварительно оформленные посредством сети Интернет, или, например, пользоваться услугой по выдаче наличных денежных средства из кассы магазина (cash-out)¹².

Тенденции развития института платежных и банковских платежных агентов

На основании анализа статистики Банка России по состоянию на июнь 2019 г. можно предположить, что развитие института БПА и ПА в России достигло своего пика: объем операций, совершаемых БПА и ПА, стабильно уменьшается

с 2016 г., количество ПА снижается, а рост числа БПА значительно замедлился.

Позволим также предположить, что данным тенденциям способствует активное совершенствование систем дистанционного банковского обслуживания и развитие цифровой экономики. В результате для осуществления платежей клиентам не требуется посещать офисы кредитных организаций или их посредников, поскольку для этого достаточно воспользоваться электронными устройствами (онлайн-банкинг). Таким образом, в настоящий момент реальная потребность сохраняется лишь в отношении некоторых агентских функций, например проведения идентификации, выдачи банковских карт, предварительно оформленных через сеть Интернет, оформления документации для выдачи потребительских кредитов на покупку товаров либо услуг агента. Тот факт, что практически весь объем перечисленных функций относится к компетенции БПА, позволяет объяснить негативную динамику развития института ПА, которая прослеживается на приведенных графиках.

Мы полагаем, что при доступе подавляющей части населения к мобильным устройствам, позволяющим осуществлять операции

¹¹ Белов А. С. Правовое регулирование деятельности платежных агентов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 176 с.

¹² По имеющейся информации планируется к техническому внедрению на территории России. См.: URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/05/24/770530-nalichnie-kassah-magazinov> (дата обращения: 30.06.2019).

с денежными средствами без привлечения дополнительных посредников к отношениям между кредитной организацией и клиентом, а также при возможностях кредитных организаций самостоятельно (в том числе посредством расширения банкоматной сети) удовлетворять потребность во внесении/снятии клиентами наличных денежных средств спрос на услуги БПА и ПА будет снижаться.

Однако, на наш взгляд, в среднесрочной перспективе указанные субъекты, и прежде всего БПА, продолжают играть незаменимую роль в развитии бизнеса для кредитных организаций, специализирующихся на выдаче потребительских кредитов, организаций-посредников, занимающихся осуществлением переводов денежных средств и приемом платежей (например, система электронных платежей «КиберПлат», сервис мгновенных денежных переводов «Золотая корона» и др.), а также для населения, проживающего в отдаленных районах Российской Федерации и не имеющего возможности воспользоваться банковскими услугами ввиду отсутствия офисов кредитных организаций на данных территориях¹³.

Нужно принять во внимание и тенденции развития европейского регулирования в сфере цифровой экономики и осуществления платежей, в том числе положения Директивы ЕС об оказании платежных услуг (Payment Services Directive (EU) 2015/2366)¹⁴. Данный акт существенным образом влияет на развитие концепции Open Banking, которая предусматривает возможность получения компаниями, которые не являются банками, доступа к данным о платежах и плательщиках. Такими субъектами, в частности, могут быть сервисы по инициации платежей (payment initiation service provider) и сервисы по агрегации финансовой информации (account information service providers). Эта тенденция к росту числа различных участников платежной системы позволяет предположить, что и в российском законодательстве количество посредников между плательщиками и получателями денежных средств в ближайшее время может существенно увеличиться. Однако это вряд ли затронет сферу деятельности БПА и ПА, поскольку она тесно связана с приемом наличных денежных средств.

Ввиду описанных ранее особенностей правового регулирования деятельности БПА и ПА

¹³ В подтверждение этого довода стоит отметить, что основной целью Стратегии повышения финансовой доступности в Российской Федерации на период 2018—2020 годов является повышение уровня доступности и качества финансовых услуг для потребителей финансовых услуг из отдаленных районов и сельской местности, субъектов малых и средних предприятий и групп населения с ограниченным доступом к финансовым услугам (см.: URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/44104/str_30032018.pdf (дата обращения: 25.02.2019)).

¹⁴ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015L2366> (дата обращения: 25.02.2019).

представляется верным внести существенные изменения в нормативные правовые акты, действующие в данной сфере, а именно:

1. Признать утратившим силу Закон № 103-ФЗ, регулирующий деятельность ПА, и включить нормы, устанавливающие требования к ПА, в Закон № 161-ФЗ. Данная мера позволит систематизировать текущую нормативную базу и объединить в одном нормативном акте требования к двум близким по характеру деятельности субъектам национальной платежной системы.

2. В новой редакции Закона № 161-ФЗ (см. предыдущий пункт) закрепить положение о невозможности совмещения платежным агентом деятельности по приему платежей с иной предпринимательской деятельностью в пользу поставщиков (либо операторов по приему платежей). Это позволит исключить двоякое толкование существующих норм, которое, как отмечалось ранее, не позволяет сделать однозначный вывод о запрете на совмещение деятельности ПА с иными видами деятельности в отношениях ПА с поставщиком или оператором по приему платежей.

3. Расширить компетенцию банковских платежных агентов в части проведения идентификации, закрепленную п. 1.5 ст. 7 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ, предоставив им возможность проводить идентификацию (удаленную идентификацию) в рамках проти-

водействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма во всех случаях, необходимых для исполнения законного поручения оператора по переводу денежных средств в рамках заключенного договора с БПА. В настоящий момент БПА вправе проводить идентификацию клиента только для достижения двух целей — перевода денежных средств без открытия банковского счета и предоставления клиенту электронного средства платежа. При этом формально БПА не вправе проводить идентификацию, например, в рамках принятия клиента на обслуживание и заключения между ним и кредитной организацией договора о выдаче потребительского кредита, что представляется неверным, поскольку сущность процедуры идентификации в зависимости от ее цели не меняется. Таким образом, наше предложение заключается в том, чтобы официально закрепить возможность проведения идентификации клиента силами БПА в тех случаях, когда этого требуют обязательства, принятые БПА перед оператором по переводу денежных средств.

Предлагаемые выше меры позволят упростить и систематизировать нормативную базу, сделать ее ближе к потребностям участников отношений, связанных с осуществлением переводов денежных средств и приемом платежей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арзуманова Л. Л., Рождественская Т. Э., Костюк И. В., Малунова З. А., Пушкин А. В., Рябова Е. В., Хоменко Е. Г., Байтенова А. А. Комментарий к Федеральному закону от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс». 2017.
2. Белов А. С. Правовое регулирование деятельности платежных агентов : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016. — 176 с.
3. Владова О. Г. Комментарий к Федеральному закону от 3 июня 2009 г. № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» (постатейный) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Иванов В. Ю. Некоторые аспекты деятельности платежных агентов при предоставлении платежных услуг // Банковское право. — 2019. — № 3.
5. Иванов О. М., Данилин К. В. Банковские платежные агенты. — М. : ЦИПСИР; Кнорус, 2012.
6. Тарасенко О. А. Предпринимательская деятельность платежных агентов // Предпринимательское право. — 2013. — № 4.

Материал поступил в редакцию 16 мая 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arzumanova L. L., Rozhdestvenskaya T. E., Kostyuk I. V., Malunova Z. A., Pushkin A. V., Ryabova E. V., Homenko E. G., Bajtenova A. A. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 27 iyunya 2011 g. № 161-FZ «O nacional'noj platezhnoj sisteme» (postatejnyj) // SPS «Konsul'tantPlyus». 2017.
2. Belov A. S. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti platezhnyh agentov : dis. ... kand. jurid. nauk. — M., 2016. — 176 s.
3. Vladova O. G. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 3 iyunya 2009 g. № 103-FZ «O deyatel'nosti po priemu platezhej fizicheskikh lic, osushchestvlyajemykh platezhnymi agentami» (postatejnyj) // SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Ivanov V. Yu. Nekotorye aspekty deyatel'nosti platezhnyh agentov pri predostavlenii platezhnyh uslug // Bankovskoe pravo. — 2019. — № 3.
5. Ivanov O. M., Danilin K. V. Bankovskie platezhnye agenty. — M. : CIPSiR; Knorus, 2012.
6. Tarasenko O. A. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' platezhnyh agentov // Predprinimatel'skoe pravo. — 2013. — № 4.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.081-091

М. А. Егорова*,
О. В. Кожевина**

Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав¹

Аннотация. В статье дается краткий анализ места криптовалюты в системе объектов гражданских прав. По итогам проведенного исследования авторами делается вывод о некорректности отождествления правовых режимов криптовалюты и виртуальных предметов. Перспективным представляется регулирование правовых свойств распределенного реестра и учета в нем объектов гражданских прав. Криптовалюта — платежное средство, не имеющее самостоятельной ценности, в силу этого обстоятельства механизм исполнения обязательств нуждается в особой проработке.

Также отмечается, что в правовом регулировании любых общественных отношений существенная роль отводится механизмам и гарантиям восстановления нарушенных прав и законных интересов, в связи с чем регулирование криптовалюты неразрывно связано с институтом гражданско-правовой ответственности. Криптовалюта сочетает в себе признаки многих гражданских прав, но в полной мере не соответствует ни одному из них. Отнесение криптовалюты к иному имуществу возможно в рамках действующего законодательства, без создания новых объектов гражданских прав с коллизиями и спорами относительно их правового режима.

Ключевые слова: криптовалюта; ценные бумаги; объекты гражданских прав; иное имущество; биткоины; правовой режим; правовое регулирование.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16056. Статья подготовлена с использованием материалов СПС «КонсультантПлюс».

© Егорова М. А., Кожевина О. В., 2020

* *Егорова Мария Александровна*, доктор юридических наук, профессор кафедры конкурентного права, начальник Управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя исполнительного комитета и председатель комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского отделения Ассоциации юристов России, сопresident Международного союза юристов и экономистов (Франция), член Международного комитета цифровой экономики (БРИКС)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
Lab.kkonkpr@msal.ru

** *Кожевина Ольга Владимировна*, доктор экономических наук, профессор кафедры ИБМ-4 Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет) (МГТУ имени Н. Э. Баумана), эксперт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, член Международного союза юристов и экономистов (Франция)
2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 3, г. Москва, Россия, 105005
Kozhevina@bmstu.ru

Для цитирования: Егорова М. А., Кожевина О. В. Место криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 81—91. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.081-091.

The Role of a Cryptocurrency in the System of Objects of Civil Law Rights²

Maria A. Yegorova, Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Competition Law, Head of the International Cooperation Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Deputy Chairman of the Executive Committee and Chairman of the Committee on the Improvement of Antimonopoly Legislation of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (France), member of the International Committee for Digital Economy (BRICS)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
Lab.kkonkpr@msal.ru

Olga V. Kozhevina, Dr. Sci. (Economics), Professor of the Department of IBM-4, Bauman Moscow State Technical University (National Research University) (MSTU named after N. E. Bauman), Expert of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Member of the International Union of Lawyers and Economists (France)
ul. 2-ya Baumanskaya, d. 5, str. 3, Moscow, Russia, 105005
Kozhevina@bmstu.ru

Abstract. The article gives a brief analysis of the place of a cryptocurrency in the system of objects of civil law rights. According to the results of the study, the authors conclude that it is incorrect to equate legal regimes of the cryptocurrency with the legal regime of virtual objects. The authors consider it promising to regulate legal features of the distributed ledger and register objects of civil law rights in the distributed ledger. A cryptocurrency is a means of payment that has no independent value. Thus, the mechanism of performance of obligations needs special elaboration.

It is also noted that in the legal regulation of any social relations an essential role is assigned to the mechanisms and guarantees of restoration of violated rights and legitimate interests. To this end, the cryptocurrency regulation is inextricably linked with the institution of civil liability. The cryptocurrency combines the features of many civil law rights, but does not fully correspond to any of them. The assignment of the cryptocurrency to other property is possible within the framework of the current legislation without creating new objects of civil law rights, which can lead to conflicts and disputes concerning their legal regime.

Keywords: cryptocurrency; securities; objects of civil law rights; other property; bitcoins; legal regime; legal regulation.

Cite as: Egorova MA, Kozhevina OV. Mesto kriptovalyuty v sisteme obektov grazhdanskikh prav [The Role of a Cryptocurrency in the System of Objects of Civil Law Rights]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):81-91. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.081-091. (In Russ., abstract in Eng.)

Цифровая экономика и проблемы ее правового регулирования стали важнейшей темой научных дискуссий последних лет. Необходимо установление в законодательстве обоснованных механизмов контроля со стороны государства за деятельностью субъектов цифровой экономики. Исследование нормативного регулирования цифровых отношений представ-

² The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-29-16056. The paper was prepared using the resources of the Legal Reference System (SPS) "ConsultantPlus".

ляет собой стратегическую задачу, являющуюся элементом государственной политики, направленную на обеспечение безопасности всего современного мира и подчинение деятельности отечественных субъектов цифровой экономики международным стандартам.

Необходимо выявление наиболее проблемных аспектов использования криптовалюты в условиях действующего законодательного регулирования, формирование соответствующих предложений по совершенствованию законодательства, имеющих своей целью легализацию криптовалюты с учетом интересов национальной безопасности Российской Федерации. В этой связи представляется актуальным исследование места криптовалюты в системе объектов гражданских прав и возможности правового регулирования отдельных видов криптовалютной деятельности посредством применения гражданско-правовых норм.

Ключевыми характеристиками криптовалюты являются децентрализованность, анонимность, трансграничность. Под объектами гражданских прав (правоотношений) понимаются различные материальные (в том числе вещественные) и нематериальные (идеальные) блага либо процесс их создания, составляющие предмет деятельности субъектов гражданского права³. В юридической литературе встречается также определение объектов гражданских прав (правоотношений) как благ, в связи с принадлежностью и (или) передачей которых у субъектов возникают права и обязанности⁴. Смысл категории объектов гражданских прав (правоотношений) заключается в установлении для них определенного гражданско-правового режима, т.е. возможности или невозможности совершения с ними определенных действий (сделок), влекущих известный юридический (гражданско-правовой) результат.

1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесе-

нии изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (так называемый Закон о цифровых правах), согласно которому ст. 128 части первой ГК РФ, определяющей объекты гражданских прав, уточнена: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага».

С учетом данного перечня попробуем рассмотреть различные варианты отнесения криптовалюты к отдельным объектам гражданских прав (правоотношений), а затем проанализируем возможность выделения криптовалюты в качестве обособленного, самостоятельного объекта гражданских прав.

При этом изначально установим, что криптовалюта не может быть рассмотрена в качестве таких объектов гражданских прав, как действия (работы и услуги) либо их результаты, как вещественного, так и неовещественного характера (в связи с отсутствием обязательственной составляющей в отношениях, связанных с созданием или использованием криптовалют), нематериальные объекты товарного характера — охраняемые законом результаты творческой деятельности и юридически приравненные к ним средства индивидуализации товаров и их производителей (в силу отсутствия творческого характера создания криптовалюты); а также нематериальные блага (так как они тесно и неразрывно связаны с личностью, неотчуждаемы, находятся вне оборота и по поводу их возникают только абсолютные неимущественные отношения, что априори не соотносится с природой криптова-

³ Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. С. 297.

⁴ Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. Т. 1. 511 с.

люты). Некоторые авторы также указывают на то, что криптовалюта по определению не может относиться к вещам, однако такая возможность все же будет рассмотрена ниже.

Как было упомянуто ранее, ст. 128 ГК РФ устанавливает, что к объектам гражданских прав относятся вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права: безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права. Таким образом, описывается особая категория «имущество», отличающаяся по своей природе от указанных в статье далее категорий результатов работ и услуг, результатов интеллектуальной деятельности и нематериальных благ.

Имущество, исходя из положений ст. 128 ГК РФ, бывает телесным (вещи, наличные деньги и документарные ценные бумаги) и бестелесным (безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права — имущественные права), причем бестелесное имущество законом относится к категории «иное имущество». В силу того что криптовалюта не является осязаемым, наличным объектом, отнести ее к категории телесного имущества — к вещам, наличным деньгам и документарным ценным бумагам — не представляется возможным. В некотором роде криптовалюта могла бы рассматриваться в качестве вещи только при условии создания некоторой правовой фикции, позволяющей признать нематериальный объект вещью (как, например, это происходит в отношении электрической энергии). Однако рациональным данный подход назвать достаточно сложно.

В то же время можно поднять вопрос об отнесении криптовалюты к категории иного имущества — бестелесного. К данной категории, в соответствии с законом, относятся безналичные денежные средства (по сути, являющиеся правами требования), бездокументарные ценные бумаги (представляющие собой особый способ фиксации прав) и цифровые права (от-

несение к которым чего-либо спорно до разработки правил информационной системы).

Конституционный Суд РФ при толковании ст. 128 ГК РФ указал, что различиями в природе вещей и иного имущества (в частности, безналичных денежных средств) «предопределяются различия в правовом регулировании отношений по поводу таких материальных объектов гражданских прав, как вещи, и отношений, связанных с оборотом таких имеющих нематериальный характер объектов гражданских прав, как безналичные денежные средства»⁵. Данный вывод справедливо распространяется на правовой режим бездокументарных ценных бумаг и, вероятно, может распространяться на правовой режим криптовалюты.

Подтверждение тезиса о том, что криптовалюта может рассматриваться в качестве иного объекта права, можно обнаружить при обращении к немецкой доктрине, которая признает криптовалюту «некодифицированным объектом права», подобно данным⁶. Такую терминологию можно применить к криптовалюте по причине того, что она обладает имущественной ценностью, фактически может быть предметом относительных правоотношений и лицо, которому принадлежит криптовалюта, может осуществлять над ней свою власть, пользоваться и распоряжаться ею, то есть, по сути, осуществлять сделки. Немецкая доктрина признает, что на криптовалюту можно обращать взыскание, а в некоторых установленных законом случаях криптовалюта может стать объектом деликтной ответственности.

В Германии проблему закрепления в законодательстве криптовалюты, с учетом ее специфичной природы, предлагают решить по аналогии с тем, как в Германском гражданском кодексе (§ 90) установлен правовой режим животных: животные не признаются вещами, но в отношении них применяется вещно-правовой режим, если иное не предусмотрено законом. Если аналогичное регулирование установить в отношении криптовалюты, то будет решена

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория»» // СЗ РФ. 2014. № 51. Ст. 7528.

проблема защиты криптовалюты как нематериального объекта, обладающего имущественной ценностью.

Разумеется, идентичное решение невозможно для целей применения его в системе российского гражданского права. Однако данная позиция позволяет сделать вывод о том, что необходимости в закреплении криптовалюты как отдельного объекта гражданских прав нет, достаточно обеспечить соответствующий правовой режим, например путем отнесения криптовалюты к иному имуществу, но при разработке иных регулирующих криптовалюту отношений учитывать некоторую специфику криптовалюты в качестве иного имущества.

Если обратиться к практике ЕСПЧ, то можно заключить, что понятием «имущество» (англ. property) в контексте ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁷ охватывается всё, что обладает экономической ценностью для участников гражданского оборота и допускает переход от одного лица к другому.

В практике российских судов также нашла свое отражение позиция, признающая корректность применения концепции «иного имущества» к криптовалюте. В частности, в решении по делу № А40-124668/2017 суд первой инстанции пришел к следующему: криптовалюта не относится к объектам гражданских прав, находится вне правового поля на территории Российской Федерации, исполнение сделок с криптовалютой, ее транзакции не обеспечиваются принудительной силой государства. Однако в апелляции данный тезис был полностью опровергнут: суд указал, что гражданское законодательство не содержит закрытого перечня

объектов гражданских прав, также в нем отсутствует понятие «иное имущество», упомянутое в ст. 128 ГК РФ, а с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование. Кроме того, данным решением суда была признана экономическая ценность криптовалюты в качестве имущества должника, что свидетельствует о признании экономической ценности криптовалюты в общем⁸.

Департамент экономического законодательства Министерства юстиции РФ подготовил ответ на обращение, который, как отмечено в ответе, не является официальным разъяснением законодательства, но однозначно выражает позицию органа исполнительной власти. Минюст обратил внимание, что криптовалюта не может быть рассмотрена в качестве безналичных денежных средств (так как безналичные расчеты предполагают право требования в отношении кредитной организации, а такие права отсутствуют у владельца криптовалюты), в качестве электронных денег (так как обладатель электронных денег имеет право требования к эмитенту, такие права также отсутствуют у владельца криптовалюты). В то же время криптовалюта может быть квалифицирована как объект гражданских прав в качестве «иного имущества», так как она способна к обособлению и имеет имущественную ценность, признаваемую оборотом, а также может быть предметом обязательств и предметом защиты со стороны норм деликтного права⁹.

Аналогичную позицию высказало Правительство РФ в отзыве на законопроект № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁰.

⁶ Kuhlmann N. Bitcoins — Funktionsweise und rechtliche Einordnung der digitalen // CR. 2014. S. 694—695.

⁷ Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕТС № 009 (Париж, 20 марта 1952 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Карточка дела № А40-124668/2017 // Карточка арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru/Card/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a>.

⁹ Министерство юстиции РФ отнесло криптовалюту к иному имуществу // URL: <https://cryptoratings.ru/news/minyust-rf-otnes-kriptoalyutu-k-inomu-imushhestvu/>.

¹⁰ Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект о регулировании существующих в Интернете новых объектов имущественных экономических отношений // URL: <http://government.ru/activities/selection/303/32876/>.

Далее рассмотрим иные варианты классификации криптовалюты. Как вариант — криптовалюту можно рассматривать в качестве бездокументарной ценной бумаги. В соответствии с п. 1 ст. 142 ГК РФ бездокументарными ценными бумагами признаются обязательственные и иные права, которые закреплены в решении о выпуске или ином акте лица, выпустившего ценные бумаги в соответствии с требованиями закона, и осуществление и передача которых возможны только с соблюдением правил учета этих прав в соответствии со ст. 149 ГК РФ. Ответственными за исполнение по бездокументарной ценной бумаге лицами являются лицо, которое выпустило ценную бумагу, а также лица, которые предоставили обеспечение исполнения соответствующего обязательства, — данные лица должны быть указаны в решении о выпуске ценной бумаги или в ином предусмотренном законом акте лица, выпустившего ценную бумагу. В соответствии с п. 2 ст. 142 ГК РФ ценной бумагой может быть признан только тот объект, который назван в таком качестве в законе или признан таковым в установленном законом порядке.

Данные положения ГК РФ в действующей редакции не позволяют отнести криптовалюту к бездокументарным ценным бумагам по ряду оснований. Создание криптовалюты — специфичная процедура, не сопровождающаяся каким-либо документальным оформлением в виде решения о выпуске или иного акта. Следовательно, говорить о закреплении в каком-либо документе лиц, ответственных за исполнение, нельзя. Кроме того, передача криптовалюты от лица к лицу не влечет возникновения обязательственных прав. В российском законодательстве также нет акта, которым бы криптовалюта была отнесена к бездокументарным ценным бумагам. Таким образом, по формальным основаниям криптовалюта не может быть отнесена к бездокументарным ценным бумагам. Однако «цифровое право» по смыслу ст. 141.1 ГК РФ имеет относительно общее свойство с бездокументарной ценной бумагой: имущественное право, как правило

обязательственное, передается посредством записи о передаче права в систему учета. При анализе природы «безналичных денег» проявляется аналогичный феномен, то есть запись на счет оформляет передачу имущественной ценности. Безналичные деньги по правовой природе являются правом требования к банку, все транзакции отслеживаются банком, что для криптовалюты несвойственно. Само обязательственное право по договору банковского счета рассматривается в качестве самостоятельного объекта, и безналичные денежные средства используются как средство платежа. Бездокументарные ценные бумаги могут быть только именными. Учет бездокументарных ценных бумаг и безналичных денег предполагает обязательное наличие формальных прав и ответственности лица, ведущего учет, отвечающего за правильность отражения операций (для ценных бумаг это отражение учета регистратором). Технология блокчейн не предполагает наличия единого оператора, таким образом, точность операций обеспечивается участниками и основывается на доверии. Передача цифровых прав осуществляется анонимно, распоряжение подтверждается криптографическим методом¹¹. В статье 19 ГК РФ сказано, что гражданин приобретает свои права и обязанности под своим именем, а в случае и в порядке, установленном законом, может использовать псевдоним, то есть нормы указанной статьи не означают признания недействительными всех анонимных сделок. Если исполнению обязательств анонимность не препятствует, сделка может быть совершена без раскрытия имен.

В юридической литературе отнесение криптовалюты к бездокументарным ценным бумагам критикуется и по иным причинам. Так, Р. Янковский акцентирует внимание на том, что ценная бумага, в отличие от криптовалют, не может бесконечно делиться: существует некоторое минимальное количество, на которое можно разбить пакет ценных бумаг и которое невозможно подвергнуть дальнейшему делению, криптовалюта же может быть подвергнута

¹¹ Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179—192

бесконечному делению. Кроме того, криптовалюту можно фактически уничтожить, в отличие от бездокументарной ценной бумаги¹².

Иногда высказывается мнение об определенной схожести криптовалют с драгоценными металлами, но такое сравнение некорректно по правовой природе.

Мировой опыт неоднороден в отношении регулирования криптовалюты. В Великобритании до 2014 г. криптовалюта попадала под определение одноцелевых ваучеров, в настоящее время криптовалюта, в частности биткоин, получила статус «иностранной валюты», что повлекло за собой регулирование всех операций с криптовалютой со стороны налоговых служб.

Европейский Суд (European Court of Justice) в конце 2015 г. вынес решение, по которому биткоин признается валютой (то есть средством платежа), а не товаром, особенно это принципиально для целей налогообложения. В отчете Комитета Европарламента по экономическим и монетарным вопросам (European Parliament's Committee on Economic and Monetary Affairs) о подходе к регулированию криптовалют не рекомендовано прямое регулирование цифровых валют, в том числе биткоинов. В отчете Комитета отмечена возможность приведения регулирования биткоинов к существующим нормам по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Европейский центральный банк (ЕЦБ) в октябре 2016 г. отметил, что цифровая валюта не является деньгами и валютой, возможно негативное влияние широкого принятия цифровых валют, поскольку центральным банкам будет сложнее контролировать денежную массу в обращении¹³. В 2016 г. Еврокомиссия предложила директиву, предусматривающую обязательную регистрацию или лицензирование деятельности криптовалютных бирж, осуществляющих обмен криптовалюты на фиатные деньги и наоборот, а также провайде-

ров криптовалютных кошельков. Принято также решение о создании центральной базы данных с информацией о пользователях цифровых валют¹⁴. В тех странах, где уделяют большее внимание инновационным технологиям, в ближайшие несколько лет, вероятно, сформируется единая нормативно-правовая база, в которой будет урегулирован вопрос, касающийся ICO-проектов, в которых участвуют криптовалюты.

Представляется, что криптовалюта по российскому законодательству является иным имуществом, в том числе с учетом принятых в марте 2019 г. поправок в ГК РФ, которыми к иному имуществу были отнесены «цифровые права». Поскольку пока не определено, что именно включают в себя цифровые права и как с ними соотносится криптовалюта, отождествлять эти два понятия не стоит, но следует предположить, что в будущем при указанной практике к иному имуществу можно будет отнести и криптовалюту.

Согласно ст. 141.1 ГК РФ, «цифровыми правами признаются... обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача в залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровыми правами возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу». Поправки в ГК РФ закрепили понятие «цифровое право» и создали основы для регулирования отношений в цифровой экономике. Изменения в ГК РФ разработаны в рамках реализации Национальной программы «Цифровая экономика» (Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой экономики»).

Вместе с тем правовой статус криптовалюты не определен. В связи с этим, с нашей позиции, видится целесообразным включение в ГК РФ и в законопроект № 419059-7 «О цифровых финан-

¹² Янковский Р. Почему юристы никак не договорятся о криптовалютах // Geektimes. 2017. 10 июля. URL <https://geektimes.ru/post/290953/>.

¹³ Регулирование криптовалют. Исследование опыта разных стран. Отчет Еврокомиссии. Декабрь, 2017. 33 с.

¹⁴ Institutionalization of cryptoassets. KPMG. November 2018. 42 p.

совых активах» статей, дающих четкое определение понятия криптовалюты. Подготовленный к первому чтению проект федерального закона № 419059-7 закреплял понятие криптовалюты как «вида финансового актива, создаваемого и учитываемого в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций». В существенно переработанном законопроекте № 419059-7, представленном ко второму чтению, «цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие обязательственные и иные права, в том числе денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые закреплены в решении о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационной системе на основе распределенного реестра». Собственно, изначально цель и задача принятия такого закона заключалась в создании правовых основ регулирования зоны обращения криптовалют и токенов. Однако в итоге зона регулирования размытая и нечеткая — «отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, а также особенности деятельности оператора информационной системы, в рамках которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов» (п. 1 и 2 ст. 1 проекта). Одним из ключевых интересов является правовая основа и обязанность криптоинвесторов платить в России с полученных доходов налоги, независимо от места совершения криптовалютной сделки, продажи криптовалюты. Это в целом общемировая проблема — разнородность статуса криптовалюты, в том числе и как объекта налогообложения. Для решения проблемы возможен вариант принятия международной декларации, которая будет включать понятие

криптовалюты, виды, принципы криптовалют, а присоединение и ратификация декларации, в свою очередь, будут означать легализацию криптовалют в присоединившейся стране на основе общемировых принципов и терминов. Следует иметь в виду, что проведение ICO безусловным образом подлежит регулированию с позиции порядка регистрации и проведения ICO, территории проведения и территории получения инвестиций. Исходя из предложенных ко второму чтению поправок и редакции цифровых финансовых активов, по нашему мнению, больше характеристик ценных бумаг свойственно токенам, что сближает их с цифровыми активами. Статья 141.1 «Цифровые права» ГК РФ, по сути, вводит юридический аналог термина «токен», но токен — это не то же, что цифровые права. Изначально токен рассматривался как устройство для идентификации, а затем уже данный термин начали использовать для обозначения шифров и цифровых кодов.

Следует отметить, что понятие «цифровой код» имеет очень широкое толкование и использование и может удостоверить разнородное движение материальных ценностей, например, цифровые коды — это артикулы товаров и штрихкоды. По нашему мнению, важно определить четкие критерии цифрового кода, выделить его в отдельный вид, разнородность. Уникальный доступ к цифровому коду или обозначению возможен только при владении уникальным закрытым криптографическим ключом, в технологии блокчейн все транзакции зашифрованы. Шифры класса асимметричных шифровых систем, имеющие закрытый (секретный) и открытый, свободно распространяющийся ключ (находящийся в математической зависимости), используются для подтверждения транзакций.

Целесообразность принятия отдельного нормативного правового акта о криптовалюте весьма спорна. В начале октября 2019 г. Министерство финансов РФ предложило в целях регулирования разделить криптовалюты на три вида: технические токены, виртуальные активы и цифровые финансовые активы¹⁵. Таким образом,

¹⁵ ЦБ РФ назвал криптовалюты высокотехнологичной финансовой пирамидой // URL: <https://forklog.com/vtsb-rf-nazvali-kriptovalyuty-vysokotehnologichnoj-finansovoj-piramidoj/>.

Правительство РФ ищет адекватные и логичные способы регулирования цифровой финансовой сферы для бизнеса. По своей природе технические токены, виртуальные активы и цифровые финансовые активы — различны, поэтому нужно определить в будущем законе «О цифровых финансовых активах» правовую природу каждого из них. Позиция Минфина совпадает с мнением ЦБ РФ о преждевременности и спорности легализации криптовалюты, в том числе и вследствие того, что она может стать существенным конкурентом рубля.

Рассмотрение правового режима криптовалют предполагает также выявление ряда проблем совершения криптовалютных сделок, проблем легализации (отмывания) денег. Многие мнения представителей науки сводятся к тому, что необходим скорейший правовой статус криптовалют в России, причем не столь важно, в качестве какого института будет закрепление, важен сам факт, и это вопрос времени. Не стоит критически относить криптовалюту лишь к преступным средствам обращения, но и не следует упускать из виду то обстоятельство, что в России наиболее распространенный способ легализации (отмывания) преступных доходов в криптовалюту — сбыт наркотических средств (более 80 постановлений суда, вступивших в законную силу). В целях предупреждения транснациональной легализации (отмывания) денежных средств Верховный Суд включил понятие криптовалюты в ст. 174 и 174.1 УК РФ об отмывании денег¹⁶. Криптовалюта, несмотря на отсутствие правовой регламентации, также используется для дарения, участия в розыгрышах, возможны пожертвования благотворительным фондам криптовалютой, поскольку законом такие действия не

запрещены¹⁷. В последнее время получили распространение сделки займа и залога криптовалюты, хотя для этого не создано правовое поле. Кроме того, в некоторых крупных городах России стали открываться криптоломбарды с возможностью получения наличных денег.

Мировая тенденция развития криптовалют свидетельствует, что биткоин создавался именно для того, чтобы стать альтернативой сложившейся денежно-финансовой системе, можно сказать, «цифровой финансовой системой взамен денежно-финансовой». Зарубежные эксперты и исследователи оптимистично настроены относительно будущего рынка криптовалют и полагают, что цифровые активы когда-нибудь станут деньгами. Опыт Китая иллюстрирует фактическую парализацию рынка криптовалют, они запрещены для проведения операций. Бизнесмены и инвесторы Китая, желающие вложить средства в ICO-проект, пересекают границы, совершают операции по инвестированию в других странах. В США высокое налогообложение виртуальной валюты биткоина. Эта мера позволяет в определенной степени выводить из тени доходы, связанные с криптовалютой. В Японии, скандинавских странах криптовалюта легализована, но также высокое налогообложение. В Германии биткоин — разновидность денег с 2013 г., субъекты гражданского права вправе принимать криптовалюту в качестве оплаты за товары, налогообложение и покупки товара, и биткоинов при совершении сделки¹⁸. Биткоин облагается налогом в Сингапуре, Австралии и других странах¹⁹.

В ходе проведенного исследования выявлены особенности финансового, правового и финансово-правового риска сделок с криптовалютой (см. таблицу).

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суд РФ от 26.02.2019 № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 “О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем”».

¹⁷ Долгетиева М. М. Границы легального оборота криптовалюты // Юрист-Правоведъ. 2018. № 4 (87). С. 13—14.

¹⁸ Цинделиани И. А., Нигматулина Л. Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 16—23.

¹⁹ Лютова О. И. Определение понятия криптовалюты для целей налогово-правового регулирования // Теология. Философия. Право. 2019. № 1 (9). С. 19—27

Типология и характеристика финансово-правового риска сделок с криптовалютой

Тип риска	Группа риска	Характер проявления риска
1. Финансовый	Явные	Спекулятивность операций с криптовалютой, волатильность рынка, неустойчивость курса криптовалют, угроза потери инвестиций и вложенных средств. Нестабильность и формирование рынка криптовалют
		Банкротство криптобирж, хардфорки, появление новых альтернативных видов криптовалют
	Латентные	Негативный медиаимидж и низкое доверие экономически активного населения к криптовалютам
		Трансформация спроса-предложения. Крах рынка виртуальных денег, вероятность недолговечности «моды» на криптовалюты
	Внутренние	Безопасность криптовалют
		Отсутствие собственного капитала у криптовалютных бирж для страхования убытков
	Внешние	Программы-вымогатели, программы-вирусы, взлом криптобирж, криптокошельков
Кибератаки		
2. Правовой	Явные	Неурегулированность цифровых финансовых активов, неопределенный статус криптовалют и криптовалютных сделок
		Биткоин — цифровой код без права собственности
	Латентные	Теневой сектор экономики
		Оплата криптовалютой за совершаемые преступления, сложность конфискации криптовалюты
	Внутренние	Сложность противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем.
		Отсутствие специального контролирующего органа
	Внешние	Несанкционированный доступ к конфиденциальной информации (фишинг)
Разнородность мировой законодательной практики в сфере цифровых активов и легализации криптовалют		

Отождествлять правовые режимы криптовалюты и виртуальных предметов некорректно. Перспективным представляется регулирование правовых свойств распределенного реестра и учета в нем объектов гражданских прав. Криптовалюта — платежное средство, не имеющее самостоятельной ценности, в силу этого обстоятельства механизм исполнения обязательств нуждается в особой проработке.

Следует также отметить, что в правовом регулировании любых общественных отношений существенная роль отводится механизмам

и гарантиям восстановления нарушенных прав и законных интересов, в связи с чем регулирование криптовалюты неразрывно связано с институтом гражданско-правовой ответственности. Криптовалюта сочетает в себе признаки многих гражданских прав, но в полной мере не соответствует ни одному из них. Отнесение криптовалюты к иному имуществу возможно в рамках действующего законодательства, без создания новых объектов гражданских прав с коллизиями и спорами относительно их правового режима.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. — 2019. — № 2. — С. 179—192.
2. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. — 2-е изд. перераб. и доп. — М. : Статут, 2017. — Т. 1. — 511 с.
3. Долгтиева М. М. Границы легального оборота криптовалюты // Юрист-Правоведъ. — 2018. — № 4 (87). — С. 13—14.
4. Лютова О. И. Определение понятия криптовалюты для целей налогово-правового регулирования // Теология. Философия. Право. — 2019. — № 1 (9). — С. 19—27.
5. Регулирование криптовалют. Исследование опыта разных стран. Отчет Еврокомиссии. — Декабрь, 2017. — 33 с.
6. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. — 2-е изд., стереотип. — М. : Статут, 2011. — Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права.
7. ЦБ РФ назвал криптовалюты высокотехнологичной финансовой пирамидой // URL: <https://forklog.com/v-tsb-rf-nazvali-kriptovalyuty-vysokotekhnologichnoj-finansovoj-piramidoj/>.
8. Цинделиани И. А., Нигматулина Л. Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. — 2018. — № 7. — С. 16—23.
9. Янковский Р. Почему юристы никак не договорятся о криптовалютах // Geektimes. 2017. 10 июля. — URL <https://geektimes.ru/post/290953/>.
10. Institutionalization of cryptoassets. KPMG. — November 2018. — 42 с.
11. Kuhlmann N. Bitcoins — Funktionsweise und rechtliche Einordnung der digitalen // CR. — 2014. — S. 694—695.

Материал поступил в редакцию 16 мая 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gongalo B. M., Novoselova L. A. Est' li mesto «cifrovym pravam» v sisteme ob"ektov grazhdanskogo prava // Permskij yuridicheskij al'manah. — 2019. — № 2. — S. 179—192.
2. Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / pod red. B. M. Gongalo. — 2-e izd. pererab. i dop. — M. : Statut, 2017. — T. 1. — 511 s.
3. Dolgtieva M. M. Granicy legal'nogo oborota kriptovalyuty // Yurist-Pravoved". — 2018. — № 4 (87). — S. 13—14.
4. Lyutova O. I. Opredelenie ponyatiya kriptovalyuty dlya celej nalogovo-pravovogo regulirovaniya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. — 2019. — № 1 (9). — S. 19—27.
5. Regulirovanie kriptovalyut. Issledovanie opyta raznykh stran. Otchet Evrokommisii. — Dekabr', 2017. — 33 s.
6. Rossijskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / V. S. Em, I. A. Zenin, N. V. Kozlova [i dr.] ; otv. red. E. A. Suhanov. — 2-e izd., stereotip. — M. : Statut, 2011. — T. 1 : Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava.
7. CB RF nazval kriptovalyuty vysokotekhnologichnoj finansovoj piramidoj // URL: <https://forklog.com/v-tsb-rf-nazvali-kriptovalyuty-vysokotekhnologichnoj-finansovoj-piramidoj/>.
8. Cindeliani I. A., Nigmatulina L. B. Kriptovalyuta kak ob"ekt grazhdansko-pravovogo i finansovo-pravovogo regulirovaniya // Finansovoe pravo. — 2018. — № 7. — S. 16—23.
9. Yankovskij R. Pochemu yuristy nikak ne dogovoryatsya o kriptovalyutah // Geektimes. 2017. 10 iyulya. — URL <https://geektimes.ru/post/290953/>.
10. Institutionalization of cryptoassets. KPMG. — November 2018. — 42 с.
11. Kuhlmann N. Bitcoins — Funktionsweise und rechtliche Einordnung der digitalen // CR. — 2014. — S. 694—695.

Расторжение брака: взаимосвязь правового и социального аспектов

Аннотация. В статье рассматривается юридический институт расторжения брака в контексте создания условий для его сохранения. Делается вывод о необходимости корректировки процедуры расторжения брака с целью обеспечения возможности примирения супругов, например установление права суда направить к специалисту, осуществляющему примирение (медиатору или психологу), если для них эта процедура бесплатна. Учитывая значение сохранения семьи при наличии несовершеннолетних детей, необходимо распространить возможность примирения и на этот случай. Вторым направлением изменения права в сфере расторжения брака, уже в отношении оснований, может быть переход к концепции «развода-санкции» (в том числе вариативно). Такой подход широко используется в зарубежном законодательстве, он долго был традиционен для отечественного права и находит опору в правосознании. Третьим направлением могло бы быть изменение правоприменительной практики, касающейся постразводного воспитания детей, косвенно мотивирующей к разводу одну из сторон, притом что такая практика не соответствует ни закону, ни социальной целесообразности. В качестве возможного варианта можно рекомендовать использование зарубежного института «совместной опеки», адаптированного в нашей системе права как определение места жительства ребенка на паритетной основе.

Ключевые слова: семья; брак; супруги; расторжение брака; причины развода; споры о детях; бракоразводный процесс; последствия расторжения брака; медиация; определение места жительства ребенка.

Для цитирования: Зыков С. В. Расторжение брака: взаимосвязь правового и социального аспектов // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 92—102. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.092-102.

Dissolution of Marriage: An Interrelation between Legal and Social Aspects

Sergey V. Zykov, Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of RAS, Senior Lecturer, Novosibirsk National Research University
ul. Nikolaev, d. 8, Novosibirsk, Russia, 630090
Zykovsv@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the legal institution of dissolution of marriage in the context of creating conditions for the marriage preservation. It is concluded that it is necessary to change the procedure of dissolution of marriage in order to ensure the possibility of reconciliation of spouses, for example, to determine the powers of the court to refer the case to a specialist, who performs conciliation (mediator or psychologist), if this procedure is free of charge for spouses. Given the importance of preservation of the family when there are minor children in the family, the possibility of reconciliation must also be extended. The second approach to changing the existing law in the

© Зыков С. В., 2020

* Зыков Сергей Викторович, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, старший преподаватель Новосибирского национального исследовательского университета
Ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Россия, 630090
Zykovsv@yandex.ru

area of marriage dissolution with regard to the grounds, may include the transition to the concept of “divorce/sanction” (including its flexible application). This approach is widely used in foreign legislation, it has long been traditional for domestic law and is approved in legal consciousness. The third approach may involve the modification of law enforcement practices relating to post-divorce upbringing of children, which indirectly motivates one party to divorce, even though this practice does not correspond either to the law or to social expediency. As a possible option, we recommend the use of the foreign institution of “joint guardianship” adapted in our system of law as determination of the place of residence of the child on a parity basis.

Keywords: family; marriage; spouses; dissolution of marriage; causes of divorce; disputes about children; divorce process; consequences of divorce; mediation; determination of the place of residence of the child.

Cite as: Zikov SV. Rastorzhenie braka: vzaimosvyaz pravovogo i sotsialnogo aspektov [Dissolution of Marriage: An Interrelation between Legal and Social Aspects]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):92-102. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.092-102. (In Russ., abstract in Eng.)

Административная процедура расторжения брака через органы ЗАГС, применяемая при отсутствии общих несовершеннолетних детей (посредством подачи совместного заявления или при невозможности явки — отдельного заверенного заявления), не требует даже явки на регистрацию обоих супругов согласно п. 4 ст. 33 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ¹. Эта норма справедливо критикуется специалистами, поскольку позволяет расторгнуть брак в отсутствие согласия одного из супругов на момент совершения регистрационных действий². Менее известная факультативная процедура (при признании супруга безвестно отсутствующим или недееспособным либо при осуждении его на срок свыше трех лет) вообще основывается на волеизъявлении лишь другого супруга.

Отметим, что административное расторжение брака несопоставимо проще подавляющего большинства иных административных процедур, связанных с реализацией законных интересов

граждан. Судебные споры по делам, связанным с расторжением брака в органах ЗАГС, крайне многочисленны. Суды аннулируют запись о прекращении брака, если в результате проведения почерковедческой экспертизы выясняется, что один из супругов не подписывал соответствующее заявление³. В то же время суды пресекают попытки признать административное расторжение брака «фиктивным» (было осуществлено супругами в целях улучшения жилищных условий) в силу совместного последующего проживания, поскольку такое основание не предусмотрено действующим законодательством, а нарушений процедуры расторжения не имеется⁴. Таким же образом решается судьба исковых требований, заявленных по аналогичным основаниям после смерти бывшего супруга с целью получения наследства (суд ссылаясь, в частности, на то, что расторжение брака не является сделкой и не может оспариваться по соответствующим правилам)⁵ или социальных выплат («необходимость увеличения размера дохода истца не может служить основанием для признания рас-

¹ Российская газета. 20.11.1997.

² Темникова Н. А. Расторжение брака в органах ЗАГС: к проблеме совершенствования процедуры // Вестник Омского университета. Серия : Право. 2010. № 4 (25). С. 149—150.

³ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда № 33-6165/2013 от 11 октября 2013 г. по делу № 33-6165/2013 ; решение Пригородного районного суда Свердловской области от 18 февраля 2013 г. по делу № 2-3/2013.

Здесь и далее материалы судебной практики приводятся по: Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 23.04.2019).

⁴ Решение Железнодорожного городского суда Московской области от 16 июня 2014 г. № 2-1169/2014 ; решение Сарапульского городского суда Удмуртской Республики от 17 сентября 2012 г. по делу № 2-1379/12.

⁵ Решение Кировского районного суда г. Уфы от 29 сентября 2016 г. по делу № 2-8589/2016.

торжения брака недействительным... Последующее совместное проживание не свидетельствует о незаконности расторжения брака»⁶.

Однако и судебное расторжение брака не является особо обременительным. Государственная пошлина составляет (с 01.01.2015) 600 руб. (пп. 5 п. 1 ст. 333.19 Налогового кодекса РФ⁷). Образцы исковых заявлений по делам данной категории нередко размещаются в помещениях судов.

Судебное расторжение брака предусматривает две модели.

1. Согласно ст. 23 Семейного кодекса РФ⁸ при наличии несовершеннолетних детей у супругов, согласных на расторжение брака, суд расторгает брак без выяснения мотивов развода.

Специалисты, занимающиеся консультированием разводящихся пар, отмечают, что в реальности развод по обоюдному согласию встречается редко. Как правило, кто-то настаивает на разводе, а вторая сторона вынужденно соглашается, поэтому «почти всегда обоюдное согласие — фикция»⁹. Этот вывод находит подтверждение и в судебной практике. Так, в одном из решений позиция ответчика отражена следующим образом: «пояснил, что на протяжении длительного времени пытался примириться с истицей, так как желал сохранить семью ради их общей дочери и рождения будущего ребенка. Но истица этого не желает. Поэтому он не возражает против расторжения брака», а далее суд заключает «при разрешении настоящего спора установлено, что стороны настаивают на расторжении брака»¹⁰.

Справедливо отмечается содержательная близость данного производства к особому (установлению фактов, имеющих юридическое значение), притом что оно формально является исковым; однако, поскольку его сопровождает решение вопросов относительно детей (которое может быть как «беспорным», так и «спорным»), разделение подпроизводств нецелесообразно¹¹. При этом возникает проблема с подведомственностью: мировые суды рассматривают дела о расторжении брака лишь при отсутствии спора о детях. Н. Н. Тарусина¹² отмечает, что на практике мировые судьи просто не опрашивают стороны относительно несовершеннолетних детей (вопреки требованиям ст. 24 СК РФ), и поддерживает предложение О. Г. Мирюлюбовой о передаче всех бракоразводных или даже всех семейных дел в компетенцию районных судов. Мы поддерживаем это предложение: роль примирителей (в отличие от одноименных дореволюционных судов) мировые судьи не выполняют, по смыслу они решают более простые дела, а семейные споры не должны относиться к таковым.

2. Согласно ст. 22 СК РФ расторжение брака при отсутствии согласия одного из супругов производится, если суд установит, что дальнейшее продолжение семейной жизни невозможно.

Из нормы закона, казалось бы, следует, что в мотивировочной части решения должны быть установлены соответствующие обстоятельства, такого толкования придерживается и Верховный Суд РФ¹³. Однако этот вывод, по существу, нулифицируется положением, содержащимся в той

⁶ Решение Красноармейского районного суда г. Волгограда Волгоградской области от 6 октября 2011 г. № 2-3028/2011.

⁷ СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

⁸ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁹ Синельников А. Б. Развод — революция в семье // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. 2010. № 2. С. 142.

¹⁰ Решение Октябрьского районного суда г. Грозного от 25 октября 2016 г. по делу № 2-596/2016.

¹¹ Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву : учебное пособие. Ярославль : Издательство ЯрГУ, 2007. С. 220.

¹² Тарусина Н. Н. Указ. соч. С. 221—222.

¹³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1. С. 9.

же статье, — об обязанности суда расторгнуть брак, если на этом настаивает хотя бы один из супругов.

Обращаясь к правоприменительной практике судов общей юрисдикции, следует признать, что мотивировочная часть решений о расторжении брака формулируется ими крайне лапидарно (нередко всё установление фактических обстоятельств сводится, например, к формулировке «с учетом фактических обстоятельств дела»¹⁴), а требования удовлетворяются с некоторыми отклонениями от буквального содержания правовых норм. Например, в качестве «взаимного согласия», которое является условием расторжения согласно ч. 1 ст. 23 СК РФ, суды интерпретируют отсутствие возражений со стороны ответчика¹⁵. Суды устанавливают факт распада семьи в ситуации, когда ответчик не явился в судебное заседание и не представил своей правовой позиции, исключительно из объяснений истца¹⁶; ссылки на доказательства в таких случаях встречаются крайне редко. Разумеется, наряду с такой практикой существует немало дел, где признание иска совершается надлежащим образом¹⁷; или ответчик прямо подтверждает фактические обстоятельства, положенные в основу иска¹⁸; или суд ссылается на доказательства («семейная жизнь между истцом и ответчиком не сложилась, что подтверждается имеющимися в материалах дела талонами-уведомлениями... о подаче Ф. И. О.

заявлений... по факту причинения истцу телесных повреждений»¹⁹, хотя эту формулировку трудно признать корректной).

Возникает вопрос и об эффективности примирительной процедуры в рамках данной модели. Она сводится к простому отложению (отложениям) в пределах трех месяцев. Участие психолога (предлагаемого исследователями²⁰) или медиатора в таком «примирении» не предусмотрено. Как правило, судебное разбирательство осуществляется в ситуации глубокого кризиса отношений, поэтому простое «замораживание» этот конфликт не разрешает.

Как относится современное общество к правовым механизмам расторжения брака? Сразу отметим, что невысокий процент респондентов, высказавшихся по некоторым нижеприведенным позициям, не должен восприниматься как несогласие общества с возможными изменениями или как малозначительность соответствующих вопросов. Специфика данной правовой проблематики состоит в том, что она не ощущается непосредственно (в отличие, например, от повышения штрафов или пенсионного возраста), не озвучивается в СМИ, поэтому не слишком многие могут сформулировать свое мнение по ней. В ходе одного из опросов значимое (4 %) число респондентов, имеющих опыт развода, среди факторов, влияющих на рост числа разводов в стране в целом, указывают на «доступность процедуры развода»²¹. Показательно,

¹⁴ Решение Балашихинского городского суда от 9 февраля 2017 г. по делу № 2-40/2017.

¹⁵ Решение Симферопольского районного суда Республики Крым от 10 сентября 2014 г. по делу № 2-1567/2014 ; решение Железнодорожного районного суда г. Самары от 22 мая 2018 г. по делу № 2-717/2018.

¹⁶ Решение Железнодорожного районного суда г. Симферополя от 2 сентября 2014 г. по делу № 2-1002/2014 ; решение Краснгорского городского суда Московской области от 12 сентября 2018 г. по делу № 2-4513/2018.

¹⁷ Решение Ленинского районного суда г. Владивостока от 17 сентября 2018 г. по делу № 2-4261/2018; решение Балашихинского городского суда от 9 февраля 2017 г. по делу № 2-578/2017.

¹⁸ Решение Промышленного районного суда г. Самары от 25 ноября 2016 г. по делу № 2-7751/2016.

¹⁹ Решение Емельяновского районного суда Красноярского края от 3 ноября 2016 г. по делу № 2-3662/2016.

²⁰ *Минеев О. А.* К вопросу о совершенствовании института брака в семейном праве Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. 2015. № 2 (27). С. 114.

²¹ *Воронина Т. Д.* Развод как социальный феномен в современной России: причины // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 28.

что простота и доступность правовых процедур здесь воспринимается как негативный фактор, что крайне нетипично. При этом мнения респондентов о пути решения проблемы разделились: «ввести наказание или налог на развод» — 2,1 %, «запретить разводы» — 1,4 %²². Согласно опросу в ином регионе²³ за ужесточение процедуры развода выступило 10,57 % опрошенных, за полный запрет разводов — 7,86 %. В ходе другого опроса за усложнение процедуры расторжения выступило 6,1 %, за увеличение государственной пошлины при разводе — 3,9 %²⁴.

Многие исследователи связывают стабилизацию (на высоком уровне) коэффициента разводимости после 1965 г. именно с упрощением процедуры развода²⁵. Как известно, коммунистическая идеология считала семью буржуазным пережитком, поэтому советская власть изначально максимально либерализовала семейное законодательство. Но уже начиная с 1930—1940 гг. в этой сфере наблюдалась своеобразная тихая контрреволюция, в частности ужесточение процедур расторжения брака (требование указания оснований; открытое рассмотрение дела; публикация в газете; право суда первой инстанции дать время на примирение и не расторгать брак)²⁶. При этом нормативные механизмы сохранения брака в советский период не сводились к нормам семейного права. Развод мог повлечь неблагоприятные последствия для карьеры во многих сферах, снизить шансы на получение разного рода благ²⁷. Таким образом, каковы бы ни были исходные мировоззренческие установки, логика обществен-

ного развития приводит, пусть с колебаниями, к сдерживающим решениям.

Показательны опросы относительно оснований развода и возможных последствий для его инициатора и виновника. Только 16 % респондентов указали на необходимость перечисления в законе причин развода, однако 33 % признают супругов, расторгающих брак без вины и согласия другого супруга, виновниками развода. При этом многие (51 %) считают, что вина должна учитываться судьями при принятии решения о месте проживания детей, 59 % — при определении размера алиментов, 47 % — в жилищных спорах²⁸. Таким образом, в целом общество готово к установлению для инициатора (виновника) развода неблагоприятных правовых последствий. Конечно, многие респонденты сразу же оговариваются, что введение мер подобного рода может привести к числу незарегистрированных браков. История подобных опасений не подтверждает: в дореволюционный период в России была реализована концепция «развода-санкции» (с неблагоприятными последствиями для виновного супруга), однако сожительство без брака («гражданский брак») было обусловлено совсем иными причинами — неконформистскими идеологическими мотивами.

Другой недостаток такого подхода: брачные отношения строятся непублично, соответственно возникает проблема доказывания. В ретроспективе отмечается, что, например, сложность доказывания прелюбодеяния иногда приводила или к самооговорам (как правило, со стороны

²² Воронина Т. Д. Указ. соч. С. 30.

²³ Лагойда Н. Г. Проблема развода в современной семье и возможности ее решения (на материале Республики Бурятия) // Социальная работа — феномен цивилизованного общества : материалы VI Всерос. заоч. науч.-практ. конференции с междунар. участием. Саранск, 2015. С. 50.

²⁴ Республика Мордовия глазами социологов : научный справочник / под ред. В. В. Конакова, Е. А. Демьянова. Саранск, 2017. С. 64.

²⁵ Лактюхина Е. Г., Антонов Г. В. Причины развода в современной России // Народонаселение. 2016. № 4 (74). С. 64 ; Синельников А. Б., Дорохина О. В. К чему приводит неограниченное право на развод? // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. 2015. № 3. С. 91.

²⁶ Синельников А. Б., Дорохина О. В. Указ. соч. С. 88.

²⁷ Елютина М. Э., Исаева С. А. Причины развода в третьем возрасте // Социологические исследования. 2012. № 9 (341). С. 88.

²⁸ Синельников А. Б. Указ. соч. С. 145.

мужей), или к абсурдным ситуациям, когда официальное устройство жены в качестве проститутки суд не счел доказательством измены по формальным основаниям²⁹. Эти обстоятельства послужили одной из причин перехода в правовом регулировании от принципа *справедливости* к принципу *целесообразности*³⁰ (курсив автора ссылки. — С. 3.). Отчасти с этим можно согласиться, тем не менее остается очевидной фигура инициатора — лица, ответственного за разрушение семьи.

Нет необходимости доказывать, что развод негативно влияет на развитие ребенка: среди профессиональных психологов остается дискуссионным скорее вопрос о возрасте, когда последствия становятся драматичными в большей степени. Есть понимание этого и в массовом сознании, хотя часть респондентов (видимо, в попытке самооправдания) обнаруживают здесь «улучшение условий для формирования личности ребенка» — 15,4 %³¹, но большинство (53,6 %) признает, что дети очень тяжело переживают развод, указывает на последующие проблемы в психологическом самочувствии ребенка, в воспитании и коммуникации.

Инициатором развода чаще всего выступает жена³², это справедливо и применительно к многодетным бракам³³. Интересны данные исследований, которые показывают, что предполагаемых целей значительная часть женщин, заявляющих требование о расторжении брака, не достигает: нагрузка не уменьшается, шансов на создание повторной семьи по статистике у них намного меньше, чем у мужчин; как результат, степень удовлетворенностью жизнью у них су-

щественно ниже, чем у состоящих в «безразводном» браке, независимо от того, вступили ли они в брак в последующем³⁴.

Получил определенный резонанс законопроект № 1056247-6, подготовленный Госсоветом Республики Татарстан в 2016 г., содержащий предложения увеличить срок рассмотрения дела в суде с одного до трех месяцев; запретить заочное производство без выяснения мнения второго супруга; предоставить судам право принимать меры для примирения собравшихся разводиться мужа и жены, если у них есть дети, не достигшие совершеннолетнего возраста, а одна из сторон не соглашается на расторжение брака (с отложением) на срок до шести месяцев. СМИ (газета «Наша версия») сообщали, что исходно выдвигалось также предложение «запретить мужу уходить из семьи», если у пары есть ребенок младше трех лет, но оно встретило критику федеральных парламентариев и в итоге в проект не вошло³⁵; звучало также предложение сделать обязательной процедуру примирения³⁶. 18 января 2017 г. законопроект был отклонен³⁷.

Заметим, что предложения законопроекта были предельно осторожными, не меняющими саму концепцию расторжения брака. Для зарубежного законодательства и судебной практики расторжение брака на основании вины одного из супругов «вполне типично» и после реформы бракоразводного процесса³⁸. В современной Франции, законодательство которой признает в качестве оснований расторжения брака и согласие супругов, и необратимый распад отношений, около 38 % браков расторгается из-за виновного поведения другого супруга³⁹. Приме-

²⁹ Синельников А. Б., Дорохина О. В. Указ. соч. С. 81.

³⁰ Синельников А. Б. Указ. соч. С. 143.

³¹ Лагойда Н. Г. Указ. соч. С. 50.

³² Воронина Т. Д. Указ. соч. С. 28.

³³ Синельников А. Б. Указ. соч. С. 133.

³⁴ Синельников А. Б. Указ. соч. С. 133—134, 138.

³⁵ URL: <https://versia.ru/v-rf-mozhet-uslozhnitsya-procedura-razvoda> (дата обращения: 23.04.2019).

³⁶ URL: <https://tat.versia.ru/tatarstanskaya-iniciativa-uslozhnit-razvoda-vyshla-na-federalnyj-uroven> (дата обращения: 23.04.2019).

³⁷ URL: http://sozd.duma.gov.ru/bill/1056247-6#bh_histras (дата обращения: 23.04.2019).

³⁸ Тарусина Н. Н. Указ. соч. С. 230—231.

³⁹ Вершинина Е. В. Причины расторжения брака в России и во Франции: сравнительно-правовой анализ // Право и управление. XXI век. 2015. № 2 (35). С. 39.

няется данный подход и в ряде постсоветских государств⁴⁰.

Исключительно судебный порядок расторжения брака в современных европейских правовых порядках (не имеющих альтернативы в виде административной процедуры даже при наличии несовершеннолетних детей) отмечается в работах, посвященных праву зарубежных стран⁴¹. В случае, когда закон предлагает модель судебного прекращения брака в связи с фактическим распадом отношений, устанавливаются мораторные сроки (не менее одного-двух лет) раздельного проживания в качестве обязательного условия обращения в суд с требованием о разводе.

Как известно, в рамках бракоразводного процесса суд обязан по собственной инициативе (даже если требования не были заявлены) разрешить вопросы места жительства детей и их алиментирования. Отметим, что эти нормы в определенной степени коллизируют с основополагающими правилами гражданского процесса. Но в этой связи возникает вопрос, имеющий не только юридико-техническое, но и социальное измерение: как быть с интересами отдельно проживающего родителя и ребенка? Известно, что они часто бывают ущемлены как по причинам правовым (сложность исполнения решений, связанных с порядком общения с отдельно проживающим родителем), так по причинам фактического психологического свойства (многие родители, с которыми живет ребенок, настраивают его против родителя, проживающего отдельно). К решению вопроса об определении места жительства ребенка, поскольку оно выносится и без заявления соответствующего искового требования, другая сторона может быть просто не готова. В литературе отмечается, что еще в 1978 г. М. Я. Булошниковым со ссылкой на зарубежный опыт было предложено

урегулировать сотрудничество родителей по вопросу воспитания детей после развода и внести в число обязательно решаемых судом вопросов о порядке общения с отдельно проживающим родителем⁴²; поддерживается это предложение и современными исследователями⁴³. Трудно с этим не согласиться; возможное возражение, что такое решение осложнит бракоразводный процесс, не может быть принято, поскольку в любом случае будет решаться вопрос о месте жительства ребенка, что требует само по себе самого внимательного рассмотрения. Другие возможные возражения: что делать суду без волеизъявления стороны, желающей общаться с ребенком? Каким образом определить субъекта такого волеизъявления до определения лица, с которым будет проживать ребенок (понятно, что до вынесения решения суд не имеет права высказываться о его содержании)? На первое возражение можно заметить, что в рамках действующего законодательства суд решает еще более сложный вопрос о месте жительства ребенка; на второе, что он сможет предложить сторонам представить свои предложения о порядке общения с ребенком на случай, если будет определено проживание ребенка с противоположной стороной. Подчеркнем — *обеим* сторонам. Это позволит синхронизировать выносимые решения о месте жительства и порядке общения с другим родителем. Кроме того, исследование таких предложений судом позволит более сбалансированно рассмотреть вопрос об определении места жительства ребенка и лишит эти споры неоправданного «автоматизма», с которым они нередко разрешаются.

Изменений требует и законодательство, регулирующее отношения супругов. Например, в статьях, регулирующих личные неимущественные права, вместо повторения индивидуальных прав личности, следует сделать акцент на целях

⁴⁰ Хазова О. А. Семейное право на постсоветском европейском пространстве: основные новеллы законодательства о браке и разводе // Государство и право. 2011. № 4. С. 32, 38—40.

⁴¹ Измайлов В. В. Порядок расторжения брака при достижении согласия между супругами в европейских странах // Право: история и современность. 2017. № 1. С. 107—111.

⁴² Тарусина Н. Н. Указ. соч. С. 228—229.

⁴³ Мирлюбова О. Г. Защита интересов семьи в бракоразводном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. С. 10.

семьи, связанных с воспитанием детей. Социологи отмечают, что и в современных условиях этот мотив во многих случаях способствует сохранению семьи при утрате любви⁴⁴. С учетом утраты экономического значения семьи, на наш взгляд, эта цель должна быть законодательно прямо обозначена в качестве приоритетной.

Экономические мотивы сохранения семьи в настоящее время преимущественно утрачены, хотя и встречаются в ответах при проведении социологических опросов. Например, невозможность раздела жилья по одному из опросов фигурировала в 43 % ответов, что значительно меньше вышеуказанного мотива (в другом опросе разница еще более существенна — 69 % и 7,3 % соответственно⁴⁵). Но при этом социологи отмечают, что такая ситуация нередко приводит к тяжким преступлениям против супруга или к безосновательному обвинению его в совершении преступления⁴⁶. Тем не менее могут быть рассмотрены корректировки регулирования имущественных отношений супругов стабилизирующей направленности, например предложение ввести институт не подлежащей разделу «семейной собственности»⁴⁷.

Разумеется, проблему развода не решить сугубо правовыми методами: она вызвана внеюридическими социальными факторами, прежде всего особенностями менталитета современного человека (потребительским отношением к жизни, в том числе семейной; ориентацией на чувство как единственное основание брака). Однако роль правовых механизмов тоже присутствует, их действие не должно усугублять кризис семьи.

Общеизвестна гендерная асимметрия в правоприменительной практике по спорам, связанным с определением места жительства детей. Как отмечают специалисты по вопросам семьи, фактически мы имеем «презумпцию виновно-

сти мужчин»⁴⁸, именно на них ложатся основные неблагоприятные последствия брака вне зависимости от их поведения в браке. Очевидно, что в ситуации, когда для расторжения брака требуется лишь волеизъявление одной из сторон, это оказывает разрушительное воздействие на социальный институт семьи. Вышеуказанная судебная практика сложилась еще в советский период, и тогда же были выявлены ее негативные последствия (с оценкой которых согласны и современные исследователи): «Представим, что стереотип общественного сознания преодолен, судебная практика изменилась и ребенка при разводе оставляют с отцом столь же часто, как и с матерью, объективно учитывая все обстоятельства — и характеры родителей, и заработок, и культурный уровень, и инициативу в развале семьи. К чему это приведет? Прежде всего к резкому сокращению числа разводов»⁴⁹.

На основании изложенного можно выделить три направления корректировки системы права.

1. Внесение изменений в процедуру расторжения брака. Ряд таких изменений был сформулирован в вышеуказанной законодательной инициативе: установление общего срока рассмотрения дела не менее трех месяцев; обязательное выяснение мнения супруга, не являющегося инициатором развода; предоставление судам права принимать меры для примирения разводящихся супругов, если у них есть несовершеннолетние дети, а одна из сторон не соглашается явным образом на расторжение брака.

Однако, на наш взгляд, последняя позиция нуждается в уточнении. Во-первых, решение о расторжении нередко принимается под влиянием преходящих эмоций, а участие специалиста может помочь разрешить конфликт. В то же время сохранение брака будет соответствовать наилучшим интересам ребенка, следовательно, система права обязана его, насколько возмож-

⁴⁴ Синельников А. Б. Указ. соч. С. 138.

⁴⁵ Республика Мордовия глазами социологов. С. 61.

⁴⁶ Синельников А. Б., Дорохина О. В. Указ. соч. С. 92.

⁴⁷ Ягунова Е. Е. Возрождение института семейной собственности в гражданском праве Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 112—117.

⁴⁸ Синельников А. Б. Указ. соч. С. 144.

⁴⁹ Цит. по: Синельников А. Б. Указ. соч. С. 144.

но, обеспечить. Во-вторых, возникает вполне определенная почва для примирения супругов, если не по поводу сохранения брака, то хотя бы относительно последующего воспитания общего ребенка. Поэтому мы считаем применение указанной процедуры возможным, даже если супруги согласны на расторжение брака.

Однако примирение в результате пассивного ожидания очередного судебного заседания происходит относительно редко. Участие медиатора (психолога) резко увеличивает шансы на примирение. Он хотя и не предлагает сторонам готовое решение, своими действиями создает условия для его нахождения. Соответственно, необходимо обеспечить коммуникацию специалиста с обеими сторонами конфликта. Следует ввести норму в СК РФ (чтобы не перегружать особыми правилами ГПК РФ) о праве суда обязать сторону явиться для общения с медиатором (психологом), если для такой стороны участие является бесплатным (в результате оплаты услуг другой стороной либо если специалист действует в порядке безвозмездной помощи, являясь сотрудником государственной, муниципальной или некоммерческой организации).

Все указанные предложения не меняют ни принципа добровольности развода, ни реализованной в нашем праве концепции «развода-констатации».

2. Второе направление предполагает, напротив, изменение как раз самой концепции развода. Разумеется, здесь можно говорить только о перспективах, но сама проблема должна быть введена в юридический дискурс, хотя бы потому, что концепция «развода-санкции» в определенной мере присутствует в современном

правосознании, несмотря на то что позитивное право уже более столетия ее не использует.

Проблема сложности доказывания обстоятельств, связанных с семейной, т.е. частной, жизнью, отчасти может быть решена благодаря наличию технических средств, имеющихся буквально у каждого. Но можно начать и с не требующей доказывания инициативы развода. Например, при прочих равных условиях следует ли оставлять ребенка с лицом, склонным к деструктивному поведению? Не является ли инициатива в расторжении брака (не вызванная неправомерным поведением другой стороны) основанием для отступления от равенства долей, в случае, если иницилирующая сторона существенно меньше вложила в общее имущество? В этом направлении сейчас больше вопросов, чем ответов, было бы самонадеянно со стороны автора пытаться переосмыслить юридический институт расторжения брака в одиночку.

3. Третье направление — устранение гендерного дисбаланса, существующего в правоприменительной практике по спорам, связанным с определением места жительства ребенка. Данный дисбаланс не только противоречит правовому принципу равенства мужчины и женщины (закрепленному в том числе применительно к семейным отношениям), но и оказывает разрушающее воздействие на современную российскую семью как социальный институт.

В качестве одного из вариантов социологи семьи рекомендуют использование зарубежного института «совместной опеки», который в нашей системе права трансформируется в определение места жительства ребенка на паритетной основе.

Материал поступил в редакцию 29 апреля 2019 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Вершинина Е. В.* Причины расторжения брака в России и во Франции: сравнительно-правовой анализ // *Право и управление. XXI век.* — 2015. — № 2 (35). — С. 36—41.
2. *Воронина Т. Д.* Развод как социальный феномен в современной России: причины // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* — 2011. — № 1 (13). — С. 21—31.
3. *Елютина М. Э., Исаева С. А.* Причины развода в третьем возрасте // *Социологические исследования.* — 2012. — № 9 (341). — С. 91—98.

4. Измайлов В. В. Порядок расторжения брака при достижении согласия между супругами в европейских странах // Право: история и современность. — 2017. — № 1. — С. 107—111.
5. Лагойда Н. Г. Проблема развода в современной семье и возможности ее решения (на материале Республики Бурятия) // Социальная работа — феномен цивилизованного общества : материалы VI Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием / МГУ имени Н. П. Огарева. — Саранск, 2015.
6. Лактюхина Е. Г., Антонов Г. В. Причины развода в современной России // Народонаселение. — 2016. — № 4 (74). — С. 57—67.
7. Минеев О. А. К вопросу о совершенствовании института брака в семейном праве Российской Федерации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. — 2015. — № 2 (27). — С. 113—116.
8. Миролубова О. Г. Защита интересов семьи в бракоразводном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2009. — 26 с.
9. Синельников А. Б. Развод — революция в семье // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. — 2010. — № 2. — С. 130—146.
10. Синельников А. Б., Дорохина О. В. К чему приводит неограниченное право на развод? // Вестник Московского университета. Серия 18 : Социология и политология. — 2015. — № 3. — С. 79—94.
11. Тарусина Н. Н. Брак по российскому семейному праву : учебное пособие. — Ярославль : Издательство ЯрГУ, 2007. — 255 с.
12. Темникова Н. А. Расторжение брака в органах ЗАГС: к проблеме совершенствования процедуры // Вестник Омского университета. Серия : Право. — 2010. — № 4 (25). — С. 147—150.
13. Хазова О. А. Семейное право на постсоветском европейском пространстве: основные новеллы законодательства о браке и разводе // Государство и право. — 2011. — № 4. — С. 31—41.
14. Ягунова Е. Е. Возрождение института семейной собственности в гражданском праве Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5. — С. 112—117.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vershinina E. V. Prichiny rastorzheniya braka v Rossii i vo Francii: sravnitel'no-pravovoj analiz // Pravo i upravlenie. XXI vek. — 2015. — № 2 (35). — S. 36—41.
2. Voronina T. D. Razvod kak social'nyj fenomen v sovremennoj Rossii: prichiny // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. — 2011. — № 1 (13). — S. 21—31.
3. Elyutina M. E., Isaeva S. A. Prichiny razvoda v tret'em vozraste // Sociologicheskie issledovaniya. — 2012. — № 9 (341). — S. 91—98.
4. Izmajlov V. V. Poryadok rastorzheniya braka pri dostizhenii soglasiya mezhdru suprugami v evropejskih stranah // Pravo: istoriya i sovremennost'. — 2017. — № 1. — S. 107—111.
5. Lagojda N. G. Problema razvoda v sovremennoj sem'e i vozmozhnosti eyo resheniya (na materiale Respubliki Buryatii) // Social'naya rabota — fenomen civilizovannogo obshchestva : materialy VI Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem / MGU imeni N. P. Ogareva. — Saransk, 2015.
6. Laktyuhina E. G., Antonov G. V. Prichiny razvoda v sovremennoj Rossii // Narodonaselenie. — 2016. — № 4 (74). — S. 57—67.
7. Mineev O. A. K voprosu o sovershenstvovanii instituta braka v semejnom prave Rossijskoj Federacii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5 : Yurisprudenciya. — 2015. — № 2 (27). — S. 113—116.
8. Miroljubova O. G. Zashchite interesov sem'i v brakorazvodnom processe : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2009. — 26 s.

9. Sinel'nikov A. B. Razvod — revolyuciya v sem'e // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18 : Sociologiya i politologiya. — 2010. — № 2. — S. 130—146.
10. Sinel'nikov A.B., Dorohina O. V. K chemu privodit neogranichennoe pravo na razvod? // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18 : Sociologiya i politologiya. — 2015. — № 3. — S. 79—94.
11. Tarusina N. N. Brak po rossijskomu semejnemu pravu: uchebnoe posobie. — Yaroslavl' : Izdatel'stvo YarGU, 2007. — 255 s.
12. Temnikova N. A. Rastorzhenie braka v organah ZAGS: k probleme sovershenstvovaniya procedury // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya : Pravo. — 2010. — № 4 (25). — S. 147—150.
13. Hazova O. A. Semejnoe pravo na postsovetskom evropejskom prostranstve: osnovnye novelly zakonodatel'stva o brake i razvode // Gosudarstvo i pravo. — 2011. — № 4. — S. 31—41.
14. Yagunova E. E. Vozrozhdenie instituta semejnoy sobstvennosti v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 5. — S. 112—117.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.103-115

О. Н. Городнова*,
А. А. Макарушкова**

Проблемы и перспективы правового регулирувания статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия, в гражданском процессе

Аннотация. В статье на основе сравнительного анализа норм процессуального законодательства Российской Федерации рассматриваются отдельные проблемы и перспективы правового регулирования статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия: эксперта, специалиста, свидетеля, переводчика, помощника судьи, секретаря судебного заседания, применительно к гражданскому процессу.

Авторы анализируют современные подходы к составу лиц, содействующих осуществлению правосудия, рассматривая, наряду с традиционными субъектами, такую процессуальную фигуру, как судебный представитель в гражданском процессе с учетом последних изменений и дополнений, внесенных в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, вступающих в силу с 1 сентября 2019 г.

На основе сравнительного анализа положений арбитражного и гражданского процессуального законодательства авторы статьи обращают внимание на отсутствие в ГПК РФ отдельной главы, посвященной правовому регулированию статуса участников гражданского судопроизводства, включая лиц, содействующих осуществлению правосудия, что затрудняет установление круга таких субъектов на практике. В связи с этим предлагают по аналогии с АПК РФ закрепить круг участников гражданского процесса в отдельной главе, подробно раскрыв и конкретизировав правовой статус в отдельных статьях ГПК РФ иных участников гражданского процесса.

© Городнова О. Н., Макарушкова А. А., 2020

* *Городнова Ольга Николаевна*, кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и судопроизводства, главный специалист управления по научной работе Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
Пр. М. Горького, д. 24, юридический факультет, г. Чебоксары, Россия, 428024
gorodno.olga@yandex.ru

** *Макарушкова Алла Александровна*, старший преподаватель кафедры уголовного права и судопроизводства Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации
Пр. М. Горького, д. 24, юридический факультет, г. Чебоксары, Россия, 428024
amakarushkova@mail.ru

В статье авторы приходят к выводу о том, что судебного представителя необходимо рассматривать как самостоятельного субъекта гражданского процесса. Окончательно этот проблемный вопрос может быть разрешен только путем внесения соответствующих изменений и дополнений в ГПК РФ.

Отмечается, что, несмотря на отсутствие специального указания в ГПК РФ на других участников процесса, перечень их не является исчерпывающим и фактически круг лиц, привлекаемых к участию в деле, значительно шире. К числу таких лиц относят судебных приставов-исполнителей и понятых, правовое положение которых представляется в настоящее время дискуссионным.

Ключевые слова: гражданский и арбитражный процесс; Гражданский процессуальный кодекс; Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации; правовой статус лиц, содействующих осуществлению правосудия; эксперт; специалист; свидетель; переводчик; помощник судьи; секретарь судебного заседания; представитель; судебный пристав-исполнитель, понятые.

Для цитирования: Городнова О. Н., Макарушкова А. А. Проблемы и перспективы правового регулирования статуса лиц, содействующих осуществлению правосудия, в гражданском процессе // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 103—115. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.103-115.

Problems and Prospects of Legal Regulation of the Status of Persons Contributing to the Administration of Justice in Civil Proceedings

Olga N. Gorodnova, Cand. Sci. (Philosophy), Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Criminal Law and Court Procedure, Chief Specialist of the Department for Scientific Work at Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation
pr. M. Gorkogo, d. 24, Yuridicheskiy fakultet, Cheboksary, Russia, 428024
gorodno.olga@yandex.ru

Alla A. Makarushkova, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Court Procedure at Cheboksary Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation
pr. M. Gorkogo, d. 24, Yuridicheskiy fakultet, Cheboksary, Russia, 428024
amakarushkova@mail.ru

Abstract. Based on a comparative analysis of the norms of the procedural legislation of the Russian Federation, the paper discusses certain problems and prospects of legal regulation of the status of persons contributing to the administration of justice: expert, specialist, witness, interpreter, assistant judge, court clerk, as applied to civil proceedings.

The authors analyze modern approaches to the persons contributing to the administration of justice, considering, along with traditional subjects, such a procedural figure as judicial representative in a civil procedure, taking into account the latest changes and additions to the Civil Procedure Code of the Russian Federation, entering into force on September 1, 2019.

Based on a comparative analysis of the provisions of the arbitration and civil procedural laws, the authors of the paper point that the Civil Procedural Code of the Russian Federation lacks a separate chapter on legal regulation of the status of participants in civil proceedings, including those assisting in the administration of justice. This makes it difficult to establish the circle of such entities in practice. In this regard, they propose, by analogy with the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, to fix the circle of participants in the civil procedure in a separate chapter, revealing in detail and specifying the legal status in other articles of the Civil Procedural Code of the Russian Federation of other participants in the civil proceedings.

In the paper, the authors conclude that the judicial representative must be considered as an independent subject of the civil proceedings. Finally, this problematic issue can only be resolved by making appropriate changes and additions to the Civil Procedural Code of the Russian Federation.

It is noted that, despite the absence of special instructions in the Civil Procedural Code of the Russian Federation to other participants in the process, their list is not exhaustive and in fact, the circle of persons involved in the case is much wider. Such persons include court bailiffs and witnesses, whose legal status is currently debatable.

Keywords: civil and arbitration proceedings; Civil Procedure Court; concept of a single Civil Procedure Code of the Russian Federation; legal status of persons contributing to the administration of justice; expert; specialist; witness; interpreter; assistant judge; court clerk; representative; bailiff, witnesses.

Cite as: Gorodnova ON, Makarushkova AA. Problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya statusa lits, sodeystvuyushchikh osushchestvleniyu pravosudiya, v grazhdanskom protsesse [Problems and prospects of legal regulation of the status of persons contributing to the administration of justice in civil process]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1): 103-115. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.103-115.

Анализ правового статуса субъектов процессуальных отношений, включая лиц, содействующих правосудию, вызывает многолетние дискуссии в теории гражданского процесса и актуален для правоприменительной практики. В связи с этим назрела необходимость рассмотреть, при условии конкретизации перечня лиц, содействующих осуществлению правосудия, недостатки правового регулирования статуса этих субъектов в разрезе новелл законодательства.

Анализу вопросов правового регулирования статуса отдельных субъектов, содействующих осуществлению правосудия, посвящено множество содержательных исследований¹. Среди ученых-процессуалистов отсутствует единое мнение о том, кто входит в состав участников, осуществляющих вспомогательные функции в гражданском процессе.

Так, В. В. Ярков обращает внимание на то, что «все субъекты гражданского процессуального права по своей процессуальной роли, возможностям воздействия на ход гражданского процесса, по характеру заинтересованности в исхо-

де дела делятся на три большие группы: суды, т.е. органы, осуществляющие правосудие в его различных формах; лица, участвующие в деле; лица, привлекаемые к участию в деле для содействия в осуществлении правосудия». По его мнению, лицами, содействующими правосудию, являются: свидетели, эксперты, специалисты, переводчики, понятые и другие лица, которые «...привлекаются в гражданский процесс по инициативе суда или лиц, участвующих в деле, для выполнения обязанностей по сообщению доказательственной информации, по осуществлению иных обязанностей в гражданском процессе, необходимых для успешного разрешения спора и выполнения судом своих функций»².

В отличие от В. В. Яркова, Т. В. Сахнова считает перечень лиц, способствующих реализации правосудия, исчерпывающим и относит к ним только свидетелей, переводчиков, экспертов, специалистов. Данная группа субъектов, на ее взгляд, «отличается отсутствием заинтересованности в исходе дела и вовлекается в процесс по инициативе (ходатайству) заинтересованного лица (общее правило) или суда (эксперт,

¹ *Ракитина Л. Н.* Участие специалистов в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1985. 203 с. ; *Сахнова Т. В.* Экспертиза в гражданском процессе: теоретическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998. 61 с. ; *Азаренко И. В.* Участие эксперта и специалиста в гражданском судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 200 с. ; *Молчанов В. В.* Развитие учения о свидетелях и свидетельских показаниях в гражданском процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 451 с. ; *Богомолов М. В.* Институт судебного (процессуального) представительства в гражданском и арбитражном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 202 с. ; *Чернова М. Н.* Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 187 с.

² *Гражданский процесс : учебник для студентов высших юрид. учеб. заведений / Д. Б. Абушенко, К. Л. Бранивский, В. П. Воложанин [и др.] ; отв. ред. В. В. Ярков.* 10-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. 702 с.

³ *Сахнова Т. В.* Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. С. 218—219.

специалист). Определяющим признаком их процессуального статуса выступают процессуальные обязанности, а затем уже процессуальные права»³.

Н. Д. Эриашвили, Л. В. Туманова и многие другие процессуалисты обращают внимание на то, что «крупной группой субъектов гражданских процессуальных правоотношений являются лица, содействующие осуществлению правосудия. В эту группу входят свидетели, эксперты, переводчики, судебные представители. Некоторые авторы сюда относят также судебных приставов-исполнителей. Характерной чертой этих участников судопроизводства является отсутствие заинтересованности в исходе дела»⁴.

Рассмотрев различные точки зрения ученых-процессуалистов относительно состава лиц, содействующих осуществлению правосудия, мы видим, что каждый автор определяет его дифференцированно, обосновывая это весомыми аргументами. При этом главными отличительными признаками лиц, содействующих осуществлению правосудия, являются такие конститутивные признаки, как отсутствие юридической заинтересованности в исходе дела и выполнение ими, как правило, служебно-вспомогательной функции в гражданском процессе.

Как справедливо отмечает С. Н. Федулова, «гражданское процессуальное законодательство не употребляет термин “лица, содействующие осуществлению правосудия”, не отводит им самостоятельной главы и весьма лаконично обозначает их правовой статус»⁵. Это обусловлено тем, что в Гражданском процессуальном кодексе РФ⁶ отсутствует отдельная статья под названием «Лица, содействующие осуществлению правосудия», которая бы предельно ясно

определила их перечень и конкретизировала бы их правовой статус.

Так, правовой статус эксперта закреплен в ст. 85 ГПК РФ (гл. 6 «Доказательства и доказывание»). Там же закреплены правовые положения о процессуальном статусе свидетеля. Права и обязанности переводчика содержатся в ст. 162 ГПК РФ (гл. 15 «Судебное разбирательство»). Здесь же находится ст. 188, в которой говорится о правовом статусе специалиста. Правовое положение представителя выделено в отдельную главу — «Представительство в суде» (гл. 5 ГПК РФ). Нормы, регулирующие деятельность секретаря судебного заседания, содержатся, к примеру, в ст. 161, 230 ГПК РФ и др. Процессуальный статус помощника судьи как лица, содействующего правосудию, в ГПК РФ не определен⁷.

В отличие от гражданского процессуального законодательства, арбитражное содержит отдельную статью, прямо относящую к лицам, содействующим правосудию, экспертов, специалистов, свидетелей, переводчиков, помощника судьи и секретаря судебного заседания (ст. 54 Арбитражного процессуального кодекса РФ⁸).

В связи с реформированием и унификацией гражданского и арбитражного судопроизводства полагаем, что аналогичная статья должна содержаться и в гл. 4 ГПК РФ. Тем более что с 1 сентября 2019 г. глава 4 ГПК РФ будет именоваться «Лица, участвующие в деле, и другие участники процесса».

Однако мало конкретизировать правовую норму, содержащую перечень лиц, оказывающих помощь суду в установлении истины по делу, необходимо еще и четко идентифицировать субъектов, составляющих группу тех, кого следует считать лицами, содействующими осу-

⁴ Гражданское процессуальное право России / Н. Д. Эриашвили, Л. В. Туманова, П. В. Алексий. 5-е изд. М. : Юнити-Дана, 2015. С. 48.

⁵ Федулова С. Н. Некоторые проблемы правового регулирования процессуального положения лиц, содействующих осуществлению правосудия по гражданским делам // Российский судья. 2013. № 7. С. 17—19.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁷ Ахмеров Р. А. О лицах, содействующих осуществлению правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 11. С. 9—11.

⁸ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

ствлению правосудия. В связи с этим вопрос о том, следует ли дополнить данный перечень представителем, является открытым.

Гражданский процессуальный закон также не дает четкого ответа на вопросы о том, что следует понимать под процессуальным представительством и каково процессуальное положение представителей, что явилось предпосылкой для дискуссии по этим вопросам.

Так, по мнению И. М. Ильинской, Л. Ф. Лесницкой, А. А. Мельникова, Г. Л. Осокиной, С. А. Халатова, В. М. Шерстюка, В. Н. Щеглова, В. В. Яркова, Е. А. Трещевой и др., представитель относится к лицам, участвующим в деле⁹.

С. Ф. Афанасьев, М. А. Викут, Д. Х. Валеев, А. Г. Нуриев, Н. В. Ласкина, И. В. Решетникова, М. С. Шакарян и некоторые другие авторы считают, что представитель относится к другой группе субъектов гражданских процессуальных правоотношений — лицам, содействующим осуществлению правосудия¹⁰.

В судебной практике вопрос о правовом статусе представителя решается достаточно четко и однозначно: представители сторон и третьих лиц отнесены к лицам, содействующим правосудию¹¹.

В науке получила распространение и точка зрения, согласно которой представителя не следует относить ни к лицам, участвующим в деле, ни к лицам, содействующим осуществлению правосудия. Представителя необходимо рассматривать в качестве самостоятельного субъекта гражданского процесса¹². Данный подход получил свое воплощение на законодательном уровне в ст. 54 АПК РФ, которая относит представителя к самостоятельной группе субъектов, но не конкретизирует его правовое положение. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса РФ¹³ фактически придерживается указанного подхода.

Актуализируя институт судебного представительства, следует отметить, что субъекту,

⁹ См.: Ильинская И. М., Лесницкая Л. Ф. Судебное представительство в гражданском процессе. М. : Юрид. лит., 1964. С. 14 ; Мельников А. А. Курс советского гражданского процессуального права. Теоретические основы правосудия по гражданским делам : в 2 т. / отв. ред. А. А. Мельников. М. : Наука, 1981 Т. 1. С. 212, 301—305 ; Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. М. : Норма, 2010. С. 7, 281—290 ; Халатов С. А. Представительство в гражданском и арбитражном процессе. М. : Норма, 2002. С. 56—67, 122—128 ; Шерстюк В. М. Судебное представительство по гражданским делам. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 5—23, 38—53 ; Щеглов В. Н. Субъекты судебного гражданского процесса. Томск : Изд-во Томского университета, 1979. С. 129 ; Ярков В. В. Гражданский процесс : учебник. 8-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. профессор В. В. Ярков. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 108 ; Трещева Е. А. Субъекты арбитражного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 10.

¹⁰ См.: Афанасьев С. Ф., Викут М. А. Гражданское процессуальное право России : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2015. С. 182—183 ; Валеев Д. Х., Нуриев А. Г. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев. М. : Статут, 2010. 576 с. ; Ласкина Н. В. Судебные представители — лица, участвующие в деле, или лица, содействующие правосудию? // Современное право. 2010. № 3. С. 94—98 ; Решетникова И. В. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2013 ; Шакарян М. С. К вопросу о понятии и составе лиц, участвующих в гражданских делах // Труды ВЮЗИ. 1970. Т. 16 (ч. 2). С. 181—182.

¹¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

¹² Федулова С. Н. Правовой статус представителя в гражданском процессе // Адвокатская практика. 2013. № 1. С. 26—29 ; Сидоров Р. А. Представительство в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2003. С. 8.

¹³ Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124 (1)) // СПС «КонсультантПлюс».

не обладающему специальными познаниями в области юриспруденции, сложно сформировать эффективный механизм защиты своих прав и интересов. Нередко участнику процесса затруднительно присутствовать при рассмотрении дела, особенно если судебные разбирательства проходят в регионе, удаленном от его места нахождения. В этом случае участнику процесса необходим судебный представитель.

Судебное представительство отличает два типа внешних и внутренних правоотношений. Внешнее правоотношение (процессуальное) возникает между представителем и судом, что подтверждает самостоятельную роль представителя. Внутреннее правоотношение (материальное, гражданское) возникает между представителем и представляемым.

Процессуальная цель представителя в суде — представление интересов подопечного. Материально-правовая цель представительства в гражданском праве — создание, изменение и прекращение прав и обязанностей доверителя. Именно поэтому представителя следует считать самостоятельным субъектом процесса.

Дискуссионными остаются вопросы «адвокатской монополии» в процессе и целесообразности закрепления требований в отношении иных лиц, оказывающих юридическую помощь.

Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁴ в продолжение решения вопроса о требованиях, предъявляемых к представителю, вносит ряд весомых изменений в гражданский и арбитражный процесс, вступающих в силу со дня начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции.

Изменения определяют требование о высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности для представителя в любом арбитражном суде и во всех судах общей юрисдикции, за исключением мировых и районных.

Таким образом, концепция реформирования института представительства в цивилистическом процессе до сих пор находится в стадии обсуждения и разработки. На наш взгляд, ценз, предъявляемый к представителю, в виде наличия высшего юридического образования или ученой степени по юридической специальности будет ограничивать доступ граждан к правосудию. Кроме того, очевидно, что установление данного ценза повлечет увеличение стоимости юридических услуг, но повысит их качество.

Среди лиц, содействующих осуществлению правосудия, важная роль отводится судебному эксперту, чье процессуальное положение раскрывается посредством содержания «...совокупности прав, обязанностей, ответственности...»¹⁵.

Правовое положение эксперта вовсе не определено в нормах ГПК РФ. В отличие от ГПК РФ, АПК РФ относит эксперта к иным участникам арбитражного процесса, содействующим осуществлению правосудия (ст. 54). Между тем анализ норм ГПК РФ, посвященных эксперту, показывает, что он является объективно не заинтересованным в исходе дела лицом, а следовательно, как и в АПК РФ, должен быть отнесен к лицам, содействующим осуществлению правосудия.

В процессуальной доктрине вопрос о правовом статусе эксперта хотя и являлся предметом внимания многих ученых-процессуалистов¹⁶, но, как и в законодательстве, однозначного разрешения не получил.

¹⁴ СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7523.

¹⁵ *Россинская Е. Р.* О правовом статусе судебного эксперта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 7. С. 16.

¹⁶ *Клейнман А. Ф.* Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 72 с.; *Юдельсон К. С.* Судебные доказательства в гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1956. 249 с.; *Гольмстен А. Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства / под ред. и с предисл. М. К. Треушниковой и Ю. А. Поповой. Краснодар: Аякс, 2004. 483 с.; *Нефедьев Е. А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар: Совет. Кубань, 2005. 472 с.; *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского процесса. Краснодар, 2003. 464 с.; *Блосфельд Г. И.* Судебная токсикология. Казань, 1856. 101 с.; *Мохов А. А.* Специфика экспертного заключения как судебного доказательства // Арбитражный

Так, А. А. Мохов в своем диссертационном исследовании указывает на то, что «сведущие лица в гражданском судопроизводстве России — это лица, обладающие специальными знаниями и навыками, не заинтересованные в исходе дела и не являющиеся лицами, участвующими в деле, привлекаемые в установленном законом порядке в гражданское судопроизводство с целью содействия в разрешении дела и выполнения отдельных процессуальных действий»¹⁷.

Как справедливо замечает Т. В. Сахнова, «эксперт не объясняет уже имеющийся факт, а добывает новый и дает ему профессиональную оценку...»¹⁸.

По мнению Е. Р. Россинской, «в роли эксперта может быть вызвано любое лицо, обладающее необходимыми для дачи заключения знаниями»¹⁹.

Как видно из анализа представленных точек зрения относительно понятия эксперта и его процессуального положения, в теории гражданского процесса до сих пор не сложилось единого подхода ни к определению данного понятия, ни к четкому определению процессуального статуса эксперта. Вместе с тем из вышеуказанных точек зрения ученых-процессуалистов следует,

что роль эксперта как участника в гражданском процессе определяется наличием у него специальных познаний, необходимых ему для исследования доказательств по делу.

Недостаточно четко можно ответить на следующий ряд вопросов: необходимо ли установление судом наличия специальной правоспособности конкретного эксперта в гражданском процессе для его допуска в процесс; производство экспертизы и дача заключения по делу относятся к праву или обязанности эксперта? Данные вопросы активно обсуждаются в современной доктрине, однако до настоящего времени не нашли однозначного решения²⁰.

Е. А. Трещева считает, что суд должен решить вопрос и о допуске эксперта в процесс. В связи с чем, по ее мнению, представляется целесообразным внести дополнение в ст. 79 ГПК РФ, указав на обязанность вынесения судом определения о допуске эксперта в процесс.

Что касается вопроса о праве или об обязанности эксперта проведения им экспертизы и дачи заключения, то здесь можно дать однозначный ответ: принуждение лиц, обладающих специальными знаниями, к производству экспертизы противоречит ст. 37 Конституции РФ и принципам правового государства.

и гражданский процесс. 2003. № 9. С. 35—38 ; Сахнова Т. В. Доказательственное значение специальных познаний // ЭЖ-Юрист. 2004. № 21. С. 161—162 ; Она же. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М. : Волтерс Клувер, 2008. 696 с. ; Трещева Е. А. Правовое регулирование статуса эксперта в судебном процессе (в уголовном, гражданском и арбитражном процессах) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2013. № 8-1 (109). С. 15—18 ; Федулова С. Н. Правовое положение эксперта в гражданском процессе // Российское правосудие. 2013. № 7 (87). С. 43—47 ; Чернова М. Н.

Статус эксперта в гражданском судопроизводстве на различных этапах выполнения процессуальных функций // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 1. С. 118—120 ; Россинская Е. Р. О правовом статусе судебного эксперта. С. 15—24.

¹⁷ Мохов А. А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. С. 158.

¹⁸ Сахнова Т. В. Доказательственное значение специальных познаний.

¹⁹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2018. С. 73.

²⁰ Трещева Е. А. Правовое регулирование статуса эксперта в судебном процессе ... С. 15—18 ; Россинская Е. Р. О правовом статусе судебного эксперта. С. 15—24 ; Городнова О. Н. О проблеме рассогласованности норм гражданско-процессуального и арбитражного законодательства // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2018. С. 186—192.

ГПК РФ, наряду с экспертом и другими субъектами гражданского процесса, предусматривает и процессуальную фигуру специалиста.

В отличие от эксперта, специалист не проводит специальных исследований, его задача сводится к оказанию консультационной и технической помощи суду исходя из профессиональных знаний при совершении различных процессуальных действий.

Правовое положение специалиста не нашло адекватного правового регулирования в ГПК РФ: законодатель посвящает специалисту лишь несколько статей в ГПК РФ (ст. 18, ч. 2 ст. 81, 188), из анализа которых можно судить только об общих чертах статуса рассматриваемого субъекта. Это свидетельствует о необходимости дальнейшей конкретизации правового статуса специалиста в силу особенностей его участия и значимости его консультаций в нормах ГПК РФ.

Важно отметить, что от процессуального статуса судебного эксперта и специалиста существенно отличается процессуальный статус свидетеля. На наш взгляд, основными признаками свидетеля являются компетентность и способность понимать значение передаваемой информации (ст. 69 ГПК РФ). Данный признак получил свое развитие в большей степени в зарубежном праве²¹. Руководствуясь теорией компетентности свидетеля, стороны в процессе вправе заявлять ходатайства о его отводе тогда, когда свидетель обладает иммунитетом и не может или не желает быть допрошен. Российский закон не предусматривает возможности отвода свидетеля, как не содержит и статуса свидетеля-специалиста, хотя свидетельские показания могут касаться отдельных специальных познаний в определенной области знаний. Например, по делу об оспаривании условий договора долевого участия в строительстве жилья сотрудник бюро технической экспертизы может быть вызван в суд в качестве свидетеля — как лицо, составившее технический паспорт помещения, с целью уточнения информации о методике

определения площади жилья. Именно поэтому свидетель вправе использовать при даче показаний письменные материалы, связанные с анализом информации, которую трудно воспроизвести и передать.

Не теряет своей значимости научное осмысление процессуального статуса переводчика. ГПК РФ, несмотря на ряд норм, указывающих на переводчика как на самостоятельного субъекта судебного разбирательства по гражданским делам, тем не менее правовой статус переводчика не раскрывает. Законодатель рассматривает право на перевод в процессе в качестве конституционной гарантии, а переводчика — как «инструмент», содействующий осуществлению правосудия²².

В статье 162 ГПК РФ закреплено полномочие суда возложить на переводчика обязанность осуществить перевод. Однако в разрез принципу государственного языка судопроизводства в процессуальном законе отсутствует необходимое уточнение требований, предъявляемых к переводчику и переводу. По этой причине на практике может возникнуть вполне конкретный вопрос: обязательно ли судья должен проверять наличие диплома у лица, привлекаемого в качестве переводчика, с целью удостоверения знаний определенного языка или же может быть привлечен в качестве переводчика обычный гражданин, который обладает необходимыми познаниями не в силу профессиональной подготовки, а потому, что с рождения является носителем родного языка? Законодатель не дает каких-либо пояснений по этому поводу, оставляя этот вопрос открытым и позволяя решать его на усмотрение суда.

На наш взгляд, лица, участвующие в деле, не всегда могут априори оценить степень знания переводчиком языка, а некоторые переводчики, даже при наличии диплома о высшей квалификации, не всегда способны осуществить грамотный перевод и передать смысловое значение юридической терминологии. Один из переводчиков с русского на эстонский язык описывал

²¹ Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие для бакалавриата и магистратуры. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2018. С. 133.

²² Дашкыл-оол С. Б. Проблемы участия переводчика в гражданском процессе // Новый юридический вестник. 2018. № 5. С. 17—18.

трудности в понимании и объяснении термина «отвод судьи».

Из пояснений переводчика нередко суду приходится устанавливать, что тот свободно переводит текст относительно изложения фактических обстоятельств дела, понимает существо спорных правоотношений, а затруднения в переводе пояснений сторон вызваны исключительно недостаточным пониманием юридической терминологии и не обусловлены незнанием языка.

Небезынтересно заметить, что законодатель Франции отождествляет судебных переводчиков и экспертов. Более того, за рубежом переводчики, как правило, состоят в Национальном реестре. Этот реестр носит для суда рекомендательный характер²³. В Великобритании также существует несколько реестров добровольных объединений переводчиков²⁴. При условии имплементации данного опыта участники процесса получили бы большую уверенность в профессионализме переводчика и правильности перевода.

Согласно ст. 35 ГПК РФ участники судопроизводства имеют право знакомиться с материалами дела, делать выписки, заявлять ходатайства и т.д. Очевидно, что участник, не обладающий знанием языка, не сможет самостоятельно изучить и уяснить смысл и содержание письменных документов — доказательств. Следовательно, необходимо закрепить в ГПК РФ императивную норму, связанную с обязанием лица, осуществляющего перевод текста, делать профессиональный перевод юридической документации, по аналогии с нормой Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г.²⁵

Среди лиц, содействующих осуществлению производства, следует обратить особое внимание на статус помощника судьи и секретаря судебного заседания, действия которых имеют значение для правильного разрешения дела.

В ГПК РФ отсутствует прямое закрепление статуса помощника судьи, в отличие от секретаря судебного заседания, правовой статус которого в процессе частично определен (ч. 1 ст. 161, ст. 229, 230 ГПК РФ).

Законодатель в АПК РФ четко определяет правовой статус помощника судьи как иного участника арбитражного процесса, относя его к лицам, содействующим осуществлению правосудия (ст. 54, 58 и другие статьи АПК РФ). Вместе с тем с 1 сентября 2019 г. Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ глава 4 ГПК РФ будет дополнена новой статьей 47.1, легитимирующей функции помощника судьи в гражданском процессе. В судах общей юрисдикции (аналогично аппарату арбитражных судов РФ) такие должности давно введены в штатное расписание и реально действуют²⁶. Помощник судьи отнесен к иным участникам процесса без указания на конкретную их группу. Полномочия помощника судьи позволяют отнести его к группе лиц, содействующих осуществлению правосудия.

Как отмечают многие ученые, законодатель «не отражает реальный потенциал помощника судьи»²⁷. Между тем предложение о необходимости наделяния широкими процессуальными полномочиями помощников судей общей юрисдикции обсуждалось и нашло поддержку среди ученых и практиков²⁸. Полагаем, что такое

---

²³ Bulletin officiel du Ministère de la justice n° 85 (1er janvier — 31 mars 2002) // URL: <http://www.justice.gouv.fr/bulletin-officiel/dage85d.htm>.

²⁴ National Register of Public Service Interpreters (NRPSI) // URL: <http://www.nrpsi.co.uk/index.php>.

²⁵ Гражданский процессуальный кодекс РСФСР : Федеральный закон РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

²⁶ Реестр должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденный Указом Президента РФ от 31 декабря 2005 г. № 1574 «О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы» // СЗ РФ. 2006. № 1. Ст. 118.

²⁷ Фоков А. П. Современный статус помощника судьи по обеспечению судебной деятельности // Российский судья. 2012. № 4. С. 3 ; Шерстюк В. М. Избранные труды. М. : Городец, 2017. С. 864, 887.

²⁸ Прокудина Л. А. Институт помощника судьи (современный статус) // Юридический мир. 2009. № 10. С. 43—47 ; Доржиев Э. П. Организация работы помощника судьи арбитражного суда в условиях элек-

предложение особенно актуализируется в связи со стремительным развитием так называемого электронного правосудия.

Что касается секретаря судебного заседания, то его процессуальный статус лишь отчасти урегулирован нормами, расположенными в различных главах ГПК РФ (гл. 2, 15, 21 и т.д.). Как видно из содержания гл. 4 ГПК РФ в новой редакции, она, в отличие от АПК РФ, о секретаре судебного заседания умалчивает. В теории гражданского процесса вопрос о правовом статусе и месте секретаря судебного заседания определяется по-разному. Одни ученые относят секретаря судебного заседания к должностным лицам суда²⁹, другие — к лицам, содействующим осуществлению правосудия³⁰. Имеет место точка зрения, что секретарь судебного заседания вообще не относится к субъектам гражданских процессуальных правоотношений³¹. По мнению С. Н. Федуловой, «это не значит, что его не воспринимают в качестве процессуального субъекта. Скорее секретаря судебного заседания ассоциируют с судом либо отводят ему неважную роль в процессе»³².

Из содержания ст. 14 ГПК РФ следует, что в состав суда как субъекта гражданских процессуальных правоотношений входят только судьи. Следовательно, секретари судебного заседания

в состав суда как субъекта гражданских процессуальных правоотношений не входят.

По нашему субъективному мнению, секретарь суда является гражданским служащим, работающим в аппарате суда, функция которого заключается в обеспечении работы суда. Следовательно, правильнее было бы отнести секретаря суда к лицам, содействующим осуществлению правосудия, поскольку суд осуществляет правосудие, а служащие аппарата суда обеспечивают его работу.

В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»³³ государственный гражданский служащий действует от своего имени, в пределах своих полномочий и самостоятельно несет свои права и обязанности (например, обязанности секретаря судебного заседания закреплены в ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 230, ч. 4 ст. 230 и других статьях ГПК РФ).

Стоит заметить, что лишь считаное количество статей ГПК РФ (ст. 18, ч. 1 ст. 161, ст. 229, 230 ГПК РФ) касается секретаря судебного заседания. В то же время отражение в процессуальном законодательстве отдельных процессуальных полномочий секретаря, цели его участия (в первую очередь это составление протокола) и возможность его отвода служат весомым аргу-

---

тронного правосудия // Юрист. 2011. № 9. С. 39 ; *Дорошков В. В.* Проблемы мировой юстиции и пути их решения на современном этапе реформирования отечественной судебной системы // *Мировой судья*. 2013. № 1. С. 2—5 ; *Сорокопуд А. В.* Помощник судьи в российском гражданском (арбитражном) процессе: проблемы формирования правового статуса // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2018. № 5. С. 47—53.

²⁹ *Щеглов В. Н.* Указ. соч. С. 41, 42 ; *Грицанов А. С.* Секретарь судебного заседания как субъект гражданского процесса // *Проблемы совершенствования гражданско-правового регулирования* / под ред. В. Ф. Воловича, Б. Л. Хаскельберга, В. Н. Щеглова. Томск, 1987. С. 281 ; *Жилин Г. А.* Суд первой инстанции в гражданском процессе. М. : Юрайт, 2001. С. 15 ; *Осокина Г. Л.* Указ. соч. С. 59—60.

³⁰ *Афанасьев С. Ф., Зайцев А. И.* Гражданское процессуальное право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. С. 71 (автор главы — С. Ф. Афанасьев) ; *Гражданский процесс : учебник* / А. А. Демичев, О. В. Исаенкова, М. В. Карпычев [и др.] ; под ред. А. А. Демичева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Форум, Инфра-М, 2019. С. 41—59 (автор главы — М. В. Карпычев).

³¹ *Чечот Д. М.* Участники гражданского процесса. М., 1960. С. 8 ; *Гражданский процесс : учебник* / под ред. М. К. Треушниковой. М. : Городец-издат, 2007. С. 92—93 ; *Гражданский процесс России : учебник* / под ред. М. А. Вкут. М. : Юристъ, 2004. С. 57—58.

³² *Федулова С. Н.* Секретарь судебного заседания в гражданском процессе // *Администратор суда*. 2013. № 1. С. 24—26.

³³ СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

ментом в пользу отнесения его к лицам, содействующим осуществлению правосудия.

Полагаем, следует законодательно определить статус секретаря судебного заседания в отдельной статье гл. 4 ГПК РФ, что позволит раскрыть содержание его деятельности и должным образом урегулировать его обязанности.

Следует констатировать, что сегодня нельзя считать перечень лиц, содействующих реализации правосудия, исчерпывающим. Это касается судебных приставов — исполнителей и понятых, которых зачастую не относят к группе лиц, содействующих осуществлению правосудия, объясняя это тем, что принудительное исполнение судебных постановлений не относится к судопроизводству. Однако, на наш взгляд, данный вопрос представляется дискуссионным и требует отдельного исследования с целью дальнейшего уяснения и выявления специфики их статуса на стадии исполнительного производства.

Таким образом, проведенный анализ процессуального законодательства РФ о лицах, содействующих осуществлению правосудия, позволяет сделать следующие основные выводы и внести ряд предложений по совершенствованию действующего гражданского процессуального законодательства:

1. В ГПК РФ отсутствует отдельная глава, посвященная статусу всех участников гражданского судопроизводства, включая лиц, содействующих осуществлению правосудия, что затрудняет установление круга таких субъектов. В связи с этим представляется целесообразным по аналогии с АПК РФ закрепить круг всех участников гражданского процесса в отдельной главе, а лиц, содействующих осуществлению правосудия, — в конкретной статье.

2. Действующий ГПК РФ четко не регламентирует правовой статус эксперта, специалиста и переводчика в гражданском процессе, что, на наш взгляд, является существенными упущением, поскольку их статус достаточно зна-

чим для гражданского процесса, а отсутствие конкретных требований (критериев) к эксперту, специалисту (педагогу, психологу) и переводчику приводит к различным ошибкам в судебной практике. На наш взгляд, это подтверждает целесообразность внесения дополнений в гражданское процессуальное законодательство РФ для закрепления и конкретизации статуса эксперта, специалиста и переводчика в отдельных статьях, как это сделано в Арбитражном процессуальном кодексе РФ и Кодексе административного судопроизводства РФ.

3. Несмотря на то что с 1 сентября 2019 г. статья 49 «Лица, которые могут быть представителями в суде» ГПК РФ излагается в новой редакции, считаем, что положения о представительстве не претерпели фундаментальных изменений. Очевидно, что представителя необходимо рассматривать в качестве самостоятельного субъекта гражданского процесса. В перспективе развития законодательства видится закрепление в ГПК РФ отдельных статей, определяющих и конкретизирующих правовой статус представителя как иного участника процесса, действующего по правилам, предусмотренным главой о представительстве.

4. Анализ полномочий помощника судьи (ст. 47.1 ГПК РФ законопроекта), а также процессуальных полномочий и цели участия секретаря судебного заседания позволяет сделать вывод о том, что они по своему статусу вполне могут быть отнесены к лицам, содействующим осуществлению правосудия.

Таким образом, реформа ГПК РФ позволит устранить пробелы правового регулирования и исключить имеющуюся правовую неопределенность. На наш взгляд, Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» нуждается в дальнейшем обсуждении с целью поиска оптимальных путей совершенствования правосудия в нашей стране.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ахмеров Р. А. О лицах, содействующих осуществлению правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. — 2017. — № 11. — С. 9—11.
2. Брежнева Н. А., Тулина Н. М. Проблемы представительства в гражданском судопроизводстве // Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). — Казань : Бук, 2015. — С. 77—79. — URL <https://moluch.ru/conf/law/archive/141/7548/> (дата обращения: 21 февраля 2019 г.).
3. Городнова О. Н. О проблеме рассогласованности норм гражданско-процессуального и арбитражного законодательства // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики : сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Чебоксары, 2018. — С. 186—192.
4. Гражданский процесс / И. В. Решетникова, В. В. Ярков. — 7-е изд., перераб. — М. : Юр. норма, Инфра-М, 2019. — 304 с.
5. Гражданский процесс : учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, В. П. Воложанин [и др.] ; отв. ред. В. В. Ярков. — 10-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2017. — 702 с.
6. Гражданский процесс : учебник / А. А. Демичев, О. В. Исаенкова, М. В. Карпычев [и др.] ; под ред. А. А. Демичева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Форум, Инфра-М, 2019. — 319 с.
7. Гражданское процессуальное право России / Н. Д. Эриашвили, Л. В. Туманова, П. В. Алексий. — 5-е изд. — М. : Юнити-Дана, 2015. — 575 с.
8. Дашкыл-оол С. Б. Проблемы участия переводчика в гражданском процессе // Новый юридический вестник. — 2018. — № 5. — С. 17—18.
9. Решетникова И. В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие для бакалавриата и магистратуры. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2018. — 362 с.
10. Россинская Е. Р. О правовом статусе судебного эксперта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 7. — С. 15—24.
11. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе : монография. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2018. — 576 с.
12. Сахнова Т. В. Доказательственное значение специальных познаний // ЭЖ-Юрист. — 2004. — № 21.
13. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2014. — 784 с.
14. Сидоров Р. А. Представительство в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Тверь, 2003. — 27 с.
15. Сорокопуд А. В. Помощник судьи в российском гражданском (арбитражном) процессе: проблемы формирования правового статуса // Арбитражный и гражданский процесс. — 2018. — № 5. — С. 47—53.
16. Трещева Е. А. Правовое регулирование статуса эксперта в судебном процессе (в уголовном, гражданском и арбитражном процессах) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2013. — № 8-1 (109). — С. 15—18.
17. Туманова Л. В. Некоторые вопросы представительства в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. — 2010. — № 3. — С. 29—34.
18. Федулова С. Н. Некоторые проблемы правового регулирования процессуального положения лиц, содействующих осуществлению правосудия по гражданским делам // Российский судья. — 2013. — № 7. — С. 17—19.
19. Федулова С. Н. Секретарь судебного заседания в гражданском процессе // Администратор суда. — 2013. — № 1. — С. 24—26.

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Ahmerov R. A. O lichah, sodejstvuyushchih osushchestvleniyu pravosudiya // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. — 2017. — № 11. — S. 9—11.
2. Brezhneva N. A., Tulina N. M. Problemy predstavitel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve // Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy : materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2015 g.). — Kazan' : Buk, 2015. — S. 77—79. — URL <https://molush.ru/sonf/law/arshive/141/7548/> (data obrashcheniya: 21 fevralya 2019 g.).
3. Gorodnova O. N. O probleme rassoglasovannosti norm grazhdansko-processual'nogo i arbitrazhnogo zakonodatel'stva // Social'no-pravovaya zashchita detstva kak prioritetnoe napravlenie sovremennoj gosudarstvennoj politiki : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Cheboksary, 2018. — S. 186—192.
4. Grazhdanskij process / I. V. Reshetnikova, V. V. Yarkov. — 7-e izd., pererab. — M. : Yur. norma, Infra-M, 2019. — 304 s.
5. Grazhdanskij process : uchebnik dlya studentov vysshih yuridicheskikh uchebnyh zavedenij / D. B. Abushenko, K. L. Branovickij, V. P. Volozhanin [i dr.] ; otv. red. V. V. Yarkov. — 10-e izd., pererab. i dop. — M. : Statut, 2017. — 702 s.
6. Grazhdanskij process : uchebnik / A. A. Demichev, O. V. Isaenkova, M. V. Karpuchev [i dr.] ; pod red. A. A. Demicheva. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Forum, Infra-M, 2019. — 319 s.
7. Grazhdanskoe processual'noe pravo Rossii / N. D. Eriashvili, L. V. Tumanova, P. V. Aleksij. — 5-e izd. — M. : Yuniti-Dana, 2015. — 575 s.
8. Dashkyl-ool S. B. Problemy uchastiya perevodchika v grazhdanskom processe // Novyj yuridicheskij vestnik. — 2018. — № 5. — S. 17—18.
9. Reshetnikova I. V. Dokazyvanie v grazhdanskom processe : ucheb.-prakt. posobie dlya bakalavriata i magistratury. — 6-e izd., pererab. i dop. — M. : Yurajt, 2018. — 362 s.
10. Rossinskaya E. R. O pravovom statuse sudebnogo eksperta // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kytafina (MGYuA). — 2018. — № 7. — S. 15—24.
11. Rossinskaya E. R. Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom processe : monografiya. — 4-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma, Infra-M, 2018. — 576 s.
12. Sahnova T. V. Dokazatel'stvennoe znachenie special'nyh poznanij // EZh-Yurist. — 2004. — № 21.
13. Sahnova T. V. Kurs grazhdanskogo processa. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Statut, 2014. — 784 s.
14. Sidorov R. A. Predstavitel'stvo v grazhdanskom processe : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Tver', 2003. — 27 s.
15. Sorokopud A. V. Pomoshchnik sud'i v rossijskom grazhdanskom (arbitrazhnom) processe: problemy formirovaniya pravovogo statusa // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. — 2018. — № 5. — S. 47—53.
16. Treshcheva E. A. Pravovoe regulirovanie statusa eksperta v sudebnom processe (v ugovnom, grazhdanskom i arbitrazhnom processah) // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologiya. — 2013. — № 8-1 (109). — S. 15—18.
17. Tumanova L. V. Nekotorye voprosy predstavitel'stva v grazhdanskom sudoproizvodstve // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. — 2010. — № 3. — S. 29—34.
18. Fedulova S. N. Nekotorye problemy pravovogo regulirovaniya processual'nogo polozheniya lic, sodejstvuyushchih osushchestvleniyu pravosudiya po grazhdanskim delam // Rossijskij sud'ya. — 2013. — № 7. — S. 17—19.
19. Fedulova S. N. Sekretar' sudebnogo zasedaniya v grazhdanskom processe // Administrator suda. — 2013. — № 1. — S. 24—26.

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.116-123

Л. И. Филющенко*

Гарантии прав работников при нормировании труда

Аннотация. Вопрос о гарантиях прав работников при нормировании труда представляет интерес, т.к. нормирование труда, являясь способом повышения эффективности деятельности работников и снижения трудовых затрат, затрагивает их права и интересы. Цель данной статьи — исследование правового регулирования отношений по нормированию труда путем анализа норм и практики применения законодательства о нормировании труда. Рассмотрены гарантии прав работников, сделан вывод о недостаточном внимании законодателя к проблемам правового регулирования отношений по нормированию труда. На процессах нормирования труда негативно сказывается отсутствие или неполнота нормативных правовых актов по нормированию, в том числе отсутствие профессионального стандарта соответствующего специалиста. Гарантии оказываются декларациями, работодатели злоупотребляют правами, пренебрегая разработкой норм труда. Пробелы в законодательстве, неопределенность понятий порождают неоднозначную судебную практику. Обобщение судебной практики и соответствующие разъяснения могли бы снять спорные вопросы. Сформулированы некоторые предложения по совершенствованию правового регулирования нормирования труда.

Ключевые слова: трудовое право; система нормирования труда; обоснованность норм; гарантии; профессиональный стандарт нормировщика; устаревшие нормативы; пересмотр норм; обязанность разрабатывать нормы; оптимизация численности работников; рекомендации работодателям.

Для цитирования: Филющенко Л. И. Гарантии прав работников при нормировании труда // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 116—123. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.116-123.

Guarantees of the Rights of Workers in the Labor Regulation

Lyudmila I. Filyushchenko, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities at Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
ul. Mira, d. 19, Ekaterinburg, Russia, 620002
filyushchenko@mail.ru

Abstract. The issue of guarantees of the rights of workers during labor standards is of interest, because labor rationing, being a way to increase the efficiency of employees and reduce labor costs, affects their rights and

---

© Филющенко Л. И., 2020

* Филющенко Людмила Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
Ул. Мира, д. 19, г. Екатеринбург, Россия, 620002
filyushchenko@mail.ru

interests. The purpose of this paper is to study the legal regulation of relations on labor standards by analyzing the norms and practices of the application of legislation on labor standards. The author considers guarantees of the rights of workers and concludes that the legislator does not give enough attention to the problems of legal regulation of relations on labor standards. The processes of labor standardization are negatively affected by the absence or incompleteness of normative legal acts on standardization, including the lack of a professional standard for the specialist in question. Guarantees turn out to be declarations, employers abuse rights, neglecting the development of labor standards. Gaps in the legislation, ambiguity of concepts give rise to ambiguous judicial practice. A summary of court practice and related clarifications could resolve contentious issues. The author formulates some suggestions to improve the legal regulation of labor standards.

Keywords: labor law; labor rationing system; validity of standards; guarantees; professional standardizer; outdated standards; revision of standards; obligation to develop standards; optimization of the number of employees; recommendations to employers.

Cite as: Filyushchenko LI. Garantii prav rabotnikov pri normirovanii truda [Guarantees of the rights of workers in the labor regulation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):116-123. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.116-123.

Нормирование труда рассматривается как технико-экономическая, организационная и в то же время правовая деятельность, которая состоит в обосновании и юридическом оформлении норм труда и сопровождается выявлением резервов повышения производительности труда¹. Вопросам нормирования труда посвящена глава 22 Трудового кодекса РФ, отличающаяся предельной краткостью. На протяжении ряда лет ученые отмечали, что существующего регулирования явно недостаточно и что государство, судя по всему, не нуждается в регулировании нормирования затрат труда в строгом соответствии с напряженностью и обоснованностью². Обращалось внимание на отсутствие законодательных определений понятий и процедурных положений, что порождает проблемы в установлении и введении норм труда³. Однако ситуация практически не меняется. Единственное дополнение появилось в ст. 161 ТК РФ: уточнен орган, который устанавливает типовые нормы труда, — уполномоченный Правительством РФ федеральный орган исполни-

тельной власти. Нормирование труда в юридической литературе обычно рассматривают как процесс проектирования, обоснования и правового закрепления норм. При этом в числе обязанностей работодателя, сформулированных в ст. 22 ТК РФ, нет упоминания об обязанности разрабатывать систему нормирования труда, что является существенным недостатком закона. Как справедливо подмечено учеными, отсутствие обязанности разрабатывать систему нормирования труда дает повод считать разработку, пересмотр и замену норм не обязанностью, а правом работодателя⁴. Нормирование стало делом самих организаций, и работодатели посчитали ненужными отделы организации и нормирования труда. За последние десятилетия были утрачены профессиональные кадры в области нормирования труда в связи с массовым их сокращением. Это отрицательно сказалось на состоянии нормирования труда. На многих предприятиях по-прежнему используются нормативы, разработанные для производственных процессов, не соответствующих современным

¹ Галиева Р. Ф. Проблемы системной организации нормирования труда // Трудовое право России : колл. монография / отв. ред. С. Ю. Головина. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. академия, 2006. С. 185.

² Андреева Л. А., Медведев О. М. Некоторые правовые аспекты нормирования труда // Государство и право. 2008. № 7. С. 50.

³ Редикульцева Е. Н. К вопросу о правовом регулировании установления и введения норм труда // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3-1. С. 94.

⁴ Тучкова Э. Г. Оплата и нормирование труда // Актуальные проблемы трудового права : учебник для магистров / отв. ред. Н. Л. Лютов. М. : Проспект, 2017. С. 310.

технологическим реалиям. Отдельные работодатели передают нормирование труда на аутсорсинг, поскольку специалист-нормировщик на постоянной основе им не требуется. Некоторые работодатели забывают о нормировании труда, а кое-кто даже не предполагает существование такого института, как нормирование труда⁵. В то же время условия рыночной экономики заставляют работодателей задуматься о своей конкурентоспособности, заботиться о снижении издержек, об оптимизации численности работников, о повышении производительности труда.

Цель данной работы — исследовать проблемы правового регулирования отношений в сфере нормирования труда. Задачи исследования: — анализ норм и практики применения законодательства о нормировании труда; — выявление проблем правового регулирования нормирования труда; — формулирование и обоснование рекомендаций и предложений по совершенствованию правового регулирования нормирования труда.

Нормирование труда является инструментом в руках работодателя, используемым с целью повышения производительности труда, определения численности персонала, совершенствования оплаты труда. В связи с этим в гл. 22 ТК РФ, посвященной нормированию труда, сделан акцент на защиту прав работников, гарантии их прав, т.к. действия работодателей в погоне за прибылью могут привести к нарушениям прав работников, злоупотреблениям. Сформулировав некоторые гарантии для работников, законодатель не раскрыл их содержание и не уточнил, какие права работника эти гарантии обеспечивают. Отсутствие упоминания об обеспечении права на достойное вознаграждение, отдых, здоровые и безопасные условия труда можно считать недостатком закона. Стоит отме-

тить, что для работодателя нормирование труда имеет не меньшее значение. В экономической литературе его характеризуют как элемент эффективного внутрифирменного управления⁶. И работодатель, и работник заинтересованы в раскрытии трудового потенциала работника, в его повышении.

Одной из гарантий, упомянутых в ст. 159 ТК РФ, является «государственное содействие в создании системной организации нормирования труда». Содействие государства предполагает правовую регламентацию отношений по разработке нормативных документов, регулирующих процесс нормирования, определение органов, занимающихся разработкой научно обоснованных норм, и должно способствовать реализации принципа равной оплаты за труд равной ценности, справедливой оплаты.

Отсылая к подзаконным актам, ст. 161 ТК РФ не дает возможности в полной мере определить, кто и каким образом должен заниматься вопросами нормирования труда. Типовые нормы труда должен разработать и утвердить федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке политики и правовому регулированию в сфере труда. Министерство труда и социальной защиты РФ такие шаги предпринимает, утверждая межотраслевые типовые нормы труда. С отраслевыми типовыми нормами дело обстоит хуже: эти нормы разрабатываются федеральным органом исполнительной власти, на который возложены управление, регулирование и координация деятельности в отрасли (подотрасли) экономики⁷. Приказом Министерства труда РФ от 31 мая 2013 г. № 235 утверждены Методические рекомендации для федеральных органов исполнительной власти по разработке типовых отраслевых норм труда⁸, но ведомства не проявляют активности и не спешат разрабатывать

⁵ Южалин А. Нормирование труда: практические сложности // Кадровая служба и управление персоналом. 2016. № 7. С. 22.

⁶ Бычин В. Б., Новикова Е. В. Нормирование труда как элемент эффективного внутрифирменного управления в современных условиях // Экономика труда. 2018. № 1. С. 77—85.

⁷ Постановление Правительства РФ от 11 ноября 2002 г. № 804 «О Правилах разработки и утверждения типовых норм труда» // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4583.

⁸ URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70420216/#review> (дата обращения: 30.03.2019).

типовые отраслевые нормы. Как отмечается в литературе, большинство нормативов было разработано 1990-е или 1980-е гг. и даже в более ранний советский период⁹. Нормативные акты советского времени устарели или отменены, а если не отменены, то могут применяться лишь в части, не противоречащей современному законодательству. При этом Министерство труда РФ рекомендует федеральным органам исполнительной власти осуществлять пересмотр типовых отраслевых норм через каждые пять лет с даты утверждения. Министерством труда РФ утверждены Методические рекомендации по разработке систем нормирования в государственных (муниципальных) учреждениях¹⁰. Хотя рекомендации адресованы упомянутым учреждениям, их могут использовать и иные работодатели, но вряд ли они способны оказать существенную помощь. Речь идет об использовании типовых норм времени и обслуживания, а при отсутствии типовых норм нормированием труда занимается работодатель. Как следует из документа, соответствующие нормы труда разрабатываются в учреждении с учетом рекомендаций учредителя либо с привлечением соответствующих специалистов в установленном порядке. Отраслевые министерства пытаются (в разной степени) эту роль выполнять, принимая рекомендации. Остается возможность обратиться к специалистам, но неясно, специалисты каких организаций (научных, исследовательских, внедренческих) и в каком порядке должны это делать. Надлежащего правового механизма не предусмотрено.

Нормирование труда является сложным и трудоемким процессом, для чего требуются высококвалифицированные специалисты, но

к подготовке таких специалистов нет должного внимания. Не утвержден и профессиональный стандарт специалиста по нормированию труда, хотя проект приказа Министерства труда РФ об утверждении профессионального стандарта «Специалист по нормированию и организации труда» был подготовлен в 2013 г.¹¹ В профессиональных стандартах других категорий работников (экономистов по труду, по управлению персоналом) содержится перечень трудовых действий, операций нормировщика, но они рассматриваются как нечто вспомогательное, наряду с другими функциями соответствующего работника. Полагаем, профессиональный стандарт специалиста по нормированию труда необходим, что подняло бы его статус. Это должен быть специалист высокой квалификации, характер деятельности которого при современных технологиях существенно меняется¹².

Гарантией права работников, согласно ст. 159 ТК РФ, является создание системы нормирования труда, которая определяется работодателем с учетом мнения представительного органа работников или устанавливается коллективным договором. Гарантия призвана обеспечить защиту интересов работника и объективность решений работодателя. Работодатель должен обосновать изменения норм труда организационными, технологическими изменениями, иными причинами, обусловившими рост производительности труда (ст. 160 ТК РФ), и оформить в виде локального нормативного акта, принятого в порядке, установленном ст. 372 ТК РФ.

Законодатель использует термин «система нормирования труда», но не раскрывает содержание этого понятия. Система, как известно, предполагает множественность элементов, об-

⁹ Хныкин Г. В. Заработная плата в фокусе особого интереса законодателя // Законодательство. 2018. № 4. С. 48—57.

¹⁰ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30 ноября 2013 г. № 504 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке систем нормирования в государственных (муниципальных) учреждениях» // URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70420216/> (дата обращения: 30.03.2019).

¹¹ Проект приказа Министерства труда России «Об утверждении профессионального стандарта специалиста по организации и нормированию труда» (по состоянию на 15.10.2013) // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=4405#06981896749298442> (дата обращения: 30.03.2019).

¹² Бычин В. Б., Новикова Е. В. Указ. соч. С. 77—85.

разующих некоторую упорядоченность, целостность, наличие закономерностей построения. Необходимо, чтобы нормы были по крайней мере согласованы и не противоречили друг другу. Из подзаконных актов можно сделать вывод, что систему нормирования образует комплекс положений о нормировании труда, применяемых способах, об основаниях пересмотра норм, о нормах, разработанных в организации и закрепленных в соответствующем локальном нормативном акте. Однако с созданием системы норм имеются трудности. Поскольку в подзаконных актах речь идет о рекомендациях по созданию системы нормирования, работодатели пренебрегают разработкой норм труда, за что привлекаются к административной ответственности. Государственные инспекции труда выносят предписания, обязывающие работодателя разработать систему нормирования труда в установленный срок. Работодатели пытаются оспорить действия инспекции, но суды, рассматривая их заявления, принимают неоднозначные, противоречивые решения. Так, в решении Красноярского областного суда отмечается, что соответствующие статьи Кодекса не предусматривают обязанности устанавливать нормы труда, в связи с чем наложенное взыскание является незаконным (решение от 16 февраля 2017 г. по делу № 7р-122/2017). В другом деле суд констатировал, что решение по установлению норм труда находится в исключительной компетенции работодателя, а иначе нарушается его право на организационную и хозяйственную самостоятельность и принцип свободы экономической деятельности (определение судебной коллегии по гражданским делам Ненецкого автономного округа от 30 мая 2017 г. по делу № 33-75/2017). В то же время некоторые суды демонстрируют иной подход. Например, судебная коллегия по административным делам Пермского краевого суда рассмотрела заявление АО о признании незаконным предписания государственной инспекции труда в установленный срок разработать и установить для работников организации нормы труда (выработки, времени, численности). Суд признал правомерным требование

инспекции труда (апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Пермского краевого суда от 14 ноября 2018 г. по делу № 33а-12142/2018). Бездействие работодателя в разработке норм суды признают правонарушением и оставляют в силе предписания инспекции труда, т.е. исходят из того, что работодатели должны разрабатывать нормы труда (решение Омского областного суда от 1 сентября 2015 г. по делу № 77-357/2015). В связи с такой противоречивостью практики настоятельной необходимостью является прямое закрепление в ст. 22 ТК РФ обязанности работодателя разрабатывать и устанавливать систему норм труда в организации. Это сняло бы споры работодателей с инспекцией труда и в большей степени защищало бы права и интересы работников.

Положения гл. 22 ТК РФ распространяются и на работодателей — индивидуальных предпринимателей. Однако работодатели — субъекты малого предпринимательства, относимые к микропредприятиям, вправе сами решать, нужен ли им тот или иной локальный нормативный акт (гл. 48.1 ТК РФ), в том числе содержащий нормы труда. При его отсутствии нормы труда должны быть определены в трудовом договоре, но типовая форма трудового договора, заключаемого между работником и работодателем — субъектом малого предпринимательства, утвержденная постановлением Правительства РФ от 27 августа 2016 г. № 858¹³, не содержит такого условия. Полагаем, что в числе обязательных условий трудового договора должно быть определение норм труда, что должно найти отражение в ст. 57 ТК РФ.

Поскольку работодатели не всегда устанавливают нормы труда, в практике встречаются заявления работников о признании бездействия работодателя, не разработавшего нормы труда, незаконным. Суды отмечают, что у работника не имеется соответствующих полномочий. Нет и полномочий по представлению интересов коллектива в порядке, определенном гл. 61 ТК РФ. Фиксируется, что в деле нет сведений о наличии коллективного трудового спора (на-

¹³ URL: <http://base.garant.ru/71477800/> (дата обращения: 30.03.2019).

пример, апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Сахалинского областного суда от 26 февраля 2015 г. по делу № 33-474/2015). Именно представительный орган работников должен бы настаивать на разработке норм труда, а при нарушении процедуры принятия инициировать оспаривание локального акта в суде или обжаловать в инспекцию труда.

Стоит отметить, что до сих пор так и не решен вопрос, поднимавшийся в литературе, о неясности с представительным органом работников, который высказывает свое мнение по поводу принимаемого локального акта, с кем обсуждать документ, если в организации несколько профсоюзов, возможно ли воспользоваться правилами ст. 37 ТК РФ по аналогии¹⁴. Так, суд не принял во внимание мнение профсоюза, охватывающего менее 50 % работников, и признал правомерным согласование норм с советом трудового коллектива. Рассматриваемое правило подкрепляется установлением обязанности работодателя об извещении работника о введении новых норм не позднее чем за два месяца, о чем, по-видимому, работодатели иногда забывают. Форма извещения законом не установлена. В судебной практике считают, что ознакомление с новыми нормами может быть только личным под подпись, а внесение изменений в коллективный договор или уведомление о проведении собрания по поводу новых норм извещением не является¹⁵. В то же время несоблюдение обязанности предупреждения работников о предстоящем изменении норм не влечет признания их недействующими. Суды принимают решения об оплате труда по прежним нормам, расценкам до истечения

соответствующего срока предупреждения. Отказ работника от выполнения новых норм труда признается судами нарушением трудовой дисциплины, с одинаковой аргументацией и ссылкой на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2¹⁶. Отказ от работы в изменившихся условиях повлечет увольнение по п. 7 ст. 77 ТК РФ. Учитывая жесткость последствий, можно говорить в данном случае о нарушении баланса интересов сторон трудового правоотношения.

Л. А. Андреева и О. М. Медведев обращали внимание на существование нетрадиционных норм (или индивидуальных), когда нормы определяются поручениями работодателя, выполнением должностных обязанностей¹⁷. Е. Н. Редикульцева отмечала, что необходимо уделить нормированию труда с помощью трудовой функции особое внимание, т.к. с развитием современных технологий возросла степень интеллектуализации трудовой функции¹⁸. Однако нормы труда и круг трудовых обязанностей не всегда совпадают. Объем работы может возрасти, но трудовая функция остается неизменной. Понятия «норма труда», «объем работы», «должностные обязанности» и прочие не согласованы, что проявляется в судебной практике, которая решает эти вопросы неоднозначно. Суды не признают нормами труда «план продаж» или «план выручки». Эта неопределенность не позволяет защитить интересы работника. Так, суд посчитал уменьшение объема трудовых обязанностей (из 11 обязанностей осталось 3) уменьшением нормы труда, что привело к уменьшению заработной платы (решение Центрального районного суда Челябинской области от 21 апреля 2011 г.). Тогда как фактически произошло изменение тру-

¹⁴ Пименова Н. В., Шишкин К. В. Экономико-правовые аспекты нормирования труда в современных условиях // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2008. № 2 (14). С. 30.

¹⁵ Ковалев А. Судебная практика по спорам о нормировании труда // Трудовое право. 2014. № 11. С. 3—8.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 63, от 28.09.2010 № 22, от 24.11.2015 № 52) // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=17919 (дата обращения: 30.03.2019).

¹⁷ Андреева Л. А., Медведев О. М. Указ. соч. С. 49—50.

¹⁸ Редикульцева Е. Н. Современные тенденции в правовом регулировании нормирования труда // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 9. С. 116.

довой функции работников¹⁹. Отсутствие четкого понимания норм труда, их видов приводит к тому, что гарантии, о которых говорится в гл. 22 ТК РФ, оказываются декларациями, баланс интересов нарушается, работодатели, обладая хозяйской властью, злоупотребляют, ущемляя интересы и права работников. Необходимо обобщение практики, определение общей позиции и внесение соответствующих разъяснений в постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2.

Как гарантию работникам можно рассматривать правило ст. 163 ТК РФ, которое возлагает на работодателя обеспечение нормальных условий труда для выполнения работниками норм выработки. Установление обязанности обеспечить соответствующие условия для выполнения норм предполагает и косвенно подтверждает необходимость установления обязанности работодателя разрабатывать, пересматривать, заменять нормы труда. На наш взгляд, было бы логичным поместить правило об обеспечении нормальных условий в ст. 159 ТК РФ, сосредоточив гарантии в одном месте. Из нормы ст. 163 ТК РФ следует, что предъявить какие-либо претензии к работнику, не выполнившему нормы труда, работодатель не вправе, если не создал надлежащих условий для их выполнения. Созданием условий труда является не только то, что перечислено в статье, но и другие обстоятельства. Так, в одном из решений суд назвал обеспечением условий для выполнения норм определе-

ние оптимального количества работников, которое позволит им выполнять трудовые функции в нормальных условиях, не нарушая установленных норм труда (апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Карелия от 21 апреля 2015 г. по делу № 33-1587/2015). По сути, суд указал работодателю, что необходимо делать.

Проведенное исследование показывает отсутствие внятной и последовательной государственной политики в рассматриваемой сфере. Полагаем необходимым дополнить ст. 22 ТК РФ, закрепив обязанность работодателя разрабатывать систему научно обоснованных норм труда. Установление норм труда должно стать обязательным условием для включения в трудовой договор (ст. 57 ТК РФ). Для повышения статуса специалиста по нормированию труда считаем необходимым разработать и утвердить соответствующий профессиональный стандарт. Государственное содействие нормированию труда предполагает активизацию работы по подготовке нормативных правовых актов и созданию структур, способных оказать методическую и организационную помощь работодателям в создании научно обоснованных норм труда. Необходимо определиться с понятиями хотя бы на уровне обобщения судебной практики. Предложенные рекомендации помогут в решении правовых проблем нормирования труда и повысят уровень гарантированности прав работников.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Л. А., Медведев О. М. Некоторые правовые аспекты нормирования труда // Государство и право. — 2008. — № 7. — С. 48—52.
2. Бычин В. Б., Новикова Е. В. Нормирование труда как элемент эффективного внутрифирменного управления в современных условиях // Экономика труда. — 2018. — № 1. — С. 77—85.
3. Галиева Р. Ф. Проблемы системной организации нормирования труда // Трудовое право России: проблемы теории : коллективная монография / отв. ред. С. Ю. Головина. — Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2006. — С. 182—204.
4. Ковалев А. Судебная практика по спорам о нормировании труда // Трудовое право. — 2014. — № 11. — С. 3—8.

¹⁹ Ковалев А. Указ. соч. С. 3.

5. Пименова Н. В., Шишкин К. В. Экономико-правовые аспекты нормирования труда в современных условиях // Социально-экономическое управление: теория и практика. — 2008. — № 2 (14). — С. 29—31.
6. Редикольцева Е. Н. К вопросу о правовом регулировании установления и введения норм труда // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2012. — № 3-1. — С. 94—97.
7. Редикольцева Е. Н. Современные тенденции в правовом регулировании нормирования труда // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 9. — С. 114—117.
8. Тучкова Э. Г. Оплата и нормирование труда // Актуальные проблемы трудового права : учебник для магистров / отв. ред. Н. Л. Лютов. — М. : Проспект, 2017. — С. 267—312.
9. Хныкин Г. В. Заработная плата в фокусе особого интереса законодателя // Законодательство. — 2018. — № 4. — С. 48—57.
10. Южалин А. Нормирование труда: практические сложности // Кадровая служба и управление персоналом. — 2016. — № 7. — С. 22—31.

Материал поступил в редакцию 21 апреля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreeva L. A., Medvedev O. M. Nekotorye pravovye aspekty normirovaniya truda // Gosudarstvo i pravo. — 2008. — № 7. — С. 48—52.
2. Bychin V. B., Novikova E. V. Normirovanie truda kak element effektivnogo vnutfirmennogo upravleniya v sovremennykh usloviyakh // Ekonomika truda. — 2018. — № 1. — С. 77—85.
3. Galieva R. F. Problemy sistemnoy organizatsii normirovaniya truda // Trudovoe pravo Rossii: problemy teorii : kollektivnaya monografiya / отв. ред. S. Yu. Golovina. — Ekaterinburg : Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2006. — С. 182—204.
4. Kovalev A. Sudebnaya praktika po sporam o normirovanii truda // Trudovoe pravo. — 2014. — № 11. — С. 3—8.
5. Pimenova N. V., Shishkin K. V. Ekonomiko-pravovye aspekty normirovaniya truda v sovremennykh usloviyakh // Social'no-ekonomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika. — 2008. — № 2 (14). — С. 29—31.
6. Redikul'ceva E. N. K voprosu o pravovom regulirovanii ustanovleniya i vvedeniya norm truda // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. — 2012. — № 3-1. — С. 94—97.
7. Redikul'ceva E. N. Sovremennye tendentsii v pravovom regulirovanii normirovaniya truda // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. — 2014. — № 9. — С. 114—117.
8. Tuchkova E. G. Oplata i normirovanie truda // Aktual'nye problemy trudovogo prava : uchebnik dlya magistrrov / отв. ред. N. L. Lyutov. — М. : Prospekt, 2017. — С. 267—312.
9. Hnykin G. V. Zarabotnaya plata v fokuse osobogo interesa zakonodatel'ya // Zakonodatel'stvo. — 2018. — № 4. — С. 48—57.
10. Yuzhalin A. Normirovanie truda: prakticheskie slozhnosti // Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom. — 2016. — № 7. — С. 22—31.

Решение о заключении под стражу как часть приговора: проблема детерминированности

Аннотация. В статье анализируются положения уголовно-процессуального закона, определяющие основания и порядок применения мер пресечения при постановлении приговора. Предпринимается попытка выявления их конституционно-правового смысла. По мнению автора, избрание в отношении подсудимого заключения под стражу на единственном основании необходимости исполнения приговора с назначением наказания в виде реального лишения свободы недопустимо. Доктринальные представления теории процессуальных решений позволяют сделать вывод о том, что решение о мере пресечения не может приниматься одновременно с приговором и не должно являться его неотъемлемой частью. В условиях действующего правового регулирования от высказывания позиции по вопросу о мере пресечения, в случае если позиция подсудимого направлена на оправдание, сторона защиты в судебных прениях и последнем слове вынуждена отказываться. Невозможность безотлагательного обжалования сформулированного в приговоре решения о заключении под стражу делает бессмысленным его обжалование стороной защиты в принципе. Неопределенность порядка направления к месту отбывания наказания лиц, осужденных к реальному лишению свободы не в колонии-поселении, в отношении которых судом не было избрано заключение под стражу, обнаруживает пробел в законе. Автор утверждает, что эти и иные перечисленные в статье дефекты правового регулирования способствуют существованию в правоприменительной практике обвинительного уклона, поскольку предопределяют избрание в отношении подсудимого заключения под стражу, и должны быть устранены. Вопрос о мере пресечения подлежит рассмотрению непосредственно после провозглашения приговора в отдельном судебном заседании по ходатайству стороны обвинения или по инициативе суда.

Ключевые слова: право на свободу; право на защиту; презумпция невиновности; уголовный процесс; суд; приговор; заключение под стражу; решение о мере пресечения; арест при постановлении приговора; безотлагательное обжалование; подсудимый; осужденный.

Для цитирования: Филатьев В. А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 124—132. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.124-132.

© Филатьев В. А., 2020

* Филатьев Владислав Александрович, аспирант Российского государственного университета правосудия, адвокат
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418
mail@advokat39.ru

Remand in Custody as Part of a Sentence: Problem of Determination

Vladislav A. Filatiev, Postgraduate at the Russian State University of Justice, Lawyer
ul. Novocheremushkinskaya, d. 69, Moscow, Russia, 117418
mail@advokat39.ru

Abstract. The paper analyzes the provisions of the criminal procedure law determining the grounds and procedures for the application of preventive measures when deciding a sentence. The paper attempts to identify their constitutional and legal meaning. According to the author, the remand of a defendant in custody on the sole basis of the need to execute a real imprisonment sentence is unacceptable. Doctrinal representations of the theory of procedural decisions allow us to conclude that the decision on the measure of restraint cannot be taken simultaneously with the sentence and should not be an integral part of it. Under the current legal regulation, the defense is forced to refuse to express the position on the measure of restraint in the pleadings and the last plea if the position of the defendant is aimed at acquittal. The impossibility for the defense to make an immediate appeal on the formulated in the sentence decision on detention makes the appeal meaningless in general. Uncertainty of the procedure for sending persons sentenced to real imprisonment in all penal institutions but colony-settlements to the place of serving their sentence, for whom the court did not choose detention, reveals a gap in the law. The author claims that these and other defects in the legal regulation listed in the paper contribute to the existence of an accusatory bias in law enforcement practice, since they predetermine the detention decision and must be eliminated. Measures of restraint must be considered immediately after the verdict is sounded in a separate court session at the request of the prosecution or at the initiative of the court.

Keywords: right to liberty; right to defense; presumption of innocence; criminal procedure; trial; sentence; detention; decision on the measure of restraint; sentence arrest; immediate appeal; defendant; convicted.

Cite as: Filantiev VA. Reshenie o zaklyuchenii pod strazhu kak chast prigovora: problema determinirovannosti [Remand in custody as part of a sentence: problem of determination]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):124-132. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.124-132.

Одновременно с постановлением обвинительного приговора и назначением наказания в виде реального лишения свободы суд, как правило, заключает подсудимого под стражу до вступления этого приговора в законную силу, в случае если подсудимый ранее, до момента его провозглашения, находился на свободе.

Такая практика сложилась в Российской Федерации с советских времен¹, и ее справедливость до недавнего времени не вызывала возмущения общественности. Однако в начале 2018 г. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества

и правам человека (СПЧ) впервые публично высказал свою озабоченность сложившимся положением². По результатам обсуждения, поводом для которого послужило резонансное уголовное дело в отношении врача-гематолога Елены Мисюриной, взятой под стражу в зале суда по приговору Черемушкинского районного суда г. Москвы, СПЧ сформулировал свои предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в части, касающейся меры пресечения в виде заключения под стражу до вступления приговора в законную силу³. В обращениях, направленных в Вер-

---

¹ Пресечение без меры // Коммерсантъ. 25.12.2018. № 238. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3842235> (дата обращения: 30.04.2019).

² Глава СПЧ считает нужным пересмотреть практику ареста в зале суда // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180205/1514024949.html> (дата обращения: 30.04.2019).

³ Предложения Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека по вопросам изменения меры пресечения подсудимому // URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/592/#doc-1> (дата обращения: 30.04.2019).

ховный Суд РФ, Генеральную прокуратуру РФ и другие государственные органы, отмечалось, что изменение меры пресечения, избранной на досудебной стадии, на более строгую в целях обеспечения не вступившего в силу приговора до принятия решения по делу судом апелляционной инстанции противоречит положениям и общим принципам уголовно-процессуального законодательства.

Но инициатива правозащитников не была поддержана: силовые структуры представили на нее отрицательные отзывы, а Верховный Суд РФ указал⁴, что предложение о целесообразности корректировки существующей практики будет принято во внимание в ходе дальнейшей работы. Основным аргументом против поступившего предложения послужили ранее неоднократно высказанные Конституционным Судом РФ правовые позиции о том, что в целях обеспечения исполнения наказания, назначенного по не вступившему в законную силу и не обращенному к исполнению приговору, суд одновременно с постановлением этого приговора вправе избрать или изменить меру пресечения соответственно назначенному наказанию⁵. При этом, как считают правоприменители, новыми обстоятельствами для избрания заключения под стражу как раз и могут служить не только признание лица виновным в совершении инкриминируемого преступления, но и назначение ему наказания в виде длительного срока лишения свободы, что, в свою очередь, может повлечь его уклонение от отбывания такого наказания.

С такими аргументами трудно поспорить, но предпринять попытку необходимо. Иначе следовало бы признать невозможность разрешения проблемы предопределенности заключения под стражу подсудимого при постановлении приговора, существующей объективно, юридическими средствами.

Как неоднократно разъяснял Конституционный Суд РФ, нормативные основания и условия избрания или продления меры пресечения являются едиными для всего уголовного судопроизводства. При этом УПК РФ определяет в качестве общих правил, что решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу принимается в ходе судебного заседания, проводимого с участием подозреваемого или обвиняемого, его защитника (ст. 108), данная или иная мера пресечения может быть отменена, когда в ней отпадает необходимость, или изменена, когда изменяются основания для ее избрания, предусмотренные ст. 97 и 99 данного Кодекса (ст. 110)⁶.

В силу п. 3 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах каждое арестованное или задержанное по уголовному обвинению лицо в срочном порядке доставляется к судье или к другому должностному лицу, которому принадлежит по закону право осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение. Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.

Перечисленные положения, являющиеся в силу ч. 4 ст. 15 и ч. 1 ст. 17 Конституции РФ составной частью российской правовой системы и имеющие приоритет перед внутренним законодательством, закрепляют в качестве гарантии права каждого на свободу и личную неприкосновенность положение, согласно которому каждый имеет право на освобождение не только в стадии рассмотрения дела судом

⁴ Ответы и отзывы правоохранительных органов и Верховного Суда РФ на предложения Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека // URL: <http://president-sovet.ru/documents/read/592/#doc-2> (дата обращения: 30.04.2019).

⁵ Например: определение КС РФ от 18.07.2017 № 1541-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision290260.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

⁶ Определение КС РФ от 29.05.2018 № 1391-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision338703.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

первой инстанции, но и в любой другой его стадии, которое может ставиться в зависимость от предоставления гарантий явки.

Следовательно, решение об избрании заключения под стражу всегда должно быть мотивировано судом, притом что его принятие не является обязательным.

Из этих соображений исходит и Пленум Верховного Суда РФ, который в постановлении от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»⁷ обращал внимание судов на то, что при вынесении обвинительного приговора суду первой инстанции в соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ надлежит указать меру пресечения до вступления приговора в законную силу; это решение должно быть мотивировано в приговоре (п. 57).

Здравый смысл подсказывает, что осуждение подсудимого судом первой инстанции к реальному лишению свободы способно привести к возникновению риска уклонения от исполнения наказания. Учитывая высокую вероятность того, что приговор вступит в законную силу и наказание придется отбывать, этот риск при определенных обстоятельствах может признаваться существенным, особенно в тех случаях, когда подсудимому назначено наказание в виде длительного срока лишения свободы.

Таким образом, утверждать, что наличие у суда права заключить подсудимого под стражу в связи с постановлением обвинительного приговора само по себе нарушает принципы уголовного процесса, было бы неверно.

Однако это не значит, что правоприменительная практика по рассматриваемой проблеме отвечает конституционным предписаниям и соответствует международным стандартам правосудия.

Существование обвинительного уклона в деятельности суда по рассматриваемому вопросу общеизвестно: число подсудимых, которые не были взяты под стражу при постановлении им приговора с назначением лишения свободы, в сравнении с количеством тех, кто был заклю-

чен под стражу, ничтожно мало. Если признать существование данной проблемы, дальнейшее выявление предпосылок не составляет особого труда.

На микроуровне правового регулирования детерминированность подобных судебных решений, на наш взгляд, определяется целым комплексом взаимосвязанных нормативных положений.

Прежде всего это положения ч. 2 ст. 97, п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 10 и 11 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, ст. 75, 75.1 и 76 УИК РФ, которые по смыслу, придаваемому им в правоприменительной практике, в случае назначения судом при постановлении обвинительного приговора наказания в виде реального лишения свободы не в колонии-поселении допускают возможность одновременного избрания в отношении подсудимого заключения под стражу в качестве меры пресечения без необходимости установления и учета риска уклонения от отбывания наказания и, по сути, на одном только основании необходимости исполнения приговора. Тем самым перечисленные нормы позволяют суду не излагать в приговоре мотивы принятого судом при постановлении приговора решения о заключении под стражу, поскольку его минимально необходимая и достаточная мотивированность определяется самим фактом осуждения подсудимого к наказанию в виде реального лишения свободы не в колонии-поселении.

Далее следует отметить положения п. 17 ч. 1 ст. 299, п. 10 ч. 1 ст. 308 и ч. 4 ст. 313 УПК РФ. Предписывая суду при постановлении приговора решить вопрос о мере пресечения одновременно с вопросами о виновности и назначении наказания и не определяя при этом возможность решения вопроса о мере пресечения в отдельном судебном заседании после провозглашения приговора, эти нормы исключают необходимость опровержения судом доводов против принятия при постановлении приговора решения об избрании в отношении подсудимого, позиция которого в ходе судебного разбирательства была направлена на оправдание, заключения под стражу в качестве меры пресечения, вынужденно не вы-

⁷ Бюллетень ВС РФ. 2014. № 2.

сказанных стороной защиты в судебных прениях и последнем слове, с тем чтобы не ставить под необоснованные сомнения позицию стороны защиты по существу предъявленного обвинения.

Учитывая принцип процессуальной экономии, и те и другие нормативные положения искусственно способствуют принятию судом решения об избрании заключения под стражу, поскольку не предполагают необходимости затрачивать время и интеллектуальные ресурсы для того, чтобы аргументировать свои выводы, облегчая суду выполнение основной стоящей перед ним задачи, заключающейся в необходимости разрешения уголовного дела по существу в разумные сроки.

Аналогичным свойством обладают и положения ч. 11 ст. 108, ст. 255, ч. 2 и 3 ст. 389.2, ст. 389.3 и 389.4 УПК РФ, предусматривающие, что самостоятельному обжалованию и в сокращенный срок подачи и рассмотрения жалобы на судебное решение, связанное с избранием меры пресечения в виде заключения под стражу, подлежит лишь до вынесения приговора. В случае назначения судом при постановлении обвинительного приговора наказания в виде реального лишения свободы не в колонии-поселении и одновременного избрания в отношении подсудимого соответствующего такому наказанию заключения под стражу в качестве меры пресечения названные положения лишают подсудимого возможности безотлагательно обжалования этого решения.

Таким образом, для стороны защиты становится бессмысленным апелляционное обжалование приговора в данной части и, учитывая возникновение презумпции его обоснованности (поскольку в судебной практике необходимость исполнения приговора рассматривается в качестве самостоятельного основания избрания меры пресечения), сводится на нет вероятность применения не связанной с содержанием под стражей меры пресечения в отношении подсудимого после постановления приговора по мотивам необоснованности его заключения под стражу, что приводит к отсутствию контроля за принятием судом решений по вопросу о мере пресечения при постановлении приговора со стороны вышестоящего суда. Это, в свою оче-

редь, очевидно способствует избранию в отношении подсудимого заключения под стражу.

И наконец, одним из важных факторов, который, как представляется, побуждает суд заключить подсудимого под стражу, являются положения ч. 2 ст. 393 УПК РФ, ст. 75, 75.1 и 76 УИК РФ.

Данные нормативные положения устанавливают в качестве правила направление осужденных к лишению свободы к месту отбывания наказания, которое производится администрацией следственного изолятора после получения извещения о вступлении приговора в законную силу, и их перемещение из одного места отбывания наказания в другое под конвоем, за исключением следующих в колонию-поселение самостоятельно в соответствии с ч. 1 и 2 ст. 75.1 УИК РФ на основании предписания, выданного территориальным органом уголовно-исполнительной системы после получения копии приговора. Определяя в качестве единственного исключения из данного правила особый порядок направления осужденных в колонию-поселение, связанный с тем, что осужденный следует в колонию-поселение за счет государства самостоятельно, конкретизируя при этом, что по решению суда осужденный может быть заключен под стражу и направлен в колонию-поселение под конвоем в порядке, предусмотренном ст. 75 и 76 данного Кодекса, названные нормы не предусматривают возможности направления осужденного к лишению свободы в иных видах исправительных учреждений к месту отбывания наказания и его самостоятельного перемещения без конвоя, равно как и направления такого осужденного к месту отбывания наказания не администрацией следственного изолятора, в случае если он не содержится под стражей.

Между тем в силу ч. 2 ст. 393 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 1 ст. 75 и ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ суду, рассмотревшему уголовное дело в первой инстанции, предписывается обратиться приговор к исполнению путем направления копии обвинительного приговора в то учреждение или в тот орган, на которые возложено исполнение наказания, то есть в территориальный орган исполнительной системы в отношении осужденных к лишению свободы в колонии-поселении, не содержащихся под стражей, либо в админи-

страцию следственного изолятора в отношении остальных осужденных.

Таким образом, порождается неопределенность в вопросах о том, на какое учреждение или орган возложено исполнение наказания в отношении не заключенного под стражу осужденного к лишению свободы не в колонии-поселении, в чей адрес надлежит суду в целях обращения приговора к исполнению направить копию обвинительного приговора и на кого возложена обязанность задержать, заключить под стражу и обеспечить направление такого осужденного к месту отбывания наказания под конвоем. В результате в целях недопущения возникновения случаев, способных воспрепятствовать по указанным причинам своевременному обращению постановленного приговора к исполнению после его вступления в законную силу, суд побуждается к тому, чтобы избрать в отношении подсудимого, осужденного к реальному лишению свободы не в колонии-поселении, одновременно с постановлением приговора именно заключение под стражу.

На макроуровне правового регулирования, охватываемого принципами уголовного процесса и институтами уголовно-процессуального права, проблему детерминированности заключения подсудимого под стражу можно определить следующими соображениями.

Согласно ч. 2 ст. 47 УПК РФ обвиняемый, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, именуется осужденным. Определяя понятие осужденного как обвиняемого, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, но при этом не уточняя, вступил постановленный приговор в законную силу или нет, то есть объединяя в одном понятии разных участников уголовного судопроизводства со стороны защиты и размывая имеющиеся между ними принципиальные различия, указанное нормативное положение вызывает предвзятое отношение к именуемому в самом законе «осужденным» обвиняемому, в отношении которого постановлен, но еще не вступил в законную силу обвинительный приговор, и пренебрежительное отношение к принципу презумпции невиновности, согласно которому обвиняемый считается невиновным, пока его

виновность в совершении преступления не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Нельзя не отметить, что как в статьях, регулирующих апелляционный, так и в статьях, определяющих кассационный порядок рассмотрения уголовных дел, термин «осужденный» законодателем используется без каких-либо дополнительных пояснений.

Таким образом, закон изначально ориентирует правоприменителей на то, что вступление приговора в законную силу является вопросом времени, и тем самым искусственно побуждает суд при постановлении обвинительного приговора с назначением наказания в виде реального лишения свободы одновременно избрать в отношении подсудимого заключение под стражу.

Самым же главным на макроуровне фактором, определяющим наступление подобных последствий, являются взаимосвязанные положения п. 4, 5, 7 и 17 ч. 1 ст. 299, п. 1, 4 и 5 ст. 307, п. 2, 4, 5 и 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ, предусматривающие, что решения по вопросам о виновности в совершении преступления, о назначении наказания и мере пресечения в отношении подсудимого принимаются судом после удаления в совещательную комнату для постановления приговора одновременно, и предполагающие, что решение о мере пресечения является частью приговора.

В науке уголовно-процессуального права институт мер пресечения считается автономным и представляет собой совокупность нормативных положений, определяющих основания и условия, а также порядок применения в отношении подозреваемого и обвиняемого превентивных мер воздействия, имеющих своей целью обеспечение надлежащего поведения указанных лиц и нормального хода уголовного судопроизводства. Вопросы разрешения уголовного дела по существу к данному правовому институту не относятся.

При этом юридическая наука не дает однозначного ответа на вопрос о том, может ли решение о мере пресечения, принимаемое судом при постановлении приговора, являться его неотъемлемой частью или же оно во всех случаях должно представлять собой отдельное от приговора решение.

Как считает доктор юридических наук, профессор Л. В. Головкин, при осуществлении контроля за применением мер пресечения «судья категорически не должен входить в обсуждение дела по существу, иначе мы получим судебное разбирательство»⁸.

С приведенной правовой позицией необходимо согласиться по следующим причинам.

Принятие решения — это реализация сформулированных в законе правил поведения через сознательно-волевые поступки. Объективным фактором в механизме принятия решения являются, в частности, правовые принципы, которые имеют самостоятельное регулирующее значение. По мнению С. С. Алексеева, «будучи своего рода ступенью правовой материи, они как бы направляют функционирование права, определяют линию судебной и иной юридической практики»⁹.

Одним из основных таких принципов является имеющий важнейшее значение конституционный принцип презумпции невиновности. Осознание и стремление к достижению назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ и охватывающего названный правовой принцип, определенным образом влияют на судей при принятии ими решений, направляя их к достижению этой цели.

Как полагал М. С. Строгович, «презумпция невиновности обвиняемого не исходит из соображений о большей или меньшей вероятности виновности обвиняемого вообще или данного обвиняемого в отдельности. Вообще, количественные критерии для понимания и применения презумпции невиновности не подходят. Презумпция невиновности есть именно презумпция, то есть предположение: не высказывание о вероятности чего-либо, а положение, утверждение, принимаемое как истинное до его исследования и подтверждения, установления его достоверности или опровержения. Обвиняемый считается невиновным до того, как вопрос

о его виновности будет исследован и разрешен судом. И это положение сохраняется в стадиях апелляции и кассации, пока не будет доказано обратное, пока виновность обвиняемого не будет установлена вступившим в законную силу приговором суда»¹⁰.

П. А. Лупинская указывала, что «признание приговора незаконным и необоснованным зачастую объясняется тем, что путь к этому решению “не был истинным”, так как промежуточные решения по ходу расследования и разбирательства дела в суде (например, о мере пресечения, об отказе в ходатайствах стороне защиты) принимались вопреки презумпции невиновности, с предвзятым отношением к подозреваемому, обвиняемому»¹¹.

Под приговором понимается решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания. Если при постановлении приговора суд придет к выводу о том, что подсудимый виновен, это значит, что его презумпция невиновности на данном этапе судопроизводства опровергнута и для суда принцип фактически перестал действовать. Решение же о мере пресечения, принимаемое вместе с приговором, напротив, предполагает необходимость исходить при его принятии прежде всего из принципа презумпции невиновности.

Однако, вопреки доктринальным представлениям, выработанным в теории процессуальных решений, при постановлении обвинительного приговора перед судом ставится содержащая внутреннюю противоречивость задача, предполагающая необходимость одномоментного достижения в одном решении взаимоисключающих целей.

Следовательно, решение о мере пресечения не может являться частью приговора.

Между тем в силу действующего правового регулирования решение о принимаемой при

⁸ Головкин Л. В. Карманные адвокаты — это издержки прогресса и результат законодательных подходов (интервью) // Уголовный процесс. 2019. № 2. С. 39.

⁹ Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 90.

¹⁰ Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 78.

¹¹ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2010. С. 66.

постановлении приговора мере пресечения становится его неотъемлемой частью, образуя с ним неразрывную связь. Аналогичной позиции придерживается и Конституционный Суд РФ, который в своих решениях неоднократно подчеркивал образование взаимосвязи вопросов законности, обоснованности и справедливости приговора, а также законности и обоснованности принятого при его постановлении решения о мере пресечения, что не позволяет самостоятельно обжаловать это решение как часть приговора отдельно от него¹².

Иначе говоря, перечисленные законоположения нарушают принцип автономности института мер пресечения в уголовно-процессуальном праве, заключающийся, в частности, в наличии у любой подлежащей судебному контролю меры пресечения фундаментального свойства — отдельности рассмотрения вопроса о ней от разрешения вопросов по существу уголовного дела, поскольку возлагают на суд обязанность принять единое процессуальное решение как по вопросу о виновности подсудимого, положительный ответ на который может быть дан судом лишь при условии опровержения презумпции его невиновности, и вопросу о назначении наказания, так и по вопросу о мере пресечения, при разрешении которого тому же суду и в тот же самый момент необходимо руководствоваться соображениями сохранения действия презумпции невиновности подсудимого до вступления в его отношении обвинительного приговора в законную силу.

«Обоснованность судебного решения, — утверждает П. А. Лупинская, — определяется соответствием его выводов установленным по делу фактическим обстоятельствам. Она должна находить свое внешнее выражение в мотивировочной части решения, в которой суд приводит свои суждения, свое убеждение по поводу доказанности (недоказанности) каких-либо обстоятельств дела и в связи с этим объясняет свое убеждение в достоверности или недостоверно-

сти доказательств, их достаточности для определенного вывода по делу»¹³. Мотивировка решения является внешним выражением внутреннего убеждения судей, обоснованности их решений. Требование мотивировать приговор обязывает судей объяснить ход и результат своих рассуждений, путь преодоления своих сомнений.

Отсюда вытекает вывод: суд, приговор которого должен отвечать требованиям обоснованности, то есть быть принятым при том условии, что все его составные части между собой логически согласуются и находятся во взаимосвязи, искусственно побуждается к принятию решения об избрании в отношении подсудимого заключения под стражу в случае его осуждения к реальному лишению свободы не в колонии-поселении, с тем чтобы не порождать сомнений в правильности изложенных в приговоре выводов по существу уголовного дела, а равно сомнений в убежденности самого суда, постановившего приговор, в правильности принятых им решений по вопросам виновности и назначения подсудимому наказания.

Все перечисленные нормативные положения, действуя в системном единстве в вышеизложенных аспектах, в отдельности, искусственно побуждая суд не принимать при постановлении приговора по вопросу о мере пресечения иное, помимо избрания заключения под стражу, решение в случае осуждения подсудимого к реальному лишению свободы не в колонии-поселении или способствуя принятию судом такого решения, — вследствие вызываемого кумулятивного эффекта в совокупности представляют собой серьезный дефект в уголовно-процессуальном регулировании. Оказывая существенное и откровенно произвольное по характеру воздействие на формирование у суда воли на принятие решения по вопросу меры пресечения не в пользу подсудимого, указанный дефект в правоприменительной практике предопределяет одновременное с постановлением обвинительного приговора принятие судом решения об

¹² Определение КС РФ от 27.03.2018 № 862-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision329155.pdf> ; определение КС РФ от 26.11.2018 № 2869-О // URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision373883.pdf> (дата обращения: 30.04.2019).

¹³ Лупинская П. А. Судебные решения: содержание и форма // Российская юстиция. 2001. № 11. С. 58.

избрании в отношении подсудимого заключения под стражу. При этом нельзя не учитывать, что никаких компенсирующих, сдерживающих формирование у суда негативной по отношению к подсудимому мотивации факторов, помимо одной только презумпции невиновности, носящей в данном случае декларативный характер, учитывая стадию движения дела и предполагаемое отсутствие у суда сомнений по поводу правосудности постановленного им самим приговора, в законе не предусмотрено.

Другими словами, указанный дефект правового регулирования прямо обуславливает возникновение и способствует существованию обвинительного уклона в деятельности суда при принятии одновременно с постановлением обвинительного приговора решения о заключении подсудимого под стражу.

В целях исключения из действующего правового регулирования нормативных предписаний, определяющих обвинительный уклон, потребуется внесение в законодательство соответствующих изменений.

Автономность института мер пресечения от разрешения судом уголовного дела по существу и возможность эффективной реализации права подсудимого участвовать в рассмотрении судом вопроса об избрании заключения под стражу при постановлении приговора в случае корректировки действующего правового регулирования, на наш взгляд, могут и должны быть обеспе-

чены непосредственно после провозглашения обвинительного приговора, которым подсудимый осужден к реальному лишению свободы, в отдельном судебном заседании по инициативе суда или по ходатайству стороны обвинения в порядке, предусмотренном ст. 108 УПК РФ.

Законодателю необходимо уточнить понятие осужденного, исключив из него обвиняемого, в отношении которого обвинительный приговор не вступил в законную силу, а также недвусмысленно запретить правоприменителям использовать факт постановления приговора в качестве единственного и достаточного основания для избрания соответствующей наказанию меры пресечения.

Кроме того, ему надлежит определить порядок обращения к исполнению приговора в отношении осужденных к лишению свободы не в колонии-поселении, к которым не применялось заключение под стражу в качестве меры пресечения, а также порядок направления этих лиц к месту отбывания наказания.

Важность предлагаемых изменений правового регулирования заключается не только в необходимости обеспечения гарантий соблюдения конституционных прав граждан на свободу и судебную защиту. Особое значение этих изменений в том, чтобы обеспечить уважение принципов презумпции невиновности и справедливости, а также соблюдение гарантий объективного, независимого и беспристрастного правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Структура советского права. — М., 1975. — 264 с.
2. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2010. — 240 с.
3. Лупинская П. А. Судебные решения: содержание и форма // Российская юстиция. — 2001. — № 11. — С. 57—59.
4. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. — М., 1984. — 143 с.

Материал поступил в редакцию 18 апреля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Struktura sovetskogo prava. — M., 1975. — 264 s.
2. Lupinskaya P. A. Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika. — 2-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma, Infra-M, 2010. — 240 s.
3. Lupinskaya P. A. Sudebnye resheniya: sodержanie i forma // Rossijskaya yusticiya. — 2001. — № 11. — S. 57—59.
4. Strogovich M. S. Pravo obvinяемого na zashchitu i prezumpciya nevinovnosti. — M., 1984. — 143 s.

Концептуально-политический и формально-юридический анализ Парижского призыва к доверию и безопасности в киберпространстве и российские инициативы в области международного права

Аннотация. Состояние международной безопасности в современном мире напрямую зависит от защищенности киберпространства. Авторы статьи исследуют инициативы по обеспечению кибербезопасности, рассматривая их наиболее значимые юридические и политические аспекты. Статья содержит научно-экспертную оценку документа, принятого 12 ноября 2018 г., — Парижского призыва к доверию и безопасности в киберпространстве. Учитывая, что Россия является лидером по инициативам в международных форматах обсуждения проблем кибербезопасности, авторы статьи обращаются к российской позиции по ряду ключевых вопросов в рамках данной проблематики, указывая на то, что предложения российской стороны опережают, в частности по своему регулятивному потенциалу, многие другие международные инициативы. Авторы формулируют вывод о том, что меры укрепления доверия между государствами в отсутствие обязательных международно-правовых норм лишены инструментальной роли в разрешении многих проблем обеспечения безопасности в стремительно изменяющемся киберпространстве. Условием эффективного международного правотворчества в области информационной безопасности является диалог юристов, политиков и технических специалистов.

Ключевые слова: международная безопасность; информационная безопасность; кибербезопасность; киберпространство; киберпреступность; международное право; Парижский призыв; российские инициативы; меры доверия; информатизация общества.

© Молчанов Н. А., Матевосова Е. К., 2020

* *Молчанов Николай Андреевич*, доктор военных наук, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, каб. 543, г. Москва, Россия, 125993
namolchanov@msal.ru

** *Матевосова Елена Константиновна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, каб. 455, г. Москва, Россия, 125993
ekmatevosova@msal.ru

Для цитирования: Молчанов Н. А., Матевосова Е. К. Концептуально-политический и формально-юридический анализ Парижского призыва к доверию и безопасности в киберпространстве и российские инициативы в области международного права // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 133—141. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.133-141.

Conceptual Political and Formal Legal Analysis of the Paris Call for Trust and Security in Cyberspace and Russian Initiatives in the Field of International Law

Nikolay A. Molchanov, Dr. Sci. (Military Sciences), Professor of the Department of Integration and European Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
namolchanov@msal.ru

Elena K. Matevosova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Theory of State and Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
ekmatevosova@msal.ru

Abstract. The state of international security in the modern world directly depends on the security of cyberspace. The authors of the paper explore cybersecurity initiatives, considering their most significant legal and political aspects. The paper contains a scientific and expert assessment of the document adopted on November 12, 2018 — the Paris Call for Trust and Security in Cyberspace. Given that Russia leads in initiatives in international formats for discussing cybersecurity issues, the authors of the paper turn to the Russian position on a number of key issues within this framework, indicating that the proposals of the Russian side are ahead of many other international initiatives, in particular in terms of their regulatory potential.

The authors conclude that confidence-building measures between states in the absence of binding international legal norms are deprived of an instrumental role in resolving many security problems in rapidly changing cyberspace. A prerequisite for effective international law-making in the field of information security is a dialogue between lawyers, politicians and technical experts.

Keywords: international security; information security; cybersecurity; cyberspace; cybercrime; international law; Paris call; Russian initiatives; confidence building measures; informatization of society.

Cite as: Molchanov NA, Matevosova EK. Kontseptualno-politicheskiy i formalno-yuridicheskiy analiz parizhskogo prilyva k doveriyu i bezopasnosti v kiberprostranstve i rossiyskie initsiativy v oblasti mezhdunarodnogo prava [Conceptual political and formal legal analysis of the Paris Call for Trust and Security in Cyberspace and Russian initiatives in the field of international law]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):133-141. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.133-141.

Формирование единой нормативно непротиворечивой и практически функциональной глобальной системы обеспечения информационной безопасности остается в ряду наиболее важных проблем международной повестки дня.

В наши кризисные времена снижения авторитета международного права все чаще раздаются призывы к сохранению мира и безопас-

ности. Международное сообщество, исчерпав правовые средства, призывает к международной морали, но зов международного разума лишь далеким эхом слышен тем государствам, которые, произвольно освобождая себя от юридических обязательств, намеренно разрушают международное право.

12 ноября 2018 г. на XIII Форуме по управлению Интернетом, проведенном в штаб-квартире

ЮНЕСКО в Париже (в рамках Парижской цифровой недели, включающей также мероприятия, посвященные новым технологиям и цифровой трансформации государств и демократий), Президент Франции Э. Макрон выступил с Парижским призывом к доверию и безопасности в киберпространстве¹ (фр. яз.: *Appel de Paris pour la confiance et la sécurité dans le cyberspace*). Документ был поддержан 58 странами, 115 международными и региональными организациями, 284 частными компаниями и корпорациями².

Формально-юридический и концептуально-политический анализ Парижского призыва предполагает прежде всего определение его документального статуса и, соответственно, правовой силы. Современной международной нормотворческой практике известны различные по названию, закреплению и содержанию документы как императивного, так и рекомендательного характера. Вариации согласования воли договаривающихся государств и иных субъектов международного общения зависят от многих условий и факторов, обусловленных как сущностью самой разрешаемой проблемы, так и некими внешними очевидными и скрытыми детерминантами. К примеру, международная конференция (в значении обобщающего термина), которая, согласно устоявшемуся в праве международных договоров подходу, является временным органом, создаваемым участвующими государствами, призванным обсуждать поставленные перед ним вопросы и принимать согласованные решения, может обратиться ко всем участникам этой (и даже другой) «конференции» (и «совещания», и «конвенции», и т.д.) с призывом рассмотреть возможность сделать то или иное заявление на национальном уровне. Представляется, что рассуждения о том, является ли Парижский призыв собственно призывом, или обращением, или заявлением, или

каким-либо иным синонимичным воззванием из терминологического аппарата русского языка (с учетом перевода с французского и лексикографии современной дипломатии), никак не определяют правового характера данного призыва, поскольку очевидна его исключительно декларативная роль в отсутствие каких-либо прямых и обеспеченных юридических обязательств государств, частных компаний и общественных организаций, добровольно призыв подписавших³. Принимая во внимание репрезентативный состав участников и круг обсуждаемых вопросов, оформленных в итоговый «призывный» документ, Парижский форум, имея высокое политическое значение, претендовал на то, чтобы перевернуть страницу в многолетней дискуссии о международной кибербезопасности, однако ни юридически, ни организационно данный форум совершить этот прорыв пока не в состоянии.

В настоящее время политическая ответственность государств в киберпространстве в отсутствие императивных международных норм базируется прежде всего на морали. Международная мораль есть система норм, оценок, предписаний, образцов поведения, выполняющих функции морального регулирования в системе международных отношений, в формировании ценностей культуры мира, в становлении демократического и ненасильственного мироустройства⁴. Парижский призыв к сотрудничеству, взаимной поддержке, справедливости, уважению, свободе, в сущности, выражает основы системы международной морали.

Глашатаи нового киберпорядка призывают сделать киберпространство более надежным, безопасным и стабильным, открытым, доступным и мирным.

Парижский призыв подтверждает, что международное право — вместе с добровольными

¹ См.: официальный сайт Постоянного представительства Франции в Европейском Союзе. URL: <https://ue.delegfrance.org> (дата обращения: 30.06.2019).

² Российская Федерация не является подписантом Парижского призыва.

³ См. полный список сторон-участников, подписавших Парижский призыв к доверию и безопасности в киберпространстве: URL: <https://ue.delegfrance.org> (дата обращения: 30.06.2019).

⁴ См.: Капто А. С. Современная цивилизация: вызовы и альтернативы. М. : Издательство Московского университета, 2013. С. 137.

нормами ответственного поведения государств в мирное время и мерами по развитию доверия и укреплению потенциала, разработанными в рамках Организации Объединенных Наций, — составляет фундамент международного мира и безопасности в киберпространстве.

В Призыве утверждается (и его участниками подтверждается), что международное право, в том числе весь Устав ООН, международное гуманитарное право и международное обычное право применимы к использованию государствами информационно-коммуникационных технологий.

Устав ООН, подписанный 26 июня 1945 г. в г. Сан-Франциско по завершении Конференции ООН по созданию международной организации (и вступивший в силу 24 октября 1945 г.), является так называемой конституцией мирового сообщества. Однако конституирующие мировой порядок положения Устава ООН как международного договора особого рода, будучи в целом применимы к разрешению любой международной проблемы, не отвечают на многие вопросы обеспечения международной информационной безопасности, которые, надо признать, возникли перед стремящимся к всеобщему миру человечеству гораздо позднее принятия данного Устава, а потому ссылка на него есть некий «протокольный» подход «механического» перечисления основных источников современного международного права.

В российской и зарубежной доктрине и практике международных отношений «международное гуманитарное право» (или «право во-

оруженных конфликтов»), как правило, консенсуально определяется как свод обычных и договорных норм, применяемых в период вооруженных конфликтов⁵. До настоящего времени юридически не зафиксирован ни один факт злонамеренного использования информационно-коммуникационных технологий, произошедших в период вооруженного конфликта, а тем более ведения так называемой информационной войны⁶ (не в публицистическом, а нормативном научно-экспертном значении). На международных дискуссионных площадках многие годы нет единства мнений о необходимости легализации «информационной войны» («кибервойны»), принятия правил ее ведения. А признание потенциального применения международного гуманитарного права (с учетом существующих проблем его действия⁷) к соответствующим вооруженным конфликтам требует интенсификации международного правотворчества по дополнению гуманитарного права нормами, непосредственно связанными с использованием цифровых технологий.

Выявление норм обычного международного права — сложнейшая задача юрико-политического исследования. Как установила Комиссия международного права ООН, для определения существования и содержания нормы обычного международного права необходимо выявить, имеется ли всеобщая практика, признанная в качестве правовой нормы (*opinio juris*), при этом уделяя внимание общему контексту, характеру нормы, а также конкретным обстоятельствам, в которых могут быть обнаружены каждые из

⁵ См.: *Бекяшев К. А.* Международное публичное право : учебник. М., 2019. С. 941.

⁶ Информационная война — противоборство между двумя или более государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным и другим структурам, подрыва политической, экономической и социальной систем, массивной психологической обработки населения для дестабилизации общества и государства, а также принуждения государства к принятию решений в интересах противоборствующей стороны (см.: Соглашение между Правительствами государств — членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (вместе с Перечнем основных понятий и видов угроз, их источников и признаков), заключено в г. Екатеринбурге 16.06.2009 // Бюллетень международных договоров. 2012. № 1. С. 13—21).

⁷ *Henckaerts J.-M.* Study on customary international humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict // *International Review of the Red Cross*. 27.04.2010. Pp. 175—212.

этих свидетельств⁸. Сегодня применимое к отношениям в киберпространстве обычное международное право пока партикулярно, действует только между ограниченным кругом государств, для которых складывается соответствующая практика в силу регионального (локального) сотрудничества.

Парижский призыв называет Конвенцию о преступности в сфере компьютерной информации (так называемая Будапештская конвенция по борьбе с киберпреступностью⁹) важнейшим инструментом улучшения безопасности цифровых продуктов, укрепления защиты от преступников и стимулирования сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами. Упоминание Будапештской конвенции вызывает немалое удивление, так как, во-первых, данная Конвенция, заключенная в Будапеште 23 ноября 2001 г., устарела, превратившись в реликвию начала печальной истории киберэры, во-вторых, многие из ее положений, по оценкам специалистов (российских и, что важно отметить, зарубежных), имеют серьезные «пороки», угрожающие национальным интересам государств не в меньшей степени, чем сама киберпреступность. Либо текст указанной Конвенции должен быть существенно изменен, либо должен быть принят новый конвенционный акт с принципиально иными, жизнеспособными положениями. Убеждение мировой общественности в возможном реанимированном действии Будапештской конвенции есть следствие или грубого непрофессионализма, или умышленного введения в заблуждение, однако и то и другое абсолютно недопустимо.

Участники Парижского призыва осуждают злонамеренную кибердеятельность в мирное время, которая угрожает критическим инфраструктурам. При всех усилиях международного сообщества количество компьютерных инцидентов только возрастает, и, бесспорно, нарушение

функционирования объекта критической инфраструктуры государства является серьезной угрозой национальной и региональной безопасности. Прекращение работы сетей электросвязи, в частности в 2019 г. в таких странах, как Венесуэла, Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай, может быть результатом целенаправленных кибератак. Не предвещая споры экспертов, в том числе юридически квалифицирующих данный инцидент, можно утверждать, что подобные нарушения не получают должной правовой оценки, а само по себе международное осуждение без негативных для виновных сторон последствий не препятствует новым планомерным атакам.

Парижский призыв содержит, можно сказать, «подразумеваемый» (при системном толковании его положений и связи с рядом применимых к киберотношениям международных документов) перечень мер по развитию доверия в киберпространстве. Укрепление доверия представляет собой определенную конструкцию, вырабатываемую на глобальном и региональном уровнях, исходя из соответствующих задач ООН и предметной области решения конкретной проблемы. Следует признать, что текстуальная определенность и оценка эффективности мер укрепления доверия в киберпространстве достигается прежде всего в рамках регионального международного сотрудничества, что подтверждается актами, принимаемыми на мероприятиях международного формата. Так, главы государств и правительств стран — членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), собравшиеся по случаю проведения 13-го Восточноазиатского саммита (ВАС) в Сингапуре 15 ноября 2018 г., определили такие совместные меры, признав, что «практические меры по укреплению доверия необходимы для обеспечения стабильности и предсказуемости в киберпространстве»¹⁰. В этой связи следует

⁸ Доклад Комиссии международного права. 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН (30 апреля — 1 июня и 2 июля — 10 августа 2018 г.) // URL: <http://legal.un.org> (дата обращения: 30.06.2019).

⁹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) (заключена в г. Будапеште 23.11.2001) // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Заявление лидеров стран — участниц Восточноазиатского саммита по углублению сотрудничества в области безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и цифровой экономики // Документ опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс».

отметить, что, как было провозглашено Резолюцией ООН № 45/62 от 4 декабря 1990 г., укрепление доверия является продолжительным динамичным процессом и существуют различные типы мер укрепления доверия, на характер которых влияют специфические ситуации в конкретных регионах¹¹. Соглашаясь с необходимостью «регионального учета»¹² в выработке и реализации мер укрепления доверия в киберпространстве (в том числе на примере Парижского призыва), все-таки полагаем целесообразным согласование и закрепление общих, унифицированных глобальных мер, которые должны «вплестаться» в государственную внутреннюю и внешнюю политику каждого государства.

Результатом работы Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности с 2010 г. является общий вывод о том, что именно добровольные меры укрепления доверия могут способствовать повышению степени доверия и установлению доверительных отношений между государствами¹³.

Как отмечает В. А. Садовничий, «принятие норм безопасной деятельности в киберпространстве — императив нашего времени»¹⁴. И все же главный вопрос состоит в том, какими преимущественно нормами должны быть урегулированы отношения в киберпространстве — политически рекомендательными или юриди-

чески обязывающими? Отказ многих государств от бремени любых обязательств ответственного поведения подтверждает приоритет рекомендательных норм, однако их индекс эффективности, несмотря на предпринимаемые нормотворческие усилия, продолжает оставаться низким.

Подписанты Парижского призыва заявляют, что решительно настроены действовать сообща в существующих инстанциях и через соответствующие организации, институты, механизмы и процессы. Как представляется, выступление с Парижским призывом с мировой трибуны и стало необходимым по причине отсутствия таких инстанций и механизмов, а потому подобное заявление не отличается реалистичностью и кажется лишь словесным украшением.

Одной из целей сотрудничества участников Парижского призыва является развитие возможностей по «предотвращению вмешательства со стороны иностранных субъектов, направленного на дестабилизацию избирательных процессов посредством злонамеренной кибердеятельности». Указание на «иностранных субъектов» в призыве, обращенном ко всему миру, имеет, как кажется, весьма неопределенный смысл (можно полагать и отсутствие смысла как такового), но вместе с тем свидетельствует о «злонамеренности» его авторов-вдохновителей, в столь кратком по объему и фрагментарно-усеченном по содержанию призыве позволивших, с учетом конфликтно-кризисных

¹¹ Резолюция № 45/62 Генеральной Ассамблеи ООН «Рассмотрение осуществления рекомендаций и решений, принятых Генеральной Ассамблеей на ее десятой специальной сессии» (вместе с Декларацией о провозглашении 90-х годов третьим Десятилетием разоружения), принята 04.12.1990 на 54-м пленарном заседании 45-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Система официальной документации ООН. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf> (дата обращения: 30.06.2019).

¹² См. также: Решение № 1202 Постоянного совета ОБСЕ от 10 марта 2016 г. «Меры укрепления доверия в рамках ОБСЕ с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий» // URL: <https://www.osce.org> (дата обращения: 30.06.2019).

¹³ См.: Резолюция № A/RES/73/266 Генеральной Ассамблеи ООН «Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности», принята 22.12.2018 на 56-м пленарном заседании 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Система официальной документации ООН. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf> (дата обращения: 30.06.2019).

¹⁴ Выступление В. А. Садовничего на V международном форуме «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении информационной безопасности и противодействии терроризму» // URL: <http://www.iisi.msu.ru/articles/article28/> (дата обращения: 30.06.2019).

международных реалий, явную политическую ангажированность.

Участники Парижской цифровой недели, призывающие к мировому киберпорядку, договорились встретиться в 2019 г. на Парижском форуме мира и Форуме по управлению Интернетом в Берлине для мониторинга продвижения по обозначенным в Парижском призыве основным вопросам. Не преследуя цели резкой критики этого предложения, заметим, что такое обсуждение будет сведено к новым по форме, но старым по посылу призывам.

В своих оценочных комментариях рассматриваемой французской инициативы Департамент информации и печати МИД России указывает на ряд не только неоспоримо ценных, но и «сомнительных» положений¹⁵. В частности, «предлагаемый французами мультистейкхолдерский подход к цифровой среде предусматривает уравнивание в правах государств и негосударственных игроков и тем самым размывает ключевую роль государств в обеспечении кибербезопасности». Слишком большое количество заинтересованных сторон усложняет процесс обсуждения проблем; интересы государств и негосударственных субъектов не могут быть между собой сопоставимы и в полной мере друг с другом сочетаемы. Не следует игнорировать позиции негосударственных акторов киберпространства, но весьма важно избегать любого давления со стороны субъектов, навязывающих свои частные интересы.

Именно Российская Федерация сегодня является инициатором и активным участником международных договоренностей в области глобальной информационной безопасности. Равноправное партнерство стран, независимо от их «цифрового потенциала», признающих необходимость устранения существующих и предупреждения потенциальных угроз

в рассматриваемой области, — главное условие достижения реальных положительных результатов, которое отстаивает Россия на протяжении многих лет. Российская сторона предлагает такие модели нормативного решения ряда вопросов в информационной сфере, в особенности киберпространства, которые, во-первых, отличаются универсализмом, без нарушения баланса международных и национальных интересов, а во-вторых, даже во многом опережают свое время, исключая ситуативность выбора нормативных средств, учитывая динамику научного прогресса в разработке и внедрении все более новых информационных технологий.

Примечательно, что, несмотря на усугубляющееся в целом конфликтное состояние международных отношений, в частности политическое обострение отношений России со странами, жестко диктующими собственные правила игры с заранее известными итогами, российские проектно-нормативные инициативы все же получают международную поддержку, поскольку, как представляется, «законы большой политики» отступают перед «законами разума и всеобщности», подкрепленными международной моралью, формальное отрицание которой неспособно поставить под сомнение ее фактическое существование.

5 декабря 2018 г. ознаменовано принятием Генеральной Ассамблеей ООН российского проекта резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»¹⁶, содержащего ряд новаций в подходах к обеспечению ответственного поведения государств в информационном пространстве. Особо следует отметить, что с 2019 г. в целях придания переговорному процессу в ООН по безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий более демократического, инклюзив-

---

¹⁵ См.: официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 30.06.2019).

¹⁶ Резолюция № A/RES/73/27 Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», принята 05.12.2018 на 45-м пленарном заседании 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Система официальной документации ООН. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf> (дата обращения: 30.06.2019).

ного и транспарентного характера созывается рабочая группа открытого состава¹⁷ (под эгидой Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию) для продолжения в качестве приоритета дальнейшей выработки соответствующих норм, правил и принципов. Наравне с указанным структурным нововведением с 2019 г. сформирована (на основе справедливого географического распределения) очередная Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, комплексный доклад о результатах работы которой ожидается, соответственно, в 2021 г.

А 17 декабря 2018 г. российский «цифровой взгляд» на общую проблему вновь получает необходимую поддержку — Генеральная Ассамблея ООН принимает российский проект резолюции «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях»¹⁸, которая является значимым этапом в активизации международного сотрудничества, перехода от «протяжных» призывов к совместным действиям.

Россия, несомненно, несмотря на значительные политические препятствия, будет продолжать продвигать свои инициативы на международной арене, но, как заметил А. В. Крутских, «устраивать в ООН “гладиаторские бои” по теме международной информационной безопасности — не тот вариант, за который мы выступаем»¹⁹. Диалог о путях разрешения конфликтных ситуаций в киберпространстве не должен создавать большую конфронтацию между странами.

Технический прогресс организовал мировую цифровую революцию, под флагами которой возник совершенно новый тип государства — цифровое государство, развивающее уже циф-

ровую экономику, новый вид государственного суверенитета — информационный суверенитет и новое поколение прав человека — цифровые права. Распространение информационных технологий достигло такого уровня, что при характеристике практически любых современных процессов и явлений требуется дополнение главного прилагательного «цифровой».

Только суверенное государство способно обеспечивать эффективность государственно-правовых институтов, прогрессивность экономических процессов и реализацию прав и свобод человека. По мнению А. А. Кокошина, реальным суверенитетом, т.е. способностью государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить свою политику, обладает сравнительно небольшое число стран, и это не только современный феномен, так было на протяжении практически всей мировой истории²⁰. Сегодня сохранение и укрепление государственного суверенитета зависит от устойчивости суверенитета информационного, и, следовательно, можно заключить, что государств, обладающих так называемым реальным суверенитетом, становится все меньше, поскольку новые вызовы и угрозы в киберпространстве усиливают зависимость одних государств от других, в особенности при неравновесности их цифрового потенциала.

Сегодня «информационные общества» отдельных национальных юрисдикций включены в единое глобальное информационное пространство и вместе с тем разобщены вследствие множества противоречий и конфликтов, возникающих за его пределами, но ставших его неотъемлемой частью. Общество оказывается в ловушке научно-технических достижений, вредоносность которых может превысить их неоспоримо высокую полезность.

¹⁷ 3—4 июня 2019 г. в г. Нью-Йорке была проведена первая организационная сессия рабочей группы, определившая основные направления ее деятельности.

¹⁸ Резолюция № A/RES/73/187 Генеральной Ассамблеи ООН «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях», принята 17.12.2018 на 56-м пленарном заседании 73-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Система официальной документации ООН. URL: <https://documents.un.org/prod/ods.nsf> (дата обращения: 30.06.2019).

¹⁹ См.: Крутских А. В. России нечего скрывать и нечего бояться // Коммерсантъ. № 53. 27.03.2019. С. 6.

²⁰ См.: Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. Изд. 3-е, расшир. и доп. М., 2006. С. 63.

Позволяя некоторое философское отступление, полагаем в определенной степени уместным обращение к словам немецкого мыслителя Иммануила Канта, который писал: «Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением и тем больше, чем чаще и внимательнее занимается ими размышление: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне»²¹. Создание искусственного интеллекта человеком, когда-то камнем добывавшего огонь, вызывает почтение перед интеллектом естественным: виртуальное киберпространство мыслимо с тем же трудом, что и звездное небо; а нравственные законы, живущие в нас и составляющие ядро международной морали, вызывают изумление:

человек, опутывая себя прочными нитями киберсети, сохраняет нравственные силы, чтобы выбраться из этой западни, призывая к взаимопомощи.

Коррелятивная связь правовых, организационных и технических мер обеспечения кибербезопасности требует от экспертного обсуждения, любого вида и уровня, тесного сотрудничества юристов, политиков и специалистов в поиске ответов на вопросы о том, какие обязательства государства готовы и должны на себя принимать, каким образом осуществлять контроль за их надлежащим исполнением и насколько предлагаемые меры реализуемы согласно внутренним «законам и механике» самого киберпространства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бекяшев К. А. Международное публичное право : учебник. — М., 2019. — 1048 с.
2. Кант И. Критика практического разума и основоположение к метафизике нравов : полн. пер. с прим. и прил. / сост. Н. Смирнов. — С.-Петербург, 1879. — 192 с.
3. Капто А. С. Современная цивилизация: вызовы и альтернативы. — М. : Изд-во Московского университета, 2013. — 304 с.
4. Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. — Изд. 3-е, расшир. и доп. — М., 2006. — 180 с.
5. Henckaerts J.-M. Study on customary international humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict // International Review of the Red Cross. — 27.04.2010. — Pp. 175—212.

Материал поступил в редакцию 12 июля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bekyashev K. A. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo : uchebnik. — M., 2019. — 1048 s.
2. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma i osnovopolozhenie k metafizike npravov : poln. per. s prim. i pril. / sost. N. Smirnov. — S.-Peterburg, 1879. — 192 s.
3. Kapto A. S. Sovremennaya civilizaciya: vyzovy i al'ternativy. — M. : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013. — 304 s.
4. Kokoshin A. A. Real'nyj suverenitet v sovremennoj miropoliticheskoj sisteme. — Izd. 3-e, rasshir. i dop. — M., 2006. — 180 s.
5. Henckaerts J.-M. Study on customary international humanitarian law: A contribution to the understanding and respect for the rule of law in armed conflict // International Review of the Red Cross. — 27.04.2010. — Pp. 175—212.

²¹ Кант И. Критика практического разума и основоположение к метафизике нравов : полн. пер. с прим. и прил. / сост. Н. Смирнов. С.-Петербург, 1879. С. 190.

Применение права ЕС российскими судами в условиях избирательного взаимодействия между Россией и ЕС¹

Аннотация. Политические отношения между Россией и Европейским Союзом изменились существенным образом после 2014 г. С одной стороны, новые политические реалии делают современную ситуацию в отношениях, даже юридически, не такой безоблачной и полной надежд, как это было 25 лет назад при подписании Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС. С другой стороны, двусторонние соглашения между Россией и ЕС продолжают действовать и применяться сторонами в новых условиях избирательного взаимодействия между Россией и ЕС.

Статья посвящена рассмотрению трансформации основ правового регулирования отношений между Россией и ЕС в условиях новых политических отношений, характеризуемых формулой «избирательного взаимодействия», а также продолжающейся на этом фоне европеизации российской судебной практики. В статье рассматриваются действующие двусторонние соглашения между Россией и ЕС, анализируется российская судебная практика, связанная с применением права ЕС и использованием прецедентов Суда ЕС. В статье также уделяется внимание европеизации практики Суда ЕАЭС.

Ключевые слова: Россия; Европейский Союз; право; избирательное взаимодействие; европейское право; билатерализм; Соглашение о партнерстве и сотрудничестве; судебная практика.

Для цитирования: Калиниченко П. А. Применение права ЕС российскими судами в условиях избирательного взаимодействия между Россией и ЕС // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 142—150. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.142-150.

---

¹ Настоящая статья базируется на материалах, полученных в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России 29.6607.2017/8.9 («Наука будущего», Университет имени О.Е. Кутафина) по теме «Правовые аспекты развития взаимоотношений между Россией и Европейским Союзом в контексте приоритетов России по участию в глобальной и региональной интеграции с учетом современной международной обстановки».

© Калиниченко П. А., 2020

* Калиниченко Пауль Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кафедра Жана Монне Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 paulkalinichenko@mail.ru

Application of the EU Law in Russian Courts in the Conditions of the Selective Interaction between Russia and the EU²

Paul A. Kalinichenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Department of Jean Monnet ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
paukalinichenko@mail.ru

Abstract. Political relations between Russia and the European Union have changed significantly since 2014. On the one hand, the new political realities are making the current situation in relations, even legally, not as cloudless and full of hope as it was 25 years ago when the Partnership and Cooperation Agreement between Russia and the EU was signed. On the other hand, bilateral agreements between Russia and the EU continue to operate and be applied by the parties in the new conditions of selective interaction between Russia and the EU.

The paper is devoted to the transformation of the fundamentals of legal regulation of relations between Russia and the EU in the context of new political relations, characterized by the formula of "selective interaction" as well as the ongoing Europeanization of Russian judicial practice. The paper discusses the existing bilateral agreements between Russia and the EU, analyzes Russian jurisprudence related to the application of EU law and the use of the precedents of the EU Court. The article also focuses on the Europeanization of the practice of the EAEU Court.

Keywords: Russia; European Union; right; selective engagement; European law bilateralism; partnership and cooperation agreement; court practice.

Cite as: Kalinichenko PA. Primenenie prava ES rossiyskimi sudami v usloviyakh izbiratel'nogo vzaimodeystviya mezhdu Rossiei i ES [Application of the EU law in by Russian courts in the conditions of the selective interaction between Russia and the EU]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):142-150. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.142-150.

1. Вводные замечания

В 2019 г. мы отмечаем 25 лет с момента подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС) между Россией и Европейским Союзом (ЕС)³. К сожалению, современная ситуация в отношениях, даже юридически, не такая безоблачная и полная надежд, как это было 25 лет

назад. Причина этому весьма серьезная, но исключительно политическая. Очевидно, что ЕС и Россия существенным образом изменились. Вопрос здесь в другом — в какую именно эпоху вступили эти отношения?

Согласно речи Ф. Могерини в 2014 г.⁴, что впоследствии отразилось в известной Резолюции Европейского парламента в 2015 г.⁵, Россия

---

² This paper is based on materials received in the framework of the state task by the Ministry of Education and Science of Russia 29.6607.2017/8.9 ("Science of the Future," Kutafin Moscow State Law University (MSAL)), title: "Legal aspects of the development of relations between Russia and the European Union in the context of Russia's priorities for participation in global and regional integration, given the current international situation"

³ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны // СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1802.

⁴ *Rettman A.* Mogherini Backs Western Balkan Enlargement // URL: <https://euobserver.com/enlargement/125442> (дата обращения: 30.04.2019).

⁵ Entschließung des Europäischen Parlaments vom 10. Juni 2015 zum Stand der Beziehungen EU-Russland (2015/2001(INI)).

⁶ Заявление МИД России в связи с годовщиной подписания Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС, 1512-24-06-2014 // URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_

больше не является «стратегическим партнером» ЕС. Однако еще до заявлений ЕС в 2014 г. Министерство иностранных дел России заявило, что стратегическое партнерство между ЕС и Россией «поставлено под сомнение»⁶.

Согласно Глобальной стратегии ЕС 2016 г.⁷ и обновленной Концепции внешней политики России 2016 г.⁸ стороны готовы к диалогу и даже готовы восстановить свои отношения в будущем, после нахождения пути решения политических противоречий. Россия и ЕС сходятся на временной формуле «избирательного взаимодействия» как основы сотрудничества на сближающую перспективу.

При этом правовая база современных отношений между ЕС и Россией остается практически неизменной, это по-прежнему система трех уровней регулирования. Первый уровень состоит из норм СПС и конкретных отраслевых соглашений как строгих оснований для сохранения отношений. Второй уровень состоит из различных положений мягкого права, которые содействуют правовому регулированию. Например, к ним относятся положения Энергетического меморандума о механизмах раннего предупреждения 2008 г. Третий уровень включает положения российского законодательства относительно отношений с ЕС и нормы ЕС, касающиеся отношений между сторонами.

2. Трансформация двусторонней базы взаимоотношений

Хотя СПС между ЕС и Россией устарело и не отражает современную ситуацию в двусторонних отношениях, оно все еще в силе и применимо на практике. В 2017 г. Суд Европейского Союза применил ст. 99 СПС для обоснования ограничительных мер ЕС в отношении России, в частности российской нефтяной компании «Роснефть»⁹. Этот документ юридически жив и может применяться судами. При этом Европейский парламент в своей Резолюции от 12 марта 2019 г. о состоянии политических отношений между ЕС и Россией призвал к пересмотру положений СПС¹⁰.

Хорошо известно, что стороны вели переговоры о новом базовом соглашении. Широко освещается, что в 2014 г. эти переговоры были заморожены со стороны ЕС в качестве политической санкции в отношении России. Однако на самом деле переговоры по новому базовому соглашению зашли в тупик раньше: ЕС и Россия прекратили этот процесс еще в 2012 г. Остается надеяться, что результаты этих переговоров могут быть полезны для будущей повестки дня отношений между Россией и ЕС.

Россия вступила в ВТО семь лет назад¹¹. Этот шаг изменил правовую основу отношений между ЕС и Россией в вопросах торговли. Кроме того, в 2011 г. стороны заключили 4 отраслевых торговых соглашения: о торговле сырьевыми

publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/54686?p_p_id=101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw&_101_INSTANCE_cKNonkJE02Bw_languageId=ru_RU (дата обращения: 30.04.2019).

⁷ Gemeinsame Vision, gemeinsames Handeln: Ein stärkeres Europa. Eine Globale Strategie für die Außen- und Sicherheitspolitik der Europäischen Union. 2016 // URL: http://europa.eu/globalstrategy/sites/globalstrategy/files/eugs_de_0.pdf (дата обращения: 30.04.2019).

⁸ Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

⁹ Rechtssache C-72/15, PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and Others [2015] // ABl. С 155/12.

¹⁰ European Parliament resolution of 12 March 2019 on the state of EU-Russia political relations (2018/2158(INI)). Примечательно, что в опубликованном в ноябре 2018 г. проекте этой резолюции Европейский парламент призывал к разрыву СПС (см.: Draft Report on the state of EU-Russia political relations 28.11.2018 // PR1169097EN).

¹¹ EU and Russia sign bilateral agreements ahead of Russia's WTO accession ceremony // URL: http://eeas.europa.eu/delegations/wto/press_corner/all_news/news/2011/20111216_kdg_rf_signature.htm (дата обращения: 30.04.2019).

материалами, по древесине, о компонентах транспортных средств и о торговле услугами. Вместе с Соглашением о рыболовстве в Балтийском море 2009 г. эти акты создают основу для режима экономического сотрудничества между ЕС и Россией сегодня.

В течение пяти первых лет членства России в ВТО ЕС и Россия неоднократно запрашивали орган по разрешению споров ВТО в отношении торговых разногласий между ними. Это означает, что урегулирование споров ВТО может стать полезной и эффективной платформой для решения различных проблем в сфере торговли между ЕС и Россией.

В 2014 г. результаты трехсторонних срочных экономических переговоров в формате ЕС — Россия — Украина показали, что ЕС и Россия нуждаются в некоторых дополнительных соглашениях/договоренностях о правилах происхождения, взаимном признании в торговле товарами и более тесном сотрудничестве в таможенной сфере. Однако это повестка дня все же для будущего, равно как и идеи зоны свободной торговли между ЕС и Россией или «общего рынка от Атлантики до Тихого океана», которые все еще отражены в российской концепции внешней политики.

Аналогичная ситуация складывается с идеей развития экономических связей между ЕС и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). ЕС официально даже не признает евразийские структуры¹². Эти отношения находятся на самом низком уровне, хотя евразийские структуры всегда выражали заинтересованность в открытии некоего «экономического диалога»¹³.

Общее пространство свободы, безопасности и правосудия было наиболее развивающейся областью отношений между ЕС и Россией за 15 лет их стратегического партнерства. Соглашение между Европоллом и Россией 2003 г., Соглашение ЕС — Россия о реадмиссии 2006 г. и Соглашение по визовым упрощениям 2006 г.

все еще в силе и активно применяются. Кроме того, в 2003 г. стороны согласовали введение транзитных документов в целях упрощения формальностей для россиян, которые путешествуют между Калининградской областью и другими частями России через страны ЕС, и применяют эти инструменты в своих правопорядках. Такая же ситуация имеет место и с инициативой «малого пограничного движения» между государствами — членами ЕС и Россией.

После 2014 г. стороны заморозили зашедшие в тупик в 2013 г. переговоры об обновленном соглашении об упрощении визового режима и переговоры по Соглашению о сотрудничестве в правоохранительной сфере, а также реализацию дорожной карты по безвизовому режиму.

Соглашение между ЕС и Россией о научно-техническом сотрудничестве 2000 г. пролонгировалось сторонами 3 раза, последний раз в феврале 2014 г. Интересен факт того, что данное Соглашение по-прежнему полностью применяется сторонами и сейчас. Совместный исследовательский комитет, предусмотренный этим Соглашением, является одной из немногих совместных структур двустороннего сотрудничества между Россией и ЕС, которая собирается на регулярной основе после 2014 г.

3. Европейизация российской судебной практики после 2014 г.

Важным фактором, составляющим позитивный багаж в отношениях между ЕС и Россией, является европейизация российского права. Речь идет не только о сближении российского законодательства с правилами и стандартами ЕС в соответствии со ст. 55 СПС и документами мягкого права, которые развивают ее положения. Сегодня мы можем говорить об устойчивой судебной практике применения соглашений ЕС — Россия в российском правопорядке.

¹² Van Elsuwege P. Overcoming Legal Incompatibilities and Political Distrust: the Challenging Relationship between the European Union and the Eurasian Economic Union // The EU-Russia: the way out or the way down? Moscow: Institute of Europe, 2018. Pp. 34—39.

¹³ Kembaev Zh. Regional Integration in Eurasia: The Legal and Political Framework // Review of Central and East European Law. 2016. Vol. 41. Pp. 157—194.

Практика российских судов имеет большое значение для понимания применения законодательства в России по двум причинам:

- а) в первую очередь это реальный результат гармонизации. Это закон в действии, закон в практической деятельности юристов;
- б) во-вторых, это специфический источник права в современном российском правовом порядке.

Хотя в российской правовой системе нет судебного прецедента в его классическом понимании, разъяснения вышестоящих российских судов чрезвычайно важны для реализации норм права на практике. Такие разъяснения являются источником толкования российского законодательства для нижестоящих судов. Кроме того, Конституционный Суд России имеет прерогативу толковать Конституцию. Его правовые позиции являются обязательными.

В 2005 г. я обнаружил первые 15 случаев применения СПС в практике российских судов. Через 5 лет было около 30 дел, где применялись СПС или секторальные соглашения¹⁴. Это позволило мне сделать предположение об арифметической прогрессии в увеличении количества таких случаев. К 2012 г. имелось более 20 случаев применения СПС, и около 100 случаев со ссылками на законодательство ЕС были известны в российской судебной практике. Суды разных уровней и инстанций российской судебной системы в своих решениях обращались к праву ЕС. Чаще всего в арбитражных судах России применялись нормы законодательства ЕС в области торговли, таможенных и налоговых дел¹⁵.

На сегодняшний день известно примерно 200 случаев, когда российские суды применяли СПС и другие соглашения между ЕС и Россией (в частности, Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между ЕС и Россией 2000 г. и Со-

глашение об упрощении визового режима между ЕС и Россией 2006 г.). 25 из этих случаев были рассмотрены в практике высших судов, а 7 дел были рассмотрены российскими вышестоящими судами в период 2014—2018 гг. Кроме того, российская справочная правовая система «КонсультантПлюс» по запросу «Европейский Союз» демонстрирует более 1 800 результатов в разделе «Судебная практика». В итоге я ошибся, говоря об арифметической последовательности. Это, очевидно, геометрическая прогрессия.

Конституционный Суд России лишь однажды обращался к положениям СПС — в 1997 г. по делу о толковании старого закона о государственной границе. Это был первый случай, когда российский суд упомянул об этом Соглашении в своей практике. При этом Конституционный Суд России в своих решениях ссылался на другие юридические документы ЕС, такие как Таможенный кодекс ЕС 1993 г., Рамочное решение о терроризме 2001 г., Директива о виде на постоянное жительство для граждан третьих стран 2003 г., Директива об экологической ответственности 2004 г.

В 2012 г. Высший Арбитражный Суд РФ подтвердил приоритет и прямое действие некоторых положений СПС в российском правовом порядке (в деле «Топол») ¹⁶. Как известно, в 2005 г. аналогичные выводы были сделаны Судом ЕС по делу *Simutenkov*¹⁷ в отношении положений о недискриминации в трудовых правах в соответствии со ст. 23 СПС. Любопытно, что Высший Арбитражный Суд упомянул об этом деле лишь один раз в своей практике — в 2012 г. относительно параллельного импорта. Согласно информационному письму Высшего Арбитражного Суда 2013 г., ссылка на положения СПС может рассматриваться как аргумент для недискри-

¹⁴ *Калиниченко П. А.* Практика Суда Европейского Союза по рассмотрению обращений российских граждан и юридических лиц // *Lex russica*. 2010. № 5. С. 1077.

¹⁵ *Petrov R., Kalinichenko P.* The Europeanization of Third Country Judiciaries through the Application of the EU Acquis: the Cases of Russia and Ukraine // *International and Comparative Law Quarterly*. 2011. Vol. 60. Pp. 337—339.

¹⁶ Решение Высшего Арбитражного Суда РФ от 01.10.2012 № 6474/12 // Официально опубликовано не было.

¹⁷ *Rechtssache C-265/03 Simutenkov v Ministerio de Educación y Cultura, Real Federación Española de Fútbol [2005]* // ECR I-2579.

минационного режима в отношении компаний из стран ЕС¹⁸.

В настоящее время Верховный Суд РФ и российские арбитражные суды в основном применяют СПС в случаях исполнения иностранных судебных решений в соответствии со ст. 98 СПС при рассмотрении дел, касающихся прав интеллектуальной собственности. Это отчасти объясняет, почему практика российских судов по применению европейского права растет при современной негативной тенденции в отношениях между ЕС и Россией. Положения СПС в указанных областях, в частности ст. 98 и приложения 10 СПС, по-прежнему действуют. Более того, эти сферы не подпадают под санкции или не находятся под каким-либо политическим давлением.

В то же время война санкций между Россией и ЕС также повлияла на российскую судебную практику. Мы знаем, что Суд ЕС рассмотрел несколько случаев оспаривания решений ЕС о санкциях в отношении России (в частности, дела Rotenberg¹⁹, Almaz-Antey²⁰, Kiselev²¹ и Rosneft). Однако мало известно, что сходные попытки оспаривания российских контрсанкций имели место в российской судебной практике. В 2014, 2015 и 2017 гг. Верховный Суд России рассмотрел несколько дел по искам об аннулировании Указа Президента России и других актов, касающихся ограничительных мер России в отношении продукции из ЕС. Результаты были сходные: Суд отклонил все претензии истцов²².

Кроме того, и это нечто новое, Суд ЕАЭС ссылается на право ЕС в своих решениях. Суд ЕАЭС был создан в соответствии с Договором о Ев-

разийском экономическом союзе 2014 г. При этом в практике его предшественника — Суда Евразийского экономического сообщества случаи применения или использования права ЕС неизвестны.

На настоящий момент Суд ЕАЭС рассмотрел около 30 дел. Как известно, в апреле 2017 г. Суд ЕАЭС сформулировал принцип прямого действия для права ЕАЭС в деле относительно правила de minimis для вертикальных соглашений на внутреннем рынке, отраженном в проекте Закона Беларуси о конкуренции. Хотя в этом деле не упоминается дело Van Gend en Loos²³, известное в практике Суда ЕС, Суд ЕАЭС разрешил дело в сходном ключе²⁴. Кроме того, 10 июля 2018 г. в Консультативном заключении по делу о толковании положений Договора о ЕАЭС и об определении места решений некогда существовавшей Комиссии Таможенного союза среди источников права ЕАЭС Суд ЕАЭС сформулировал приоритет права Союза над национальными правовыми актами и заключил, что государства-члены обязаны воздерживаться от принятия национальных правовых актов, противоречащих нормам права Союза²⁵.

Вместе с тем неясно, ограничены ли государства-члены решениями органов ЕАЭС в соответствии с Договором о ЕАЭС и в свете недавней прецедентной практики Конституционного Суда России относительно ограничения влияния международных органов на российский правовой порядок. (Среди прочего в деле «Авангард Агро Орел» в 2015 г. Конституционный Суд России распространил свою юрисдикцию на проверку

¹⁸ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 // Вестник ВАС РФ. 2013. № 5.

¹⁹ Rechtssache T-720/14, Rotenberg [2016] // ECLI:EU:T:2016:689.

²⁰ Rechtssache T-255/15, Almaz-Antey [2017] // ECLI:EU:T:2017:25.

²¹ Rechtssache T-262/15, Kiselev [2017] // ECLI:EU:T:2017:392.

²² Решение Верховного Суда РФ от 11.11.2014 № АКПИ14-1124 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 10 ; определение Верховного Суда РФ от 11.11.2015 по делу № АКПИ15-1007 // Официально опубликовано не было ; определение Верховного Суда РФ от 03.03.2017 № 305-АД17-43 по делу № А40-146689/2015 // Официально опубликовано не было.

²³ Rechtssache 26/62, Van Gend en Loos v. Nederlandse Asministratie der Berlastingen [1963] // ECR 1.

²⁴ Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 04.04.2017 по делу CE-2-1/1-17-БК, «Вертикальные соглашения» // URL: <http://courteurasian.org/doc-18093> (дата обращения: 30.04.2019).

²⁵ Отступ 5 пар. 5 Консультативного заключения Суда ЕАЭС от 10 июля 2018 г. // URL: <http://courteurasian.org/doc-21263> (дата обращения: 30.04.2019).

решений органов ЕАЭС, связанных с правами человека²⁶.)

4. Влияние решений Суда ЕС на практику российских судов

За период 2006—2018 гг. российские суды рассмотрели 51 дело, ссылаясь на практику Суда ЕС. Известно только 3 случая, когда они ссылаются в целом на «устоявшуюся практику Суда ЕС», в остальных делах упоминаются конкретные решения Суда ЕС. Упомянутые дела содержат 78 цитат из 28 решений Суда ЕС, вынесенных в период с 1981 по 2017 г.

Наиболее цитируемыми в российской судебной практике решениями Суда ЕС являются:

1. Объединенное дело C-354/03, C-355/03 и C-484/03 *Optigen Ltd*²⁷ (12 раз в период 2006—2011 гг.).
2. Дело 139/80 *Blanckaert & Willems*²⁸ (9 раз в период 2012—2016 гг.).
3. Дело C-48/09 *Lego Juris*²⁹ (6 раз в период 2015—2017 гг.).

Российские суды ссылались на решения Суда ЕС в своих делах по гражданским и коммерческим вопросам в таких областях, как налогообложение, выбор юрисдикции, права интеллектуальной собственности, таможня и ответственность на транспорте. Большая часть таких дел (43) рассматривалась российскими арбитражными судами разных звеньев судебной системы.

Высшие суды России сослались на прецедентное право Суда ЕС 7 раз в 6 делах в Высшем Арбитражном Суде (4) и Верховном Суде (2). В то же время практика Конституционного Суда России включает только одно упоминание «устоявшейся практики Суда ЕС» в Особом мнении

судьи Г. Гаджиева по делу о конституционности положений российского законодательства о временном применении международных договоров России³⁰.

Впервые судебная практика Суда ЕС была использована российскими арбитражными судами среднего уровня в их решениях по налоговым делам в 2006 г. Высший Арбитражный Суд России впервые применил прецедентное право Суда ЕС в 2012 г. В период между 2006 и 2013 г. российские суды в 18 делах ссылались на 5 решений Суда ЕС в области налогообложения и выбора юрисдикции. Три из этих решений Суда ЕС прозвучали в практике Высшего Арбитражного Суда 5 раз в 4 его решениях.

В течение 2014—2018 гг. российские суды 58 раз в 33 делах процитировали 25 судебных решений Суда ЕС. Суды расширили сферы, где они используют практику Суда ЕС. Помимо случаев применения практики Суда ЕС в налоговых и юрисдикционных делах, они начали ссылаться на прецедентное право Суда ЕС в своих решениях в других областях. Они также начали ссылаться на «принципы права» в соответствии с установленной практикой Суда ЕС.

Верховный Суд России сослался на 2 дела Суда ЕС по 2 решениям в области юрисдикции и защиты прав интеллектуальной собственности. Впервые он упомянул практику Суда ЕС в 2015 г. Суд по интеллектуальным правам рассмотрел 5 из 11 случаев, когда российские суды цитировали практику Суда ЕС в области прав интеллектуальной собственности. Впервые Суд общей юрисдикции применил практику Суда ЕС в своем решении по делу о компенсации за отмененный рейс в 2017 г.

Сравнивая два периода (2006—2013 и 2014—2018 гг.), важно подчеркнуть тот факт, что рос-

²⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 3 марта 2015 г. № 417-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 3.

²⁷ *Verbundene Rechtssachen C-354/03, C-355/03 and C-484/03 Optigen Ltd., Fulcrum Electronics Ltd., Bond House Systems Ltd v Commissioners of Customs & Excise* [2006] // ECR 483.

²⁸ *Rechtssache 139/80, Blanckaert & Willems PVBA v Luise Trost* [1981] // ECR I-00819.

²⁹ *Rechtssache C-48/09 P, Lego Juris A/S v OHIM* [2010] // ECR I-08403.

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова» // СЗ РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.

сийские суды уже сформировали и развивают собственную практику в цитировании прецедентов Суда ЕС в своих решениях. С одной стороны, в течение второго периода практика цитирования решений Суда ЕС российскими судами свидетельствует о существенном росте числа дел, расширении охвата и круга задействованных судов. С другой стороны, значение таких цитирований для разрешения дела по-прежнему носит факультативный характер. Российские суды обычно ссылаются на прецедентное право Суда ЕС только как на пример лучшей международной судебной практики. Конечно, они демонстрируют, что практика Суда ЕС является ориентиром для их решений, а иногда они даже применяют позиции Суда ЕС, но российские суды все еще далеки от реализации подходов практики Суда ЕС в толковании права.

5. Заключение

С правовой точки зрения современные отношения между ЕС и Россией, несмотря на ухудшение политического климата и снижение товарооборота между сторонами, остаются отношениями с высоким потенциалом.

Во-первых, это происходит из-за того, что стороны воздержались от мер по упразднению правовой основы отношений. Россия больше не «стратегический партнер», но правовая основа отношений практически та же.

Во-вторых, стороны заморозили развитие своей правовой базы без отмены результатов существующих переговоров. Это оставляет серьезные возможности для возврата к достигнутому результату в будущем. Особенно в свете обновления СПС.

В-третьих, стороны по-прежнему применяют двустороннюю правовую основу своих отношений. В частности, в вопросах торговли, в области свободы, безопасности и правосудия, в деятельности в области науки и технологий.

В-четвертых, продолжается европеизация российского законодательства и судебной системы.

В-пятых, есть все доказательства устойчивой судебной практики в применении соглашений ЕС — Россия в российском правовом порядке. Хотя отношения между ЕС и Россией находятся в негативном тренде, российская судебная практика по этим делам последовательно возрастает в геометрической прогрессии.

В-шестых, Суд ЕАЭС, а также российские суды активно используют в своих решениях прецедентное право Суда ЕС после 2014 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Калиниченко П. А., Митрохина А. Х. Правовые основы взаимоотношений между Россией и Европейским Союзом в сфере освоения космоса // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5. — С. 176—184.
2. Калиниченко П. А. Практика Суда Европейского Союза по рассмотрению обращений российских граждан и юридических лиц // Lex russica. — 2010. — № 5. — С. 1076—1089.
3. *Kembaev Zh.* Regional Integration in Eurasia: The Legal and Political Framework // Review of Central and East European Law. — 2016. — Vol. 41. — Pp. 157—194.
4. *Petrov R., Kalinichenko P.* The Europeanization of Third Country Judiciaries through the Application of the EU Acquis: the Cases of Russia and Ukraine // International and Comparative Law Quarterly. — 2011. — Vol. 60. — Pp. 337—339.
5. *Van Elsuwege P.* Overcoming Legal Incompatibilities and Political Distrust: the Challenging Relationship between the European Union and the Eurasian Economic Union // The EU-Russia: the way out or the way down? — Moscow : Institute of Europe, 2018. — Pp. 34—39.

Материал поступил в редакцию 30 апреля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kalinichenko P. A., Mitrohina A. H. Pravovye osnovy vzaimootnoshenij mezhdou Rossiej i Evropejskim Soyuzom v sfere osvoeniya kosmosa // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2018. — № 5. — S. 176—184.
2. Kalinichenko P. A. Praktika Suda Evropejskogo Soyuzo po rassmotreniyu obrashchenij rossijskih grazhdan i yuridicheskikh lic // Lex russica. — 2010. — № 5. — S. 1076—1089.
3. Kembraev Zh. Regional Integration in Eurasia: The Legal and Political Framework // Review of Central and East European Law. — 2016. — Vol. 41. — Pp. 157—194.
4. Petrov R., Kalinichenko P. The Europeanization of Third Country Judiciaries through the Application of the EU Acquis: the Cases of Russia and Ukraine // International and Comparative Law Quarterly. — 2011. — Vol. 60. — Pp. 337—339.
5. Van Elsuwege P. Overcoming Legal Incompatibilities and Political Distrust: the Challenging Relationship between the European Union and the Eurasian Economic Union // The EU-Russia: the way out or the way down? — Moscow : Institute of Europe, 2018. — Pp. 34—39.

Групповое совершение преступления по англосаксонскому уголовному праву: особенности законодательной регламентации

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу группового совершения преступления по англосаксонскому уголовному праву. Совершение преступления в соучастии обладает повышенной общественной опасностью и создает серьезную угрозу для каждого государства и общества в целом. Зарубежные законодатели применяют различные подходы к определению групповой преступности с учетом ее разнородного характера. В процессе исследования рассмотрена специфика законодательной регламентации вариаций преступных групповых формирований в странах семьи общего права. Компаративистский анализ законодательной регламентации группового совершения преступления позволяет отметить положительный опыт, который можно использовать для совершенствования отечественного уголовного законодательства, регламентирующего формы соучастия, и правоприменительной деятельности.

В исследовании отмечено, что уголовное законодательство англосаксонской правовой семьи характеризуется низким уровнем систематизации законодательства и повышенным вниманием к нормам (решениям), выраженным в судебном прецеденте. При этом существующие уголовно-правовые нормы, регламентирующие институт соучастия, соответствуют нормам международного права. Некоторые страны семьи общего права групповым формированием признают сговор между двумя и более лицами с целью совершения преступления. Отметим, что данный признак характерен и для отечественного уголовного законодательства. В соответствии со ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации, соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Вместе с тем значительным отличием уголовного права англосаксонской правовой семьи является законодательное закрепление качественного и количественного критериев групповых формирований (преступное объединение, организованная преступная группа, банда) в зависимости от степени общественной опасности совершения ими преступлений.

Ключевые слова: банда; группа лиц; заговор; организованная преступность; организованная преступная группа; преступная организация; преступное объединение; сговор.

Для цитирования: Жукова С. С. Групповое совершение преступления по англосаксонскому уголовному праву: особенности законодательной регламентации // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 151—160. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.151-160.

© Жукова С. С., 2020

* Жукова София Сергеевна, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации
Историческая ул., д. 130, г. Волгоград, Россия, 400089
Sofija-zhukova@rambler.ru

Organized Crime under Anglo-Saxon Criminal Law: Features of Legislative Regulation

Sofia S. Zhukova, Postgraduate in a Military College at Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
ul. Istoricheskaya, d. 130, Volgograd, Russia, 400089
Sofija-zhukova@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the comparative legal analysis of the group commission of a crime under Anglo-Saxon criminal law. The commission of a crime in conspiracy has an increased public danger and poses a serious threat to each state and society as a whole. Foreign lawmakers take different approaches to the definition of organized crime, taking into account its heterogeneous nature. The author studies the specificity of the legislative regulation of variations in criminal groupings in common law countries. A comparative analysis of the legislative regulation of organized crime allows us to note the positive experience that can be used to improve domestic criminal law governing forms of conspiracy and law enforcement.

The study notes that the criminal law of the Anglo-Saxon legal family is characterized by a low level of systematization of legislation and increased attention to the norms (decisions) expressed in the judicial precedent. At the same time, the existing criminal law standards governing the institution of conspiracy comply with international law. Some common law countries recognize a conspiracy between two or more persons for committing a crime as an organized crime group. It is important to note that this feature is also a characteristic of domestic criminal law. In accordance with Art. 32 of the Criminal Code of the Russian Federation, a conspiracy is the intentional joint participation of two or more persons in the commission of an intentional crime. At the same time, a significant difference between the criminal law of the Anglo-Saxon legal family is the legislative consolidation of the qualitative and quantitative criteria of group formations (criminal association, organized criminal group, gang) depending on the degree of public danger of their crimes.

Keywords: gang; group of persons; conspiracy; organized crime; organized crime group; criminal organization; criminal association; conspiracy.

Cite as: Zhukova SS. Gruppovoe sovershenie prestupleniya po anglosaksonskomu ugovnomu pravu: osobennosti zakonodatel'noy reglamentatsii [Organized crime under anglo-saxon criminal law: features of legislative regulation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):151-160. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.151-160.

Компаративистский анализ зарубежного уголовного законодательства играет значимую роль при исследовании отечественного права, поскольку является одним из способов решения научно-практических задач. Полагаем, что для более глубокого понимания особенностей решения сложных вопросов, связанных с законодательным конструированием уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за групповое совершение преступления, требуется обращение к зарубежному опыту. Особый интерес вызывает уголовное законодательство англосаксонской правовой семьи, которое имеет существенные отличия от российского законодательства. Правовая семья общего права характеризуется низким уровнем систематизации законодательства и повышенным вниманием к нормам (решениям), выра-

женным в судебных прецедентах. Основоположником данной правовой семьи является Великобритания. В последующем, в ходе реализации колониальной политики, нормы общего права распространились на другие государства. Отметим, что законодательство Соединенных Штатов Америки имеет свою специфику, в том числе и кодифицированный характер. Вследствие чего данную правовую систему условно можно поделить на группы «британского» и «американского» права.

Группа «британского» права. Как уже отмечалось, институт соучастия в английском уголовном праве разработан правовой доктриной и прецедентным правом. Выделяется несколько нормативных правовых актов, осуществляющих охрану общественных отношений: Закон «О серьезной организованной преступности и поли-

ции» (в редакции 2005 г.)¹, Закон «Об уголовном праве» (в редакции 1967 г.)², Закон «Об общественном порядке» (в редакции 1986 г.)³ и другие. Подчеркнем, что Закон «О серьезной организованной преступности и полиции» (в редакции 2005 г.) не раскрывает понятия групповых формирований, а лишь указывает на полномочия и функции правоохранительного и специализированного органов при осуществлении борьбы с организованной преступностью в целом. В английском законодательстве вообще отсутствует понятие преступной группы или преступной организации, которые отражаются в российском уголовном законодательстве. Однако групповое совершение преступлений британское уголовное законодательство определяет как «заговор». Статья 1 Закона «Об уголовном праве» (в редакции 1967 г.) регламентирует ответственность за осуществление заговора в том случае, когда лицо вступило в соглашение с другим лицом (лицами), с целью совершения действий, направленных на совершение какого-либо преступления.

Анна Серги отмечает, что на практике заговор может встречаться в трех вариантах:

- 1) если два или более лица (исполнители) присоединяются к совершению одного преступления;
- 2) если одно лицо помогает или поощряет другое с целью совершения одного преступления;
- 3) если два лица совместно участвуют в одном преступлении, в ходе которого первое лицо совершает новое преступление, предвиденное вторым⁴.

Закон «Об общественном порядке» (в редакции 1986 г.) предусматривает ответственность за совершение преступлений в составе банды. Бандитизмом признаются совместные действия трех и более лиц, совершенные с применением насилия или с угрозой применения такого насилия, с целью воздействия на личную безопасность другого лица (ст. 2 Закона). В доктрине британского уголовного права отмечается значимость количественного критерия, повышающего общественную опасность деяний, совершенных в составе такого группового формирования. Так, Пьер Хаук и Свен Петерке указывают, что количественный признак банды является обязательным, его отсутствие исключает данное преступление вообще⁵.

Правовая система Австралии основана на английском праве — в связи с ее колонизацией Англией в XIX в. Соответственно, правовыми источниками, наряду с кодифицированным законодательством, признаются процессуальные решения общего права и отдельные законодательные акты. Законодатель в ст. 11.2 Уголовного кодекса Австралии⁶ закрепляет совместную деятельность, образующую соучастие. Так, под соучастием понимается действие лица, направленное на помощь, подстрекательство или побуждение другого лица совершить преступление. Выделяются следующие признаки данного соучастия: 1) осознание лицом того, что оно действительно побуждает другое лицо к совершению преступления и 2) непосредственное совершение им преступления. «Преступный сговор» как разновидность группового формирования включает в себя соглашение между двумя

¹ Serious Organised Crime and Police Act 2005 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2005/15/contents/enacted> (дата обращения: 12.11.2018).

² Criminal Law Act 1977, Introductory Text is up to date with all changes known to be in force on or before 12 November 2018 // URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/45/introduction> (дата обращения: 12.11.2018).

³ Public Order Act 1986, 1987. P. 2.

⁴ Sergi A. Organised crime in English criminal law: lessons from the United States on conspiracy and criminal enterprise // Emerald Group Publishing Limited., 2015. Vol. 18 Iss. 19. P. 2.

⁵ Hauck P. and Peterke S. Organized crime and gang violence in national and international law // International review of the red cross. 2010. V. 92. Pp. 407—436.

⁶ Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / научное редактирование и предисловие к. ю. н., проф. И. Д. Козочкина, Е. Н. Трикоз ; пер. с англ. Е. Н. Трикоз. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002.

и более лицами с целью совершения преступления (ч. 1 ст. 11.5 УК Австралии). В качестве положительного опыта можно отметить закрепление признаков преступного сговора: 1) наличие соглашения с одним или более лицами; 2) наличие умысла на совершение преступления у виновного лица и хотя бы еще у одного из соучастников; 3) непосредственное совершение преступления виновным лицом и хотя бы еще одним из соучастников. В отличие от российского уголовного права, законодатель Австралии не конкретизирует круг соучастников. При совместных действиях виновного лица с другим лицом, даже если второй не подлежит судебному разбирательству или не был признан виновным, преступление признается совершенным в соучастии (ч. 5 ст. 11.2 УК Австралии). Отечественное уголовное законодательство с принятием новых рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ исключает соучастие при совместных деяниях указанных лиц (например, постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»; постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 4 декабря 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»)⁷. Особый интерес вызывает признание законодателем Австралии соучастием совместной деятельности не только физических, но и юридических лиц.

Так, преступным сговором признаются следующие разновидности соглашений:

- 1) совершение преступления с органом корпорации (п. «b» ч. 3 ст. 11.5 УК Австралии);
- 2) совершение преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности (п. «i» ч. 3 ст. 11.5 УК Австралии);
- 3) совершение преступления с лицом, в интересах которого или для защиты которого совершается данное преступление (п. «u» ч. 3 ст. 11.5 УК Австралии);
- 4) совершение преступления с участниками преступного соглашения, которые были оправданы судом по обвинению в сговоре (п. «d» ч. 3 ст. 11.5 УК Австралии).

Второй разновидностью соучастия является осуществление сговора с целью совершения обмана, т.е. получение какой-либо выгоды (ст. 135.3 УК Австралии). Под данным сговором понимается как соглашение двух и более лиц, так и реализация обмана юридическим лицом. Подчеркнем, что согласно уголовному законодательству Австралии субъектом данного преступления могут быть как физическое, так и юридическое лицо. В доктрине австралийского уголовного права отмечается, что данный состав преступления нельзя пересекать с мошенничеством, так как состав преступления, предусмотренный ст. 135.3 УК Австралии, не имеет самостоятельного предмета посягательства⁸.

Таким образом, законодатель Австралии закрепляет общее содержание сговора (сговор на совершение преступления и сговор на осуществление обмана), однако в средствах массовой информации наблюдается употребление обще-

⁷ Ранее действовавшие постановления Пленума Верховного Суда РФ признавали действия указанных лиц совершенными в группе лиц по предварительному сговору. Так, в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 22 марта 1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» было дано следующее разъяснение: «Действия участника разбойного нападения или грабежа, совершенные по предварительному сговору группой лиц, подлежат квалификации соответственно по ч. 2 ст. 145, п. «а» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст. 10 УК РСФСР или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности». В пункте 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» также содержалось подобное разъяснение: «Действия участников группового изнасилования подлежат квалификации по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости либо в силу требований ст. 10 УК РСФСР или по другим предусмотренным законом основаниям».

⁸ The law of crime conspiracy in Australia and England // The Sydney Law Review. Law Book Co and Sydney Law School (Australia), 1953. P. 126.

принятых понятий: организованная преступная группа или банда⁹. Соответственно, можно предположить, что различные виды групповых формирований выступают в качестве разновидностей преступного сговора.

Лорд Диплок указал, что институт соучастия наименее систематичный и самый иррациональный в английском уголовном праве, поскольку судебная система отказывается разработать согласованную теорию преступной группы за последние 300 лет¹⁰. Зачастую при такой простой регламентации ответственности за групповое совершение преступления суд примитивно раскрывает преступный сговор¹¹. С данными выводами невозможно не согласиться; отсутствие четких признаков преступных формирований приводит к проблемам применения уголовного законодательства в правоприменительной практике.

Правовая система Израиля является самостоятельной, но в то же время содержит нормы общего права. В ходе Синайско-Палестинской кампании в 1917 г. в Палестину вступили британские войска, что существенно повлияло на ее правовую систему. Соответственно, суды с целью регулирования общественных отношений опирались на развитые отрасли английского права. Европеизация государства привела к слиянию романо-германской и англосаксонской правовой семьи.

Законодатель Израиля одной из форм соучастия признает группу лиц, под которой понимается запрещенное объединение и стечение народа. Так, согласно ст. 145 Закона об уголовном праве Израиля¹², под запрещенным объединением понимается группа лиц, объединенная или нет, которая проповедует, призывает или поощряет в своем уставе или путем агитации

или иным образом к одному из запрещенных действий, указанному в уголовном законодательстве. Данное объединение может являться подразделением организации, действия которой направлены на осуществление преступлений (ч. 4 ст. 145 Закона об уголовном праве Израиля). Участниками данного группового формирования могут быть только физические лица, достигшие 16-летнего возраста (ст. 147 Закона об уголовном праве Израиля), и, как правило, группа состоит из двух или более лиц. Запрещенное стечение народа, в свою очередь, направлено на дезорганизацию спокойствия людей (ст. 151 Закона об уголовном праве Израиля) и, в отличие от запрещенного объединения, состоит как минимум из трех или более лиц, собравшихся для совершения преступления.

Необходимо отметить тот факт, что в уголовном праве Израиля совершение преступления в составе группы лиц выступает составообразующим признаком преступления — совершение нападения на полицейского при отягчающих обстоятельствах группой лиц, состоящей более чем из двух человек (ч. 3 ст. 274 Закона об уголовном праве Израиля). Кроме того, групповое совершение преступления является квалифицирующим признаком конкретного состава преступления — совершение различных нападений группой лиц, состоящей более чем из двух человек (ч. «гимел» ст. 381 Закона об уголовном праве Израиля). Особый интерес вызывает ст. 377 Закона об уголовном праве Израиля, регламентирующая ответственность за совершение конфискации организованными преступными группировками. Под ними понимается группа лиц, действующая организованно, систематически и продолжительное время в целях совершения тяжких правонарушений¹³.

⁹ Outlaw gangs make killing // URL: <https://www.theage.com.au/national/outlaw-gangs-make-killing-20060924-ge374j.html> (дата обращения: 20.11.2018).

¹⁰ Lord Carnwath gives the ALBA Annual Lecture From judicial outrage to sliding scales — where next for Wednesday? 12 November // URL: www.supremecourt.uk (дата обращения: 10.09.2018).

¹¹ The law of crime conspiracy in Australia and England // The Sydney Law Review. Law Book Co and Sydney Law School (Australia), 1953. P. 134.

¹² Закон об уголовном праве Израиля / пер. с иврита: М. Дорфман. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2010.

¹³ Закон о борьбе с организованными преступными группировками от 09.06.2003 // URL: <https://pravo.israelinfo.co.il/articles/ugp/488> (дата обращения: 12.11.2018).

Особенности уголовного законодательства Канады также определяются историческим развитием этой страны. Территорию будущей Канады осваивали переселенцы из Англии, а в XVIII в. Канада являлась британской колонией, на которую полностью распространялись английские законы. В Общей части Уголовного кодекса Канады¹⁴ законодатель закрепил положения о соучастии. Согласно ст. 21 УК Канады, если два или более лица формируют общее намерение на выполнение незаконной цели и оказание помощи друг другу и любой из них совершает преступление, их действия определяются как намерение общины.

Уголовное законодательство Канады предусматривает ответственность за совершение преступлений преступной организацией. Согласно ст. 467 (1) УК Канады, под преступной организацией понимается группа лиц, организованная из трех или более лиц, находящихся в Канаде или за ее пределами. Отличительной целью группового формирования является содействие или совершение одного или нескольких серьезных преступлений с целью прямого или косвенного получения финансовой выгоды. Обязательным аспектом преступной организации является условие — не принимать во внимание групповое формирование, которое создано для совершения единичного преступления. Обратим внимание на тот факт, что в Конвенции против транснациональной организованной преступности, принятой Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15 ноября 2000 г., используются аналогичные признаки, характеризующие организованную преступную группу¹⁵.

В доктрине уголовного права Канады существуют мнения по выделению иных признаков

преступной организации. Например, Т. Сингх в качестве таких признаков отмечает организационную структуру, долговечность и разнообразные интересы (совершение разнородных преступлений)¹⁶. С криминологической позиции Дж. Альбанезе упоминает еще о таких признаках, как получение рациональной прибыли от преступной деятельности, использование насилия или угрозы применения такого насилия, коррупции для поддержания иммунитета, монополии на рынках, ограниченное членство и обширное или тщательное планирование¹⁷.

Таким образом, уголовное законодательство группы «британского» права в большей степени ориентировано на понимание положений соучастия как совместного совершения преступления группой лиц, состоящей из двух или более участников. В качестве положительного опыта можно отметить тот факт, что в групповых формированиях (преступных организациях, запрещенных объединениях, бандах), отличающихся повышенной опасностью, законодатели закрепили количественные границы — от трех лиц.

В отличие от британского права, законодательство США является смешанной правовой системой. Оно включает в себя как нормы общего права, так и статутного, поэтому относится к **группе «американского» права**. Одним из основных нормативных правовых актов является Свод законов США¹⁸, в § 371 которого регламентируется ответственность за сговор. Под сговором здесь понимается объединение двух или более лиц, вступивших в соглашение с целью совершения посягательства или обмана в отношении Соединенных Штатов. В 1970 г. государство приняло Закон «О контроле над организованной преступностью», регулирующий деятельность правоох-

¹⁴ Criminal Code. Current to June 19, 2017. Last amended on June 19, 2017 // URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/index.html> (дата обращения: 11.11.2018).

¹⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/25 от 15 ноября 2000 г. (принята Конвенция против транснациональной организованной преступности и ратифицированной Федеральным законом Российской Федерации от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ *Singh Tarum Preet*. Ascertaining the Factors Responsible for the Phenomenon of Organized Crime in Canada and India. LLM Thesis Queen's University: Canada, 2009. P. 4.

¹⁷ *Albanese Jay*. Contemporary Issues in Organized Crime. Willow Tree Press New York, 1995. P. 4.

¹⁸ Уголовное право Соединенных Штатов Америки : сборник нормативных актов / сост., отв. ред. И. Д. Козочкин. М. : УДН, 1986. С. 31.

ранительных органов¹⁹. Данный нормативный правовой акт, как и вышеуказанный Закон Великобритании «О серьезной организованной преступности и полиции» (в редакции 2005 г.), не раскрывает понятие организованной группы. Однако в доктрине американского уголовного права выделяются признаки, характеризующие данное групповое формирование. К таким признакам С. Мэллори, например, относит: неидеологические мотивы, непрерывность деятельности, использование тактического и долгосрочного планирования, наличие правил и кодексов секретности, организованную иерархию, использование насилия и запугивания, получение огромной прибыли преступным путем, разделение участников на роли по специализациям, совершение отмывания денежных средств, использование юридических предприятий как фронтов незаконной деятельности и др.²⁰

Дж. Ричардс также отмечает множество признаков организованной преступной группы и, помимо коррупции, дисциплины, монополии, насилия, преемственности и других сходных признаков, выделенных С. Мэллори, называет: защиту лидеров организации путем отделения их от солдат, ячейки от ячейки и функции от функции; подрыв институтов общества и системы правовых и моральных ценностей; осуществление финансового контроля и операций²¹.

В настоящее время территориально-административные единицы США имеют самостоятельное уголовное законодательство. Каждый штат законодательно закрепил определение различных форм групповой преступности, отличающихся друг от друга. Так, законодатель штата Нью-Йорк²², как и в Своде законов США, рассматривает групповое совершение преступления через заговор. Причем выделяет несколько

уровней заговора, в зависимости от степени общественной опасности совершенного групповым формированием преступления:

- 1) лицо виновно в заговоре *шестой степени* при совместном совершении преступления с одним или более лицами (ст. 105.00 УК штата Нью-Йорк). Заговор шестой степени является преступлением класса В, т.е. наказание за совершенное деяние не должно превышать 25 лет лишения свободы (ст. 70 УК штата Нью-Йорк);
- 2) лицо виновно в заговоре *пятой степени* при совместном совершении тяжкого преступления с одним или более лицами либо лицо, достигшее 18-летнего возраста, совместно совершает тяжкое преступление с одним или более лицами, не достигшими 16-летнего возраста (ст. 105.05 УК штата Нью-Йорк). Заговор пятой степени является преступлением класса А, т.е. наказание за совершенное деяние — пожизненное лишение свободы (ст. 70 УК штата Нью-Йорк);
- 3) лицо виновно в заговоре *четвертой степени* при совместном совершении преступления класса В или С²³ с одним или более лицами либо лицо, достигшее 18 лет, совместно совершает данное преступление с одним или более лицами, не достигшими 16-летнего возраста (ст. 105.10 УК штата Нью-Йорк). Заговор четвертой степени является преступлением класса Е, т.е. наказание не должно превышать 4 лет лишения свободы (ст. 70 УК штата Нью-Йорк);
- 4) лицо, достигшее 18 лет, виновно к заговоре *третьей степени* при совместном совершении преступления класса В или С с одним или более лицами, не достигшими 16-летнего возраста (ст. 105.13 УК штата Нью-Йорк).

¹⁹ *Ефремов А. Е.* Развитие законодательства США по борьбе с терроризмом до 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 2. С. 97—102.

²⁰ *Mallory S. L.* Understanding Organized Crime. 2nd ed. 2012. Pp. 9—10.

²¹ *Richards J. R.* Transnational Criminal Organizations, Cybercrime, and Money Laundering: A Handbook for Law Enforcement Offi. 1999. P. 4.

²² New York State Law. Penal Law. Consolidated Laws of New York's Penal code // URL: <http://ypdcrime.com/penal.law/article105.htm#p105.05> (дата обращения: 25.06.2018).

²³ В соответствии со ст. 70 УК Нью-Йорка за совершение преступления класса С срок наказания не превышает 15 лет.

Заговор третьей степени является преступлением класса D, т.е. наказание не должно превышать 7 лет лишения свободы (ст. 70 УК штата Нью-Йорк);

- 5) лицо виновно в заговоре *второй степени* при совместном совершении преступления класса A с одним или более лицами (ст. 105.15 УК штата Нью-Йорк). Заговор второй степени признается преступлением класса B, т.е. наказание за совершенное деяние не должно превышать 25 лет лишения свободы (ст. 70 УК штата Нью-Йорк);
- 6) лицо, достигшее 18 лет, виновно в заговоре *первой степени* при совместном совершении преступления класса A с одним или более лицами, не достигшими 16-летнего возраста (ст. 105.17 УК штата Нью-Йорка). Данный заговор является преступлением класса A—I, т.е. минимальный срок наказания должен быть не менее 15 лет, но не более 25 лет лишения свободы (ст. 70 УК штата Нью-Йорк).

Законодательство штата Аризона²⁴ регламентирует ответственность за «преступный синдикат», под которым понимается любая комбинация лиц или объединение, участвующих или имеющих цель постоянно участвовать в деятельности, нарушающей одно или несколько положений уголовного закона (Section 13-2301). Под «комбинацией» понимается сотрудничество лиц в целях осуществления или содействие в осуществлении преступной деятельности или преступного синдиката (Section 13-2201). Наряду с этим уголовное законодательство предусматривает ответственность за создание «уголовной уличной банды», которая рассматривается как постоянно действующая официальная или неформальная ассоциация лиц, совершающая тяжкие акты (Section 13-105-8).

Законодательство штата Колорадо²⁵ такую «уголовную уличную банду» понимает как любую текущую организацию, ассоциацию или группу, состоящую из трех или более лиц, одной из целей деятельности которой является совершение одного или нескольких преступных деяний и члены которой индивидуально или коллективно участвуют в деятельности преступной группировки (Title 18 Article 23 Section 101).

Уголовный кодекс штата Техас²⁶ регламентирует ответственность за совершение преступного сговора лицом, если у него имеются намерения совершить фелонию (ст. 15.02 УК Техас). Фелония признается тяжким преступлением. Законодатель выделяет ситуации, при которых формируется данный преступный сговор: 1) одно лицо договаривается с другим или более лицами, что они или одно лицо (либо более лиц) осуществят преступное посягательство; 2) виновное лицо осуществляет соглашение с другим лицом (либо более лицами) с целью совершить совместные действия для реализации соглашения.

Участие в организованной преступной деятельности имеет место, когда лицо с целью учредить, возглавить или участвовать в «объединении» вступает в сговор для совершения или совершает одно или несколько указанных в данной статье преступлений (ст. 71.02 УК Техаса). В соответствии со ст. 72.022 УК Техаса лицо подлежит уголовной ответственности и в том случае, если оно осознанно и самостоятельно подстрекает лиц стать членами преступной группы. При этом указанный Закон не дает определения этого группового формирования. Другие штаты имеют аналогичные законодательные акты, предусматривающие ответственность за совершение преступления в составе группового формирования²⁷.

²⁴ Arizona Organized Crime Fraud and Terrorism // URL: <http://www.azleg.state.az.us/ArizonaRevisedStatutes.asp?Title=13> (дата обращения: 02.02.2018).

²⁵ Colorado Revised Statutes. Criminal Code, 2016 // URL: <https://law.justia.com/codes/colorado/2016/title-18/> (дата обращения: 10.02.2018).

²⁶ Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред. И. Д. Козочкина ; пер. с англ. Д. Г. Осипова, И. Д. Козочкина. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006.

²⁷ Brief review of federal and state definitions of the terms «gang», «gang crime», and «gang member» (as of December 2016) // URL: <http://www.nationalgangcenter.gov/Content/Documents/Definitions.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).

Нельзя не согласиться с тем, что в Техасе отсутствует законодательная классификация организованной преступности по видам. Закон «О борьбе с организованной преступностью в Техасе» определяет ее как группу, состоящую из пяти или более лиц. Данная группа лиц с целью совершения преступлений использует заговорщические средства²⁸. Дональд Лиддик подчеркивает, что единого и точного определения организованной преступности не существует. Автор указывает, что множество определений часто двусмысленны и иногда диаметрально противоположны друг другу, в то время как многие официальные отчеты об организованной преступности являются просто описаниями преступной деятельности групповых формирований, не имеющими значения для данного определения²⁹.

Таким образом, можно говорить о том, что уголовное законодательство американской правовой системы под соучастием понимает совершение преступления заговорщического характера группой из двух или более лиц, не принимая во внимание, какие роли выполняли конкретные лица в совершении преступления.

Как видим, групповое совершение преступлений в англосаксонской правовой семье по-разному описывается в законодательных актах, однако в значительной степени соответ-

ствует пониманию данного института в нормах международного права. На основе компаративистского анализа следует отметить положительный опыт уголовного законодательства стран семьи общего права (УК Австралии, Закон Великобритании «Об общественном порядке» (в редакции 1986 г.), Закон об уголовном праве Израиля, УК Канады, УК штатов Аризона и Колорадо), которые законодательно закрепили качественные и количественные признаки групповых формирований в зависимости от степени общественной опасности совершения ими преступлений.

С целью совершенствования отечественного уголовного законодательства, регламентирующего институт соучастия, и оптимизации практики его применения необходимо использовать вышеуказанный зарубежный опыт. Совершение преступления организованной группой в Особенной части УК РФ признается особо квалифицирующим признаком большого числа преступлений, что свидетельствует о повышенной общественной опасности (по сравнению с группой лиц и группой лиц по предварительному сговору), чем, на наш взгляд, обусловлена необходимость установления количественного признака (наличие трех или более лиц) при законодательном определении данной формы соучастия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ефремов А. Е.* Развитие законодательства США по борьбе с терроризмом до 11 сентября 2001 года // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2017. — № 2. — С. 97—102.
2. *Albanese J.* Contemporary Issues in Organized Crime. — New York, 1995. — 15 p.
3. Brief review of federal and state definitions of the terms «gang», «gang crime», and «gang member» (as of December 2016) // URL: <http://www.nationalgangcenter.gov/Content/Documents/Definitions.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).
4. *Hauck P. and Peterke S.* Organized crime and gang violence in national and international law // International review of the red cross. — 2010. — V. 92. — Pp. 407—436.
5. *Liddick D. R.* An Empirical, theoretical and historical overview of Organized Crime. — The Edwin Mellen Press, 1999. — 284 p.

²⁸ Prevention council's annual report on organized crime. Texas organized crime. 1978. P. 55.

²⁹ *Liddick D. R.* An Empirical, theoretical and historical overview of Organized Crime. The Edwin Mellen Press, 1999. P. 31.

6. Lord Carnwath gives the ALBA Annual Lecture From judicial outrage to sliding scales — where next for Wednesbury? 12 November 2013 // URL: www.supremecourt.uk (дата обращения: 10.09.2018).
7. Mallory S. L. Understanding Organized Crime. — 2nd ed. — 2012.
8. Outlaw gangs make killing // URL: <https://www.theage.com.au/national/outlaw-gangs-make-killing-20060924-ge374j.html> (дата обращения: 20.11.2018).
9. Richards J. R. Transnational Criminal Organizations, Cybercrime, and Money Laundering: A Handbook for Law Enforcement Offi. — 1999. — 312 p.
10. Sergi A. Organised crime in English criminal law: lessons from the United States on conspiracy and criminal enterprise // Emerald Group Publishing Limited. — 2015. — Vol. 18 Iss. 19.
11. Singh Tarun Preet. Ascertaining the Factors Responsible for the Phenomenon of Organized Crime in Canada and India. LLM Thesis Queen's University. — Canada, 2009. — 154 p.
12. The law of crime conspiracy in Australia and England // The Sydney Law Abstract. — Law Book Co and Sydney Law School (Australia), 1953. — 250 p.

Материал поступил в редакцию 20 мая 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Efremov A. E. Razvitie zakonodatel'stva SShA po bor'be s terrorizmom do 11 sentyabrya 2001 goda // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. — 2017. — № 2. — S. 97—102.
2. Albanese J. Contemporary Issues in Organized Crime. — New York, 1995. — 15 r.
3. Drief review of federal and state definitions of the terms «gang», «gang crime», and «gang member» (as of December 2016) // URL: <http://www.nationalgangcenter.gov/Content/Documents/Definitions.pdf> (data obrashcheniya: 15.11.2018).
4. Hauck P. and Peterke S. Organized crime and gang violence in national and international law // International review of the red cross. — 2010. — V. 92. — Pp. 407—436.
5. Liddick D. R. An Empirical, theoretical and historical overview of Organized Crime. — The Edwin Mellen Press, 1999. — 284 r.
6. Lord Carnwath gives the ALBA Annual Lecture From judicial outrage to sliding scales — where next for Wednesbury? 12 November 2013 // URL: www.supremecourt.uk (data obrashcheniya: 10.09.2018).
7. Mallory S. L. Understanding Organized Crime. — 2nd ed. — 2012.
8. Outlaw gangs make killing // URL: <https://www.theage.com.au/national/outlaw-gangs-make-killing-20060924-ge374j.html> (data obrashcheniya: 20.11.2018).
9. Richards J. R. Transnational Criminal Organizations, Cybercrime, and Money Laundering: A Handbook for Law Enforcement Offi. — 1999. — 312 r.
10. Sergi A. Organised crime in English criminal law: lessons from the United States on conspiracy and criminal enterprise // Emerald Group Publishing Limited. — 2015. — Vol. 18 Iss. 19.
11. Singh Tarun Preet. Ascertaining the Factors Responsible for the Phenomenon of Organized Crime in Canada and India. LLM Thesis Queen's University. — Canada, 2009. — 154 r.
12. The law of crime conspiracy in Australia and England // The Sydney Law Abstract. — Law Book Co and Sydney Law School (Australia), 1953. — 250 r.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.161-167

А. В. Елькина*,
А. А. Тювин**

Правовое обеспечение организации работы прокуратуры закрытого административно-территориального образования

Аннотация. Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что востребован научный интерес к вопросам организации работы государственных органов, обеспечивающих законность и защиту прав граждан, также органы прокуратуры играют важную роль в осуществлении государственных функций, помимо этого, в последнее время складывается ситуация, когда при работе органов прокуратуры нарушаются принципы их деятельности и организации. Оптимизация работы органов прокуратуры закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) имеет важнейшее значение, от того, насколько эффективно будет оптимизирована работа ведомства, зависит уровень осуществления функций органами прокуратуры и результаты проводимой работы. Оптимизировать работу прокуратуры ЗАТО представляется возможным с помощью подробного правового регулирования ее деятельности. В статье раскрыты правовая и научная регламентация деятельности органов прокуратуры ЗАТО, сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: прокуратура; управление; организация деятельности; правовое регулирование; закрытое административно-территориальное образование; органы государственной власти; органы местного самоуправления; муниципальное право; конституционное право; прокурорский надзор.

Для цитирования: Елькина А. В., Тювин А. А. Правовое обеспечение организации работы прокуратуры закрытого административно-территориального образования // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 161—167. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.161-167.

© Елькина А. В., Тювин А. А., 2020

* *Елькина Александра Вячеславовна*, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
eav.001@mail.ru

** *Тювин Алексей Алексеевич*, магистрант Уральского государственного юридического университета
Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137
kp@usla.ru

Legal Support for the Work Organization of a Closed Administrative and Territorial Unit Prosecutor's Office

Aleksandra V. Elkina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Constitutional Law at Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
eav.001@mail.ru

Aleksey A. Tyuvin, Master's Degree Student of the Ural State Law University
ul. Komsomolskaya, d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620137
kp@usla.ru

Abstract. The relevance of this topic lies in the fact that there is a demand for scientific interest in organizing the work of state bodies that ensure the legality and protection of citizen's rights. The prosecution authorities play an important role in the implementation of state functions. In addition, in the course of prosecutors' activities implementation there has been a violation of the prosecutors' work functions and organization. The optimization of the work of the prosecution authorities of the Closed Administrative Territorial Unit (ZATO) is of the utmost importance, the level of the implementation of the functions by the prosecution authorities and the results of the work depend on how efficiently the department will be optimized. It seems possible to optimize the work of the ZATO prosecutor's office through a detailed legal regulation of its activities. The paper discloses the legal and scientific regulation of the activity of the ZATO prosecutor's bodies, formulates suggestions for improving the current legislation.

Keywords: prosecutor's office; control; organization of activities; legal regulation; closed administrative-territorial unit; governing institutions; local government bodies; municipal law; constitutional law; public prosecutor's supervision.

Cite as: Elkina AV, Tyuvin AA. Pravovoe obespechenie organizatsii raboty prokuratury zakrytogo administrativno-territorialnogo obrazovaniya [Legal support for the work organization of a closed administrative and territorial unit prosecutor's office]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):161-167. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.161-167.

Под правовым обеспечением организации работы прокуратуры закрытого административно-территориального образования понимается в том числе нормативно-правовое регулирование вопросов организации работы, правовые основы проведения организационных мероприятий. В данном случае правовая регламентация осуществляется на уровне Конституции Российской Федерации, федерального законодательства, в том числе Федерального закона «О прокуратуре РФ»¹, подзаконных актов, ведомственных организационно-распоря-

дительных актов Генерального прокурора Российской Федерации.

Помимо этого, сущностью правового обеспечения деятельности прокуратуры является проведение работы в органах прокуратуры по систематизации законодательства. Так, одной из важнейших задач правового управления Генеральной прокуратуры РФ, в соответствии с Положением о правовом управлении Генеральной прокуратуры Российской Федерации, утвержденным Генеральным прокурором РФ 23.01.2012, выступает обеспечение мероприя-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). Гл. 7 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; Закон РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Российская газета. № 229. 25.11.1995.

тий по систематизации законодательства в органах прокуратуры.

Поскольку систематизация законодательства, нормативных правовых актов в органах прокуратуры составляет один из элементов внутренней организации работы прокуратуры, обеспечивающей эффективность и компетентность прокурорской деятельности, проведения надзорных мероприятий, то важно рассмотреть данный вопрос для лучшего понимания процесса организации работы прокуратуры².

При выстраивании государством системы органов государственной власти, определении порядка работы правоохранительных органов принимается во внимание соотношение времени, затрачиваемого государственным служащим на работу, и организация труда в том или ином виде в государственном органе. В случае прокуратуры для выяснения того, насколько правильно налажена работа в органах прокуратуры, учитывается время, затрачиваемое прокурорским работником на осуществление прокурорского надзора, проведение прокурорских проверок, других направлений прокурорской деятельности, и внутренняя организация работы соответствующей прокуратуры.

Рассматривая данный вопрос, следует отметить, что вплоть до 2004 г. никаких особенно значимых законодательных изменений по вопросу порядка осуществления систематизации в прокуратуре не происходило, хотя учеными и практическими работниками высказывались мнения о необходимости изменений в данной области организации работы прокуратуры. В 2004 г. был принят важнейший для порядка ведения систематизации в органах прокуратуры документ — приказ Генпрокуратуры России от 19.04.2004 № 9 «О систематизации законодательства в органах прокуратуры»³. Указанный приказ содержит также и Инструкцию о поряд-

ке ведения систематизации законодательства в органах прокуратуры, изучение содержания данной Инструкции позволит нам лучше понять порядок систематизации законодательства в прокуратуре ЗАТО, поскольку указанный приказ и Инструкция распространяет свои действия и на данный вид прокуратур.

Главным нововведением приказа «О систематизации законодательства в органах прокуратуры» является то, что им отменялось формирование в прокуратуре систематической картотеки законодательных актов, так называемого классификатора⁴, что является важным, так как снизило нагрузку на прокурорских работников при проведении систематизации законодательства, также и работа с таковым классификатором не может быть названа результативной, удобной, он не обеспечивал быстрый поиск необходимых правовых документов. В Инструкции, утвержденной вышеназванным приказом Генеральной прокуратуры, устанавливалась обязанность по соблюдению в прокуратурах сохранности картонок нормативных правовых актов, для того чтобы в них возможно было вести поиск законодательных актов, которые были приняты до 1991 г., в случае необходимости, а таковые документы вносились в классификатор в соответствии с действовавшим ранее порядком проведения систематизации законодательства в прокуратуре⁵.

Дискуссионным представляется вопрос о том, насколько в рассматриваемой Инструкции о порядке ведения систематизации законодательства в органах прокуратуры установленные ею положения о систематизации взаимообусловлены, верно сформулированы и имеют ли они должное практическое действие в процессе организации работы прокуратуры, осуществления прокурорской деятельности. Нормы Инструкции сформулированы обоснованно, исходя из имеющейся ситуации в работе

² См.: Стрельников В. В. Организационно-правовые проблемы, связанные с проведением систематизации законодательства в органах прокуратуры // Право и экономика. 2014. № 11. С. 41.

³ См.: Скуратов Ю. И. Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Семенова. М. : Юрид. лит., 2008. С. 121.

⁴ См.: Стрельников В. В. Указ. соч. С. 43.

⁵ См.: Бобырев В. В., Андреев Г. В. О развитии прокуратуры Российской Федерации (проблемы и пути их решения) // Право и безопасность. 2008. № 4. С. 47.

и деятельности органов прокуратуры Российской Федерации, но по необходимым вопросам либо когда в этом возникает потребность Генеральным прокурором РФ вносятся изменения в приказ «О систематизации законодательства в органах прокуратуры».

В соответствии с п. 1.2 рассматриваемой Инструкции для прокуроров городов, районов, приравненных к ним специализированных прокуратур, то есть и для прокуратуры ЗАТО, установлен порядок осуществления систематизации законодательства в прокуратуре, определено конкретно, какими способами таковая систематизация нормативных правовых актов должна производиться. Систематизация законодательства в прокуратуре проводится в виде организации учета федерального законодательства, федеральных нормативных правовых актов, ведения учета решений высших судебных инстанций, которые имеют нормативное значение, к примеру постановления Пленумов Верховного Суда РФ, формирования и соблюдения в контрольном состоянии основных кодексов Российской Федерации. Помимо этого, в подавляющем большинстве прокуратур городов, прокуратур ЗАТО также происходит учет актов органов местного самоуправления, нормативных правовых актов, законов субъекта Федерации, что имеет важное значение при проведении проверочных мероприятий органами прокуратуры, когда нужно учесть положения и регионального законодательства⁶.

Исходя из содержания Инструкции о порядке ведения систематизации законодательства в органах прокуратуры, рассмотрев положения о систематизации, которыми регулируется процесс рассматриваемой деятельности, можно прийти к выводу, что виды нормативных правовых актов, подлежащих систематизированию, закреплены в исчерпывающей форме. Но тем не менее в Инструкции предусмотрена воз-

можность принятия прокурором приказа либо распоряжения, которым на работников возлагается обязанность по систематизации и содержанию в контрольном состоянии и актуальном издании и других законодательных актов, которые не предусмотрены в приказе Генерального прокурора РФ, но в связи со спецификой осуществления прокурорской деятельности на конкретной поднадзорной территории их необходимо также учитывать в деятельности, использовать при проведении надзорных мероприятий, осуществлении прокурорского надзора. Следуя содержанию Инструкции, приходим к тому положению, что в прокуратуре в контрольном состоянии необходимо содержать именно кодексы Российской Федерации. При этом в случае внесения изменений в законодательстве, дополнений в статьи кодексов, признания утратившими силу тех или иных статей это отражается непосредственно на бумажном носителе, в соответствующем кодексе, путем вклеивания текста измененного издания статей, дополнения текста новыми статьями того или иного кодекса либо внесения пометок в текст кодекса о том, что статья утратила силу. Также существует мнение, что исходя из смысла Инструкции устанавливается, что в прокуратуре необходимо обеспечить наличие в контрольном состоянии в принципе всех нормативных правовых актов федерального законодательства, но представляется несколько необусловленным такое положение дел, накопление большого количества законодательных актов на бумажном носителе нерационально и лишь усложняет работу по поиску законодательства⁷.

В Инструкции, помимо всего прочего, нашел свое отражение вопрос об обеспечении органов прокуратуры справочными правовыми системами в электронной форме⁸. Инструкцией закреплено положение о том, что прокуратурами субъектов Федерации, областными прокурату-

⁶ См.: *Смирнов А. Ф.* Правовые и организационно-управленческие основы деятельности прокуратуры в России // Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации. М., 2005. С. 17—18.

⁷ См.: *Максимов В. А.* Управление в органах прокуратуры: понятие, значение, сущность // *Гражданин и право.* 2007. № 6. С. 3—4.

⁸ См.: *Зайцев О. А., Смирнов П. А.* Прокурорский надзор в Российской Федерации. М.: Экзамен, 2014. С. 158.

рами выделяются денежные средства, полученные ими из федерального бюджета, прокурорам районов, городов, прокурорам ЗАТО на приобретение справочных правовых баз данных, их установку, поддержание обновления электронных правовых баз, получение нормативных правовых актов по запросу в электронной форме. Остается открытым вопрос о том, насколько указанное положение приказа Генерального прокурора РФ соответствует требованиям Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁹, поскольку исходя из норм данного Федерального закона необходимо проведение открытого конкурса на получение услуги по поставке справочной правовой базы в прокуратуру. Но, возможно, наличие такого правового режима, как он, устанавливается в приказе Генерального прокурора Российской Федерации «О систематизации законодательства в органах прокуратуры», более соответствует необходимости оперативно и своевременно решать вопросы, связанные с обеспечением органов прокуратуры информационными базами. В таком порядке приобретение справочных правовых баз происходит быстрее, а значит, работа органов прокуратуры не сдерживается нереализованными техническими потребностями.

В Инструкции указывается также на требование вносить изменения в контрольные кодексы Российской Федерации наиболее точно, в полном соответствии с принятыми законодателем изменениями, в соответствии с их содержанием. При этом, когда вклеиваются дополнения в тексты кодексов либо делаются отметки в те или иные статьи, нужно указать источник изменения правовой нормы, дату принятия изменяющего документа, его номер. По общему правилу контрольные отметки к статьям делаются в верхней части первой страницы, но в случае, когда изменений внесено много и они представлены достаточно объемно, следует вносить изменения в тексты контрольных кодексов путем дополнения вклейкой. В случае признания статьи либо пункта утратившими силу изменения в кодексы

вносятся путем перечеркивания соответствующего текста, не подлежащего применению в дальнейшем. Такая работа по поддержанию в контрольном состоянии основных кодексов Российской Федерации, используемых при осуществлении прокурорской деятельности, способствует отслеживанию прокурорскими работниками актуальных изменений в законодательстве, повышается их осведомленность о содержании действующего в настоящий момент законодательства.

Переходя к вопросу о научном обеспечении организации работы прокуратур закрытых административно-территориальных образований, необходимо отметить, что такое обеспечение производится в различных формах. Одним из проявлений научного обеспечения деятельности прокуратуры является разработка в прокуратурах субъектов и в Генеральной прокуратуре РФ методических рекомендаций и информационных писем. Указанные методические рекомендации включают в себя порядок осуществления прокурорского надзора по конкретным направлениям, вопросы организации и проведения прокурорских проверок, они содержат материал, применимый в практической деятельности, и особое значение в методических рекомендациях подобного рода придается именно тому, каким образом необходимо проводить те или иные надзорные мероприятия, в них входит методика и тактика осуществления прокурорских проверок. Но данные материалы во всех случаях основаны на научных данных по соответствующему вопросу, исходят из проведенных научных исследований и имеющихся научных работ. Методические рекомендации и информационные письма рассылаются соответственно прокуратурами субъектов Российской Федерации либо Генеральной прокуратурой РФ в нижестоящие органы прокуратуры, в том числе и в прокуратуры ЗАТО, для использования в работе.

Формой научного обеспечения организации работы прокуратуры ЗАТО является и тот факт, что в обязательном порядке на прокурорских работников проводится подписка на ежеме-

⁹ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

сячный правовой научно-практический журнал «Законность», учредителем которого выступает Генеральная прокуратура РФ. Изучение сотрудниками прокуратуры содержащихся в данном периодическом издании научных статей способствует поддержанию высокого уровня профессионализма в органах прокуратуры, повышению правовой культуры.

Также в структуру Научно-исследовательского института Университета прокуратуры РФ входит отдел научного обеспечения организации прокурорской деятельности, в котором осуществляются научные исследования и актуальные и значимые научные разработки по направлениям прокурорского надзора, прокурорской деятельности. Работа данного отдела Научно-исследовательского института оказывает влияние на научную обеспеченность организации работы прокуратуры.

Как часть научного обеспечения деятельности прокуратуры могут рассматриваться и мероприятия по подготовке научно-педагогических кадров, которая осуществляется в образовательных и научных организациях прокуратуры, в основном в Университете прокуратуры РФ. Такая деятельность способствует развитию научного изучения вопросов прокурорской деятельности, проблем организации работы прокуратур.

В целом при планировании каких-либо законодательных изменений, касающихся вопросов деятельности органов прокуратуры, в том числе организации работы прокуратур, в случае реформирования структуры, системы органов прокуратуры следует основываться в первую очередь именно на научных исследованиях, имеющих научные работы. То есть подобного рода изменения должны быть научно обоснованы.

Также в настоящее время имеет место актуальная проблема, связанная с научным обеспечением организации работы прокуратуры, заключающаяся в том, что по некоторым институтам прокурорской деятельности, вопросам прокурорского надзора отсутствуют научные монографии.

По данному вопросу в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» имеет

место законодательный пробел, поскольку правовое и научное обеспечение органов прокуратуры не урегулировано в данном Законе, в связи с чем представляется обоснованным дополнить Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» статьей 51.1 следующего содержания:

«Статья 51.1. Систематизация законодательства в органах прокуратуры

1. В органах прокуратуры производится систематизация законодательства с целью отслеживания изменений в законодательстве.

2. Порядок проведения систематизации законодательства в органах прокуратуры устанавливается приказом Генерального прокурора Российской Федерации.

3. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора, издаваемые Генеральной прокуратурой Российской Федерации, прокуратурами субъектов Российской Федерации, необходимо использовать в работе нижестоящим прокуратурам».

Введение данной нормы также важно, поскольку имеет место приказ Генерального прокурора по данному вопросу, но норма федерального законодательства, в развитие которой принят приказ, отсутствует.

Таким образом, под закрытым административно-территориальным образованием (ЗАТО) понимается административно-территориальное образование, имеющее органы местного самоуправления. ЗАТО создается в целях обеспечения безопасного функционирования находящихся на его территории организаций, осуществляющих разработку, изготовление, хранение и утилизацию оружия массового поражения, переработку радиоактивных и других представляющих повышенную опасность техногенного характера материалов, военных и иных объектов (далее — организации и (или) объекты), для которых в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства устанавливается особый режим безопасного функционирования и охраны государственной тайны, включающий специальные условия проживания граждан¹⁰. Прокуратурой ЗАТО более активно и быстро раскрываются та-

¹⁰ Закон РФ от 14.07.1992 № 3297-1 (ред. от 29.06.2018) «О закрытом административно-территориальном образовании». Ст. 1 // Российская газета. № 190. 26.08.1992.

кие преступления, как убийство, угон, кража, разбой. Этому способствует строгий пропускной режим и активное взаимодействие между правоохранительными органами всех субъектов муниципалитета. При этом в целях совершенствования научного и правового обеспечения организации работы прокуратуры ЗАТО проку-

рорским работникам необходимо своевременно отслеживать изменения, вносимые в действующее законодательство, также в прокуратурах следует более активно использовать имеющиеся методические рекомендации по вопросам прокурорской деятельности, изучать научные работы по актуальным проблемам права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бобырев В. В., Андреев Г. В.* О развитии прокуратуры Российской Федерации (проблемы и пути их решения) // *Право и безопасность*. — 2008. — № 4. — С. 47.
2. *Зайцев О. А., Смирнов П. А.* Прокурорский надзор в Российской Федерации. — М.: Экзамен, 2014.
3. *Максимов В. А.* Управление в органах прокуратуры: понятие, значение, сущность // *Гражданин и право*. — 2007. — № 6. — С. 3—4.
4. *Скуратов Ю. И.* Правоохранительные органы Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Семенова. — М.: Юрид. лит., 2008.
5. *Смирнов А. Ф.* Правовые и организационно-управленческие основы деятельности прокуратуры в России // *Основы организации и управления в органах прокуратуры Российской Федерации*. — М., 2005. — С. 17—18.
6. *Стрельников В. В.* Организационно-правовые проблемы, связанные с проведением систематизации законодательства в органах прокуратуры // *Право и экономика*. — 2014. — № 11. — С. 41.

Материал поступил в редакцию 14 мая 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Bobyrev V. V., Andreev G. V.* O razvitii prokuratury Rossijskoj Federacii (problemy i puti ih resheniya) // *Pravo i bezopasnost'*. — 2008. — № 4. — S. 47.
2. *Zajcev O. A., Smirnov P. A.* Prokurorskiy nadzor v Rossijskoj Federacii. — M.: Ekzamen, 2014.
3. *Maksimov V. A.* Upravlenie v organah prokuratury: ponyatie, znachenie, sushchnost' // *Grazhdanin i pravo*. — 2007. — № 6. — S. 3—4.
4. *Skuratov Yu. I.* Pravoohranitel'nye organy Rossijskoj Federacii / pod red. Yu. I. Skuratova, V. M. Semenova. — M.: Yuridicheskaya literatura, 2008.
5. *Smirnov A. F.* Pravovye i organizacionno-upravlencheskie osnovy deyatel'nosti prokuratury v Rossii // *Osnovy organizacii i upravleniya v organah prokuratury Rossijskoj Federacii*. — M., 2005. — S. 17—18.
6. *Strel'nikov V. V.* Organizacionno-pravovye problemy, svyazannye s provedeniem sistematizacii zakonodatel'stva v organah prokuratury // *Pravo i ekonomika*. — 2014. — № 11. — S. 41.

Особенности субъектного состава гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений с участием прокурора

Аннотация. В советский период развития науки прокурорской деятельности отдельными авторами были обоснованы представления о правоотношениях с участием прокурора, которые не получили развития в современной науке. Активное развитие науки прокурорской деятельности в настоящее время обуславливает необходимость акцентирования внимания на таких категориях, как структура и содержание правоотношений с участием прокурора, их исследования и обоснования положений, на которых могло бы основываться их дальнейшее изучение. В статье представлены результаты изучения гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений с участием прокурора в части субъектного состава. Обоснован вывод об определении прокурора (но не органа прокуратуры) одним из субъектов основных гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений. Определены участники указанных процессуальных правоотношений и их роль. В результате исследования сделан вывод о том, что гражданские и арбитражные процессуальные правоотношения с участием прокурора являются двусторонними.

Ключевые слова: прокурор; арбитражный процесс; гражданский процесс; правоотношения; субъект.

Для цитирования: Головки И. И. Особенности субъектного состава гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений с участием прокурора // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 168—178. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.168-178.

Parties Involved in Civil and Arbitrazh Procedural Relations with the Prosecutor's Participation

Irina I. Golovko, Cand. Sci. (Law), Docent, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the Consideration of Criminal, Civil and Commercial Court Cases at St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Liteynyy pr-t., d. 44, St. Petersburg, Russia, 191104
irinaivanovna2009@yandex.ru

Abstract. In the Soviet period of the development of the prosecutorial activity science, individual authors substantiated ideas about legal relations with the participation of the prosecutor, which have not been developed in modern science. The current active development of the science of prosecutorial activity necessitates focusing on such categories as the structure and content of legal relations with the participation of the prosecutor, their research and substantiation of the provisions on which the further study could be based. The paper presents the

© Головки И. И., 2020

* Головки Ирина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Литейный пр-т, д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191104
irinaivanovna2009@yandex.ru

results of a study of civil and arbitrazh procedural legal relations with the participation of the prosecutor in terms of the subject elements. The conclusion on the determination of the prosecutor (but not the prosecutor's body) by one of the subjects of the main civil and arbitrazh procedural legal relations is justified. The participants of the indicated procedural legal relations and their roles are determined. Based on the study, it was concluded that the civil and arbitrazh procedural legal relations involving a prosecutor are bilateral.

Keywords: prosecutor; arbitrazh procedure; civil procedure; legal relationship; subject.

Cite as: Golovko II. Osobennosti subektnogo sostava grazhdanskikh i arbitrazhnykh protsessualnykh pravootnosheniy s uchastiem prokurora [Parties Involved in Civil and Arbitrazh Procedural Relations with the Prosecutor's Participation]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):168-178. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.168-178.

Понятие «субъект» традиционно применяется к правоотношениям для обозначения участвующих лиц, сторон правоотношений¹. По мнению ряда авторов, субъект деятельности может быть представлен с трех позиций: — в организационно-структурном аспекте (объединяемые и действующие в установленном порядке компетентные органы, организации и учреждения с их внутренними подразделениями (отделами, управлениями и пр.) и связями);

— на уровне трудового коллектива;

— на уровне отдельных личностей².

В настоящее время основные нормативные акты в сфере гражданского судопроизводства — Гражданский процессуальный кодекс РФ³, Арбитражный процессуальный кодекс РФ⁴ — не

содержат нормы, определяющей содержание понятия «прокурор». В связи с этим Верховный Суд РФ разъяснял, что, поскольку право прокурора на обращение в суд с заявлением закреплено процессуальным законодательством и в п. 3 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре)⁵, при определении содержания понятия «прокурор» в гражданском процессе следует руководствоваться положениями ст. 54 названного Закона, согласно которой «прокурор» включает не только непосредственно прокуроров, но и их заместителей, которые вправе обратиться в суд с заявлением⁶. Указанное разъяснение заслуживает внимания и в связи с тем, что содержит обоснование правила определения лица, наделенного распорядительными

¹ Александров Н. Г. Трудовое правоотношение : монография. М., 1948. С. 164 ; Дудин А. П. Диалектика правоотношений. Саратов, 183. С. 48—49 ; Зырянов С. М. Административно-надзорные правоотношения: содержание и развитие // Труды Института государства и права РАН. 2009. № 1. С. 95 ; Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. С. 115 ; Лапина М. А. К вопросу о сущности и структуре (составе) административных правоотношений // Труды Института государства и права РАН. 2009. № 1. С. 14 ; Матузов Н. И. Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. 1976. № 3. С. 23—33 ; Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 114.

² Карташов В. Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 19 ; Никитенко Ю. М. Локальная юридическая деятельность: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 11.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁵ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 15.01.2014 № 64-КГПР13-8 ; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за январь — июль 2014 года : Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 1 сентября 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

полномочиями в судопроизводстве. Указанными полномочиями наделено лицо, подписавшее исковое заявление (заявление) в суд. Если заявление подписано руководителем органа прокуратуры, то в случае его отпуска (отсутствия на службе по иным уважительным причинам) распорядительными полномочиями по определению судьбы заявленных требований наделено должностное лицо, исполняющее его обязанности на основании соответствующего приказа.

В соответствии с ведомственными нормативными актами обеспечение участия в рассмотрении дела в гражданском (арбитражном) процессе возлагается не только на руководителей органа прокуратуры, которые подписали заявление в суд, но и на иных прокурорских работников того же органа прокуратуры, а при наличии определенных объективных обстоятельств — на прокурорских работников иного органа прокуратуры по месту нахождения суда⁷.

Таким образом, в системе органов прокуратуры субъектами, участвующими в гражданском (арбитражном) процессе, являются Генеральный прокурор РФ, его советники, старшие помощники, помощники и помощники по особым поручениям, заместители Генерального прокурора РФ, их помощники по особым поручениям, заместители, старшие помощники и помощники Главного военного прокурора, все нижестоящие прокуроры, их заместители, помощники прокуроров по особым поручениям, старшие помощники и помощники прокуроров, старшие прокуроры и прокуроры управлений и отделов, действующие в пределах своей компетенции.

Дополним перечень указанием на руководителей структурных подразделений органов прокуратуры субъектов Российской Федерации, а также отметим, что в гражданском судопро-

изводстве участвуют прокурорские работники не только территориальных прокуратур (города, района, прокуратуры субъекта Российской Федерации), но и приравненных к ним специализированных прокуратур (военных, природоохранных и пр.). Важно, что правовой статус участвующего в деле прокурорского работника определяется статусом органа прокуратуры, в котором он проходит службу, и его должностью в органе прокуратуры, соответствующими положениями федеральных и ведомственных нормативных актов.

В рассмотрении одного дела в разные периоды могут участвовать разные прокурорские работники. При наличии уважительных причин (отпуск, болезнь и пр.) производится замена участвующего в деле прокурора. При этом определяющим обстоятельством является не должность прокурорского работника, а орган прокуратуры, в штате которого он состоит, так как эти прокурорские работники выступают от лица одного органа прокуратуры.

Однако, на наш взгляд, верным будет указать субъектом участия в гражданском судопроизводстве именно прокурорских работников, а не органы прокуратуры. Указанные нами ранее федеральные и ведомственные нормативные акты наделяют полномочиями прокуроров, но не органы прокуратуры.

Следует согласиться с мнением, что вне зависимости от того, кем представлен субъект деятельности в конкретной ситуации, «правовые предписания устанавливают его статус, пределы осуществления полномочий, способы закрепления вынесенных решений и полученных результатов»⁸.

Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что прокурор является субъектом правоотношений в гражданском судопроизводстве.

⁷ Приказы Генерального прокурора РФ от 10.07.2017 № 475 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве», от 07.07.2017 № 473 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном процессе» // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ *Амирбеков К. И.* Правообеспечительная юридическая деятельность: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 64—67 ; *Карташов В. Н.* Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 13—23 ; *Он же.* Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики) : учеб. пособие. Ярославль, 1992. С. 14—15.

Учитывая различные характерные признаки, которые присущи прокурорам как субъектам, участвующим в гражданском судопроизводстве, можно разделить их на группы по различным основаниям:

1) руководствуясь п. 1 ст. 11 Закона о прокуратуре, определившим систему органов прокуратуры, — по уровню органа прокуратуры, в котором они состоят на службе:

- прокурорские работники органов прокуратуры города, района (приравненной к ней специализированной прокуратуры);
- прокурорские работники органов прокуратуры субъекта Российской Федерации (приравненной к ней специализированной прокуратуры);
- прокурорские работники Генеральной прокуратуры РФ;

2) по процессуальному положению:

- обратившийся в суд с заявлением (иском) в интересах иного лица (ч. 1 ст. 45 ГПК РФ; ч. 1 ст. 52 АПК РФ);
- вступивший в дело для дачи заключения (ч. 3 ст. 45 ГПК РФ; ч. 5 ст. 52 АПК РФ);
- участвующий в деле в качестве третьего лица (на основании приказа Генерального прокурора РФ № 12, Минфина России № Зн от 20.01.2009 «О взаимодействии органов прокуратуры и Министерства финансов Российской Федерации при поступлении сведений об обращении в суд гражданина с иском (заявлением) о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного уголовного преследования»⁹);
- обратившийся в суд с встречным иском в защиту ответчика по первоначальному иску (на основании ст. 137 ГПК РФ, ст. 132 АПК РФ);
- обратившийся в суд общей юрисдикции с постановлением, в арбитражный суд — с заявлением и постановлением о возбуждении производства по делу об административном правонарушении;
- ответчик по делам об оспаривании решений и действий прокуроров по правилам гл. 24 АПК РФ;

— ответчик по гражданскому делу в отношении органов прокуратуры и их должностных лиц (на основании приказа Генерального прокурора РФ от 15.03.2018 № 144 «Об организации работы по обеспечению представительства и защите интересов органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в судах»¹⁰, например о взыскании компенсации причиненного морального вреда, о восстановлении на работе, о защите жилищных прав, по пенсионным спорам и пр.);

3) по признаку тождества участвующего в деле прокурора и лица, подписавшего заявление (иск) в суд:

- в деле участвует подписавший заявление (иск) прокурор;
- в деле участвует иной прокурорский работник того же либо иного органа прокуратуры;

4) в развитие классификации по третьему основанию представляется необходимым разделить прокурорских работников на две группы по признаку наличия распорядительных полномочий по иску (заявлению):

- наделен распорядительными полномочиями по заявленным требованиям;
- не имеет распорядительных полномочий по заявленным требованиям.

5) по стадии гражданского (арбитражного) процесса, когда конкретный прокурорский работник принял участие в рассмотрении дела судом:

- участвует на стадии производства в суде первой инстанции: при подготовке дела к судебному разбирательству, в судебном разбирательстве;
- участвует на стадии производства в суде апелляционной инстанции;
- участвует на стадии пересмотра судебных постановлений в суде кассационной инстанции;
- участвует на стадии пересмотра судебных постановлений в суде надзорной инстанции;
- участвует на стадии пересмотра судебных постановлений по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ СПС «КонсультантПлюс».

Точное представление о характерных особенностях должностных лиц органов прокуратуры позволяет правильно определить компетенцию и объем полномочий прокурора, правильно определить должностное лицо, которое должно участвовать в судопроизводстве.

В науке устоялось понимание, что те лица, которые нормами гражданского процессуального права наделяются правомочиями или на которых возлагаются обязанности, — субъекты гражданских процессуальных правоотношений¹¹. Следовательно, прокурора надлежит отнести к участникам гражданских процессуальных правоотношений в статусе их субъекта.

В настоящее время важнейшая проблема установления особенностей статуса прокурора — субъекта гражданских процессуальных правоотношений не нашла полного разрешения, так как положение и полномочия прокурора в некоторой степени исследовались только учеными в области гражданского процесса.

В дореволюционной науке прокурор не включался в концепцию гражданских процессуальных правоотношений, основное внимание ученых было сосредоточено на суде и сторонах. Впервые о гражданских процессуальных правоотношениях говорил О. Бюлов. По его мнению, субъектами процессуального отношения являются суд и стороны, процесс имеет трехсторонний характер, имеется связь сторон между собой и каждой из них с судом¹². Е. В. Васьковский представлял гражданский процесс как соединение двух двусторонних правоотношений (истец — суд, ответчик — суд). В силу наличия одного и того же субъекта в каждом из правоотношений (суда) он объединяет эти два правоотношения в одно сложное правоотношение¹³.

Авторы советского периода уделяли основное внимание изучению такого участника процессуальных правоотношений, как суд. В. П. Мозолин утверждал, что по советскому праву гражданско-процессуальное правоотношение — это отношение между судом как органом государства, осуществляющим правосудие по гражданским делам (а в стадии исполнения решения еще и между судебным исполнителем), и участвующими в деле заинтересованными лицами и органами государства¹⁴. Отмечали, что обязательным субъектом гражданских процессуальных правоотношений является суд, это особый руководящий субъект отношений, имеющий властные полномочия. Одновременно, как государственный орган, суд состоит в государственных отношениях¹⁵. М. А. Гурвич называл правоотношение суда со сторонами главным (основным), выделял также дополнительные правоотношения с участием третьих лиц с самостоятельными требованиями; правоотношения с участием лиц, защищающих права и интересы иных лиц (прокурор, организации, граждане)¹⁶.

Классифицируя участников правоотношений по признаку, чьи права и интересы защищают субъекты, выделяют тех, кто участвует в процессе в защиту своих субъективных прав; тех, кто защищает права иных лиц (в том числе прокурор); лиц, привлекаемых в процессе для содействия осуществлению правосудия, но не имеющих заинтересованности в деле (свидетели, эксперты, переводчики)¹⁷.

Проводя следующую классификацию, участвующих в деле лиц разделили в зависимости от стороны, которую занимают защищающие права и интересы субъекты (стороны, третьи лица, представители, прокурор — участвующие

¹¹ См.: Ванеева Л. А. Гражданские процессуальные правоотношения : учебное пособие. Владивосток, 1974. С. 26.

¹² Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. М., 1913. Т. 1. С. 683.

¹³ Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 686.

¹⁴ Мозолин В. П. Гражданско-процессуальное правоотношение по советскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954. С. 11.

¹⁵ См.: Ванеева Л. А. Указ. соч. С. 27—28.

¹⁶ Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения // Труды ВЮЗИ : Вопросы науки гражданского процессуального права. 1975. Т. 38. С. 61.

¹⁷ См.: Мозолин В. П. Указ. соч. С. 12 ; Ванеева Л. А. Указ. соч. С. 32.

в деле заинтересованные лица и органы государства), и называют тех, кто участвует в процессе на стороне истца, на стороне ответчика. При этом свидетели, эксперты, переводчики не являются субъектами процессуальных правоотношений, они субъекты вспомогательных правоотношений с судом, так как не заинтересованы в исходе дела¹⁸.

Отметим, что по значимости отношения с участием прокурора определяют следующим образом: основные процессуальные правоотношения (стороны и суд), дополнительные (суд и прокурор, иные органы, дающие заключение), служебно-вспомогательные (суд и свидетели, эксперты, переводчики). Субъекты основных и дополнительных правоотношений выступают лицами, участвующими в деле, защищают свои либо иных лиц права и интересы. Позиция субъектов служебно-вспомогательных правоотношений по иску нейтральна¹⁹.

Определяя структуру гражданских процессуальных правоотношений, нельзя не определять, сколько субъектов участвуют в отношениях. По этому вопросу также нет единого мнения. Высказывают мнения о двух сторонах правоотношений²⁰ и об их многосторонности. Соответственно, говорят о моносубъектности²¹, о многосубъектности гражданских процессуальных правоотношений²².

Е. В. Васьковский выделял известные в то время четыре точки зрения по вопросу гражданских процессуальных правоотношений. Первое

мнение — О. Бюлова: в одном правоотношении участвуют стороны и суд. Имеется точка зрения, что в двусторонних взаимоотношениях участвуют стороны и суд. По третьему мнению, суд не является субъектом правоотношений, стоит над сторонами, так как не преследует самостоятельных интересов в процессе. Утверждается также, что между сторонами и судом имеются взаимные связи, образованные их правами и обязанностями²³.

Отметим, что многие авторы не разделяют гражданские процессуальные и арбитражные процессуальные правоотношения²⁴. Подобные концепции обосновывались в науке неоднократно²⁵, так как «большинство дел, которые рассматриваются судами общей юрисдикции и арбитражными судами, имеет общую правовую основу, нормы об основных принципах судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах во многом совпадают», в гражданском процессе возможно использование институтов арбитражного процесса, причем «близость гражданского и арбитражного процессов позволила принять ряд законов, содержащих общие нормы, регулирующие эти процессы»²⁶. Последние изменения законодательства направлены на унификацию судопроизводства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах²⁷.

Учитывая, что гражданское судопроизводство включает гражданский процесс и арбитражный процесс как равные составляющие,

¹⁸ См.: Мозолин В. П. Указ. соч. С. 12.

¹⁹ См.: Гурвич М. А. Указ. соч. С. 22—23.

²⁰ См.: Ванеева Л. А. Указ. соч. С. 29.

²¹ См.: Мозолин В. П. Указ. соч. С. 11.

²² См.: Гурвич М. А. Указ. соч. С. 19—20; Иоффе О. С. Указ. соч. С. 99.

²³ Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 684—685.

²⁴ См.: Зубович М. М., Зубович Е. М. О структуре гражданских (арбитражных) процессуальных правоотношений // Сибирский юридический вестник. 2005. № 1. С. 31—34.

²⁵ См.: Клейн Н. И. О развитии арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. 2010. № 4 (160). С. 5—20; Мурадьян Э. М. Судебное право. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2007. 575 с.; Рязановский В. А. Единство процесса / вступ. ст.: М. К. Треушников. М.: Городец, 1996. 74 с.

²⁶ Клейн Н. И. Указ. соч.

²⁷ Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов

уместно распространить подходы, сформированные в науке гражданского процессуального права, на правоотношения в рамках арбитражного процесса, в целом рассматривая субъектов гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений.

Специфика участия прокурора в рассмотрении дел судами после прекращения существования СССР, прекращения действия Закона от 30.11.1979 № 1162-Х «О прокуратуре СССР»²⁸ претерпела значительные изменения: прокурор был лишен полномочий по надзору за исполнением законов при рассмотрении дел в судах. В тот период известный теоретик в области прокурорского надзора М. Н. Маршунов выступал сторонником существования двусторонних прокурорско-надзорных правоотношений²⁹. Указанная позиция заслуживает внимания и должна учитываться через призму современных полномочий прокурора в гражданском судопроизводстве как участвующего в деле лица. Любое многостороннее правоотношение можно разбить на составляющие его двусторонние правоотношения, что позволяет конкретизировать полномочия субъектов, объект правоотношений, цели и задачи реализации правоотношения.

В случае реализации прав и обязанностей, возникающих из правоотношений со сторонами и иными лицами, участвующими в деле, действия и решения прокурора регламентируются нормами процессуального закона и осуществляются под контролем суда. Нормы ГПК РФ, АПК РФ определили отдельные самостоятельные меры по взаимодействию участвующих в деле лиц, оставив контроль их осуществления суду.

Например, в соответствии с ГПК РФ направление заявления и приложенных к нему документов до подачи заявления в суд осуществляется без участия суда, но суд уведомляется о выполнении данной обязанности и ему пре-

доставляются подтверждающие документы; при подготовке дела к судебному разбирательству истец или его представитель передает ответчику копии доказательств, обосновывающих фактические основания требований; участвующим в деле лицам напрямую направляются (вручаются) копии апелляционных и кассационных жалоб (представлений) на судебные акты, возражения на апелляционную жалобу (представление), о чем суду предоставляются подтверждающие документы. АПК РФ предписывает направить отзыв на исковое заявление в суд и лицам, участвующим в деле; направить (вручить) копию апелляционной, кассационной жалобы и документов, отсутствующих у лиц, участвующих в деле, а также отзыв на апелляционную, кассационную жалобу и представить суду подтверждающие документы.

Однако в этом случае суд не является субъектом правоотношений участвующих в деле лиц. В последующем лицо, направившее (вручившее) документы, предоставляет суду подтверждение этого, суд должен проверить выполнение требований закона и при наличии (отсутствии) подтверждения выполнения обязанности применить предусмотренные законом соответствующие полномочия, тем самым осуществляются двусторонние правоотношения между судом и указанным лицом. Приведенные требования законодательства распространяются и на прокурора, участвующего в рассмотрении дела, который также вступает в правоотношения с участвующими в деле лицами.

Таким образом, на основании предписаний законодательства, доктринальных положений надлежит отметить, что прокурор — субъект двусторонних гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений с судом, а также двусторонних правоотношений со сторонами и иными лицами, участвующими в деле. При этом процессуальным законодательством прокурор не приравнивается по полномочиям

общей юрисдикции» ; Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

²⁸ СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ Маршунов М. Н. Прокурорско-надзорные правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1982. С. 18.

к стороне. Однако представляется неточным определить прокурора, обратившегося в суд с заявлением, субъектом дополнительных правоотношений, а стороны и суд — субъектами основных процессуальных правоотношений. Без иска (заявления) прокурора судопроизводство не осуществляется, прокурор наделен многими распорядительными правами, он вправе уточнить, изменить требования или отказаться от них. Прокурора надлежит определить одним из субъектов основных гражданских (арбитражных) процессуальных правоотношений. В деле прокурор может участвовать как на стороне истца, так и на стороне ответчика (например, если прокурор подает встречное исковое заявление в защиту прав и свобод граждан, к которым предъявлены требования истца и которые не имеют возможности осуществить судебную защиту самостоятельно).

На наш взгляд, в юридической литературе уделялось недостаточно внимания особенностям второй стороны правоотношений с участием прокурора в гражданском судопроизводстве. Эту сторону принято называть «субъект», «участник». Для четкого разделения прокурора и иных лиц применим к указанным лицам понятие «участники».

Участники являются необходимым элементом юридической деятельности. Это отдельные лица, их коллективы и организации, которые:

- принимают участие в деятельности для удовлетворения собственных интересов;
- содействуют субъекту или иным участникам в решении поставленных задач и реализации правомочий (переводчики, свидетели)³⁰;
- в отношении участников правоприменительной деятельности применяют нормы права, выносятся правоприменительные решения³¹.

Некоторые авторы утверждают, что понятия «субъект правоотношений» и «участник правоотношений» равнозначны³², однако нам ближе позиция о том, что участники и субъекты деятельности — это различные категории. Так,

применительно к участию прокурора в рассмотрении дел в порядке гражданского и арбитражного процесса в круг участников деятельности целесообразно включить лиц, которые обратились в прокуратуру в связи с нарушением их прав, свобод и законных интересов; лиц, содействующих прокурору в гражданском процессе, — свидетелей, экспертов, переводчиков, не имеющих заинтересованности в решении суда.

В число участников деятельности прокурора необходимо включить также участников гражданского (арбитражного) процесса, в котором участвует прокурор. В соответствии со ст. 34 ГПК РФ, ст. 40 АПК РФ участвующими в деле лицами являются: стороны; третьи лица; органы и лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным ст. 4, 46 и 47 ГПК РФ, ст. 53 АПК РФ; заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства и по делам, возникающим из публичных правоотношений.

Представляет интерес определение статуса лица, к которому предъявляются требования прокурора и работника. Виновное лицо является стороной по делу, в отношении него применяют нормы права, выносятся правоприменительные решения, поэтому возможно определить его статус как участника деятельности прокурора.

Прокурор выстраивает с участниками процесса взаимоотношения с целью обеспечения решения поставленных законом и ведомственными актами задач и реализации своих полномочий.

В случае обращения прокурора в суд с иском (заявлением) участников деятельности прокурора можно разделить на следующие группы:

- 1) лица, чьи права, свободы и законные интересы защищает прокурор (в силу ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, ч. 1 ст. 52 АПК РФ — граждане, неопределенный круг лиц, публично-правовые образования, организации);

³⁰ См.: *Карташов В. Н.* Профессиональная юридическая деятельность ... С. 14.

³¹ См.: *Сапун В. А.* Правоприменительная деятельность: особенности и структура // *Ленинградский юридический журнал*. 2005. № 3. С. 185—191.

³² См.: *Халфина Р. О.* Указ. соч. С. 114.

- 2) лица, к которым предъявлены требования прокурора: ответчики, заинтересованные лица;
- 3) лица, участвующие в деле: третьи лица; лица, обратившиеся в суд в интересах иных лиц, и лица, дающие заключение по делу;
- 4) представители лиц, к которым предъявлены требования прокурора, представители защищаемых прокурором лиц (в случае участия в деле);
- 5) участники вспомогательных правоотношений: свидетели, переводчики, эксперты;
- 6) участники правоотношений на стадии исполнения решения суда: ответчик, заинтересованное лицо, обязанные исполнить решение суда, а также судебный пристав-исполнитель службы судебных приставов, наделенный полномочиями по принудительному исполнению решения суда, чьи решения и действия прокурор вправе оспорить в административном и в судебном порядке.

В случае вступления прокурора в дело для дачи заключения участниками деятельности прокурора будут:

- 1) участвующие в деле лица: стороны; третьи лица; лица, обратившиеся в суд в интересах иных лиц, и лица, дающие заключение по делу;
  - 2) представители сторон;
  - 3) участники вспомогательных правоотношений: свидетели, переводчики, эксперты.
- Участвуя в рассмотрении судом дела для дачи заключения, прокурор не осуществляет деятельность на заключительной стадии судопроизводства — при исполнении решения. В этом случае в рамках надзора за исполнением законов судебными приставами прокурор оценивает законность действий и решений приставов при исполнении решений судов по искам иных лиц. Однако эти правоотношения не входят в круг гражданских (арбитражных) процессуальных правоотношений.
- Сформулированные выводы являются ступенью к изучению юридических фактов, обуславливающих участие прокурора в судопроизводстве, прав и обязанностей прокурора и иных участников правоотношений, к исследованию объекта и предмета, целей процессуальных правоотношений³³, способствуют развитию теоретической основы участия прокурора в рассмотрении судами дел в гражданском судопроизводстве и науки прокурорской деятельности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Александров Н. Г.* Трудовое правоотношение : монография. — М. : Юридическое издательство министерства юстиции СССР, 1948. — 339 с.
2. *Амирбеков К. И.* Правообеспечительная юридическая деятельность: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. — Ростов н/Д, 2006. — 441 с.
3. *Ванеева Л. А.* Гражданские процессуальные правоотношения : учебное пособие. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1974. — 40 с.
4. *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса. — М. : издание бр. Башмаковых, 1913. — Т. 1. — 701 с.
5. *Викут М. А., Зайцев И. М.* Гражданский процесс России. — М. : Юрист, 1999. — 384 с.
6. *Гурвич М. А.* Структура и движение гражданского процессуального правоотношения // Труды ВЮЗИ : Вопросы науки гражданского процессуального права. — 1975. — Т. 38. — С. 3—34.
7. *Дудин А. П.* Диалектика правоотношений. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. — 121 с.
8. *Жеруолис А. А.* Сущность советского гражданского процесса. — Вильнюс : Минтис, 1969. — 205 с.

³³ Следует отметить, что надлежит разграничивать процессуальные правоотношения прокурора, участвующего в том или ином судопроизводстве, и внепроцессуальные правоотношения, например принятие обращения гражданина о нарушении его прав и свобод, проведение по обращению проверки, подготовка заявления в суд и пр.

9. *Зубович М. М., Зубович Е. М.* О структуре гражданских (арбитражных) процессуальных правоотношений // Сибирский юридический вестник. — 2005. — № 1. — С. 31—34.
10. *Зырянов С. М.* Административно-надзорные правоотношения: содержание и развитие // Труды Института государства и права РАН. — 2009. — № 1. — 184 с.
11. *Иоффе О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. — 144 с.
12. *Карташов В. Н.* Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики) : учебное пособие. — Ярославль : Изд-во Яросл. ун-та, 1992. — 88 с.
13. *Карташов В. Н.* Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1990. — 41 с.
14. *Карташов В. Н.* Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2010. — № 1 (12). — С. 13—23.
15. *Клейн Н. И.* О развитии арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. — 2010. — № 4 (160). — С. 5—20.
16. *Лапина М. А.* К вопросу о сущности и структуре (составе) административных правоотношений // Труды Института государства и права РАН. — 2009. — № 1. — 184 с.
17. *Маршунов М. Н.* Прокурорско-надзорные правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Л., 1982. — 25 с.
18. *Матузов Н. И.* Общие правоотношения и их специфика // Правоведение. — 1976. — № 3. — С. 23—33.
19. *Мозолин В. П.* Гражданско-процессуальное правоотношение по советскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1954. — 15 с.
20. *Никитенко Ю. М.* Локальная юридическая деятельность: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2013. — 30 с.
21. *Сапун В. А.* Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. — 2005. — № 3. — С. 185—191.
22. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. — М. : Юрид. лит., 1974. — 352 с.

Материал поступил в редакцию 6 мая 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aleksandrov N. G. Trudovoe pravootnoshenie : monografiya. — M. : Yuridicheskoe izdatel'stvo ministerstva yusticii SSSR, 1948. — 339 s.
2. Amirbekov K. I. Pravoobespechitel'naya yuridicheskaya deyatelnost': problemy teorii i praktiki : dis. ... d-ra yurid. nauk. — Rostov n/D, 2006. — 441 s.
3. Vaneeva L. A. Grazhdanskije processual'nye pravootnosheniya : uchebnoe posobie. — Vladivostok : Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1974. — 40 s.
4. Vas'kovskij E. V. Kurs grazhdanskogo processa. — M. : izdanie br. Bashmakovyh, 1913. — T. 1. — 701 s.
5. Vikut M. A., Zajcev I. M. Grazhdanskij process Rossii. — M. : Yurist", 1999. — 384 s.
6. Gurvich M. A. Struktura i dvizhenie grazhdanskogo processual'nogo pravootnosheniya // Trudy VYuZl : Voprosy nauki grazhdanskogo processual'nogo prava. — 1975. — T. 38. — S. 3—34.
7. Dudin A. P. Dialektika pravootnoshenij. — Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 1983. — 121 s.
8. Zheruolis A. A. Sushchnost' sovetskogo grazhdanskogo processa. — Vil'nyus : Mintis, 1969. — 205 s.
9. Zubovich M. M., Zubovich E. M. O strukture grazhdanskijh (arbitrazhnyh) processual'nyh pravootnoshenij // Sibirskij yuridicheskij vestnik. — 2005. — № 1. — S. 31—34.
10. Zyryanov S. M. Administrativno-nadzornye pravootnosheniya: sodержanie i razvitie // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2009. — № 1. — 184 s.

11. Ioffe O. S. Pravoотношение по советскому гражданскому праву. — Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1949. — 144 с.
12. Kartashov V. N. Professional'naya yuridicheskaya deyatel'nost' (voprosy teorii i praktiki) : uchebnoe posobie. — Yaroslavl' : Izd-vo Yarosl. un-ta, 1992. — 88 с.
13. Kartashov V. N. Yuridicheskaya deyatel'nost' : problemy teorii i metodologii : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 1990. — 41 с.
14. Kartashov V. N. Yuridicheskaya praktika kak ob"ekt (predmet) pravovoj nauki // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. — 2010. — № 1 (12). — С. 13—23.
15. Klejn N. I. O razvitii arbitrazhnogo processual'nogo zakonodatel'stva // Zhurnal rossijskogo prava. — 2010. — № 4 (160). — С. 5—20.
16. Lapina M. A. K voprosu o sushchnosti i strukture (sostave) administrativnyh pravootnoshenij // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2009. — № 1. — 184 с.
17. Marshunov M. N. Prokurorsko-nadzornye pravootnosheniya : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — L., 1982. — 25 с.
18. Matuzov N. I. Obshchie pravootnosheniya i ih specifika // Pravovedenie. — 1976. — № 3. — С. 23—33.
19. Mozolin V. P. Grazhdansko-processual'noe pravootnoshenie po sovetskomu pravu : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1954. — 15 с.
20. Nikitenko Yu. M. Lokal'naya yuridicheskaya deyatel'nost' : obshcheteoreticheskij analiz : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2013. — 30 с.
21. Sapun V. A. Pravoprimenitel'naya deyatel'nost' : osobennosti i struktura // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. — 2005. — № 3. — С. 185—191.
22. Halfina R. O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii. — M. : Yuridicheskaya literatura, 1974. — 352 с.

О понятии правового просвещения

Аннотация. В статье предпринята попытка комплексного исследования правового просвещения как юридической категории. Рассматриваются современные научные подходы к определению понятия правового просвещения, проводится разграничение и определяется соотношение исследуемого правового феномена со смежными юридическими категориями. Автор приходит к однозначному выводу о том, что правовое просвещение как юридическая категория имеет самостоятельное правовое значение. На основе анализа современной научной юридической литературы и действующего законодательства автором выделены признаки правового просвещения, уточняющие и дополняющие существующие концепции. Сегодня правовое просвещение представляет собой самостоятельное направление государственной политики. Реализуемые в системе правового просвещения мероприятия выступают своеобразным инструментом формирования правовой культуры, стимулируют активное правомерное поведение индивидуумов. Целью правового просвещения является обеспечение полноценной правовой социализации человека, а конечным ожидаемым результатом — становление высокой правовой культуры общества.

Ключевые слова: правовое просвещение; правовая культура; правосознание; правовое образование; правовое воспитание; правовое обучение; правовое информирование; правовая грамотность; правовая социализация; правовая активность личности; активное правомерное поведение.

Для цитирования: Доценко А. С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 1. — С. 179—188. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.179-188.

On the Concept of Legal Education

Anastasia S. Dotsenko, Teaching Assistant of the Department of Forensic Medicine and Jurisprudence at Orenburg State Medical University
ul. Sovetskaya, d. 6, Orenburg, Russia, 460000
a-dotsenko-orb@yandex.ru

Abstract. The paper attempts to conduct a comprehensive study of legal education as a legal category. Modern scientific approaches to the definition of the concept of legal education are considered, a distinction is made and the relationship between the legal phenomenon under study and related legal categories is determined. The author comes to the unequivocal conclusion that legal education as a legal category has an independent legal significance. Based on the analysis of modern scientific legal literature and current legislation, the author identifies features of legal education that clarify and supplement the existing concepts. Today, legal education is an independent direction of state policy. The measures implemented in the system of legal education act as a kind

---

© Доценко А. С., 2020

* Доценко Анастасия Сергеевна, ассистент кафедры судебной медицины и правоведения Оренбургского государственного медицинского университета
Советская ул., д. 6, г. Оренбург, Россия, 460000
a-dotsenko-orb@yandex.ru

of tool for the formation of a legal culture and stimulate the active lawful behavior of individuals. The purpose of legal education is to ensure the full legal socialization of a person, and the final expected result is the formation of a high legal culture of society.

Keywords: legal education; legal culture; legal awareness; legal education; legal education; legal education; legal information; legal literacy; legal socialization; legal activity of an individual; active lawful behavior.

Cite as: Dotsenko AS. O ponyatii pravovogo prosveshcheniya [On the Concept of Legal Education]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(1):179-188. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.110.1.179-188.

Вопросы повышения правосознания, формирования высокой правовой культуры, борьбы с правовым нигилизмом, развития институтов гражданского общества и укрепления начал правового государства всегда имели большое значение. Сегодня в связи с колоссальными темпами социальных преобразований, прогрессирующим усложнением хозяйственных отношений, нарастающими процессами информатизации и цифровизации проблемы правового просвещения, воспитания и образования не только остаются актуальными, но и приобретают новое звучание. Наиболее перспективным направлением развития России в указанной области является формирование и развитие прогрессивной и отвечающей современным вызовам системы правового просвещения населения.

Отсутствие закрепленного законом, равно как и устоявшегося в науке, определения понятия правового просвещения обуславливает существование самых разнообразных интерпретаций этого термина. Рассмотрение существующих подходов к пониманию исследуемого явления важно для выяснения полного набора признаков его как юридической категории.

На начальном этапе исследования правового просвещения как правового феномена считаем возможным воспользоваться семантическим методом и установить общеупотребительное определение понятия «просвещение» по толковым словарям.

Большой академический словарь русского языка, являясь эталонным академическим словарем, определяет «просвещение» как «распространение знаний, образования, культуры; совокупность образовательно-воспитательных

мероприятий; приобретение, получение знаний; образование»¹. Производные от «просвещения» понятия БАС определяет следующим образом: «просвещать» — «передавать знания, распространять образование, культуру»; «просвещенный» — «образованный, имеющий высокий уровень культуры, знаний (о человеке); отличающийся высоким развитием и широким распространением культуры, образования (об эпохе, государстве)».

По Толковому словарю В. И. Даля «просветить, просвещать» — значит «даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце. Просвещенный человек — современный образованием; книжный, читающий, с понятиями об истине, доблести и долге»² (орфография и стилистика автора сохранены).

Анализ современной юридической научной литературы позволил выявить существование нескольких точек зрения на содержательное наполнение термина «правовое просвещение», которые иногда являются концептуально противоположными. Правовое просвещение в большинстве случаев дефинируется в различных соотношениях с такими юридическими категориями, как правовая культура (в том числе с отдельными ее элементами, например правосознанием), правовое образование, правовое обучение, правовое воспитание, правовое информирование.

В. В. Стреляева, рассматривая проблемы правового воспитания в условиях становления правового государства, упоминает о правовом просвещении как об одном из аспектов правового воспитания. Автор верно указывает на

¹ Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А. С. Герд. М. — СПб. : Наука, 2012. Т. 21. С. 237.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Прогресс, Универс, 1994. Т. 3 : П — Р. С. 1328.

недопустимость отождествления указанных правовых категорий, однако несправедливо сужает объем задач, стоящих перед правовым просвещением, отводя ему второстепенную, по сравнению с правовым воспитанием, роль³.

Профессор О. О. Миронов понимает правовое просвещение как «лишь начальный этап в понимании правовых категорий, юридических норм», выделяя в качестве последующих ступеней «обучение, воспитание культуры прав человека, образование в правовой области» (отмечая при этом, что данные категории близки, но не тождественны)⁴. По нашему мнению, такой подход является неоправданно узким, а предлагаемые соотношения приводимых категорий не отвечают смысловому наполнению терминов.

Профессор О. Ю. Рыбаков выделяет правовое просвещение в качестве одной из значимых форм реализации правовой политики, с помощью правового просвещения можно воздействовать на сознание, формировать определенный образ мыслей, юридическую культуру⁵. Автор особый акцент делает на том, что данная сфера должна быть охвачена государственными структурами, т.к. именно властные органы имеют наибольшие ресурсы для реализации обозначенных задач.

М. В. Барыкина приводит следующее определение: «Правовое просвещение представляет собой распространение в обществе знаний о праве и разъяснение положений действующих нормативных правовых актов, а также практики их применения в целях формирования убежденности в необходимости соблюдения законов и предупреждения правонарушений»⁶. Приво-

димое определение заслуживает внимания, однако требует уточнения и расширения.

В учебной литературе авторы редко упоминают о правовом просвещении при рассмотрении проблем правовой культуры и правосознания, но часто правовое просвещение рассматривается в качестве одного из аспектов правового воспитания. Так, И. А. Иванников понимает правовое просвещение как один из методов правового воспитания и определяет его следующим образом: «Правовое просвещение — это процесс распространения правовых знаний среди населения, что способствует росту их правовой культуры, уважительного отношения к праву, правосудию и законности»⁷. В. Л. Кулапов относит правовое просвещение (не раскрывая при этом его содержания) к числу организационных форм правового воспитания (наряду с правовым обучением, которое он называет «первостепенной формой», и правовой пропагандой)⁸. Концептуальные идеи приведенных подходов представляют научный интерес, однако требуют уточнения характера и объема взаимосвязей правового просвещения с правовым воспитанием, правовым образованием и обучением, правовым информированием.

Для того чтобы выяснить специфическое содержательное наполнение понятия правового просвещения, требуется не только разграничить его со смежными категориями, но и соотносить с ними. Содержание понятий «правовая культура», «правосознание», «правовое воспитание» достаточно хорошо исследовано современной юридической наукой⁹. Сложности вызывает определение содержания (и, как следствие, про-

---

³ Стреляева В. В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства : дис. ... канд. юр. наук. М., 2006. С. 11, 71.

⁴ Миронов О. О. Правовое просвещение — функция омбудсманов // Право и образование. 2009. № 5. С. 15.

⁵ Рыбаков О. Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 2. С. 14.

⁶ Барыкина М. В. Взаимодействие органов прокуратуры с Уполномоченным по правам человека в рамках правового просвещения и правовой пропаганды // Экономика и право. XXI век. 2013. № 1. С. 58.

⁷ Иванников И. А. Теория государства и права : учебник. М. : РИОР ; Инфра-М : Академцентр, 2012. С. 280.

⁸ Кулапов В. Л. Теория государства и права : учебник. М. : Кнорус, 2014. С. 360.

⁹ В последние годы издан ряд крупных монографических исследований, посвященных проблемам правовой культуры, правосознания, правового воспитания, например: Петручак Л. А. Правовая культура

ведение разграничения правового просвещения с ними) понятий «правовое образование», «правовое обучение», «правовое информирование».

Правовое образование предполагает усвоение систематизированного знания, а также, как правило, наличие обязательных механизмов контроля за таким процессом. Правовое обучение имеет своей целью передачу правового знания конкретной тематики либо привитие конкретных навыков. Очевидно, что в той или иной ситуации правовое обучение может быть как составляющей правового образования (например, быть одним из элементов учебного процесса в вузе), так и выступать в качестве относительно самостоятельной категории (например, обучение основам права взрослого населения).

Правовое воспитание также можно рассматривать и в качестве относительно самостоятельной категории (например, как одну из сфер государственной деятельности), и как составляющую образования. Л. А. Петручак подчеркивает, что образование человека осуществляется через его воспитание и обучение, которые составляют стороны единого процесса, а собственно образование в настоящее время рассматривается в качестве главного инструмента культурной преемственности поколений¹⁰. Такому подходу отвечает и современное легальное определение образования, которое понимается законом как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения...»¹¹

Изложенное выше позволяет сделать однозначный вывод о том, что правовое просвеще-

ние имеет самостоятельное смысловое значение. Оно сопряжено, однако не совпадает полностью с правовым воспитанием, правовым образованием и обучением, ни одна из названных категорий содержательно не поглощает другую. Правовое образование, правовое воспитание и обучение включены в правовое просвещение в той же степени, в которой правовое просвещение включено в них, при этом правовое просвещение является содержательно более широкой категорией.

Актуальным является также разграничение и соотнесение понятий «правовое просвещение» и «правовое информирование». «Информировать — давать информацию кому-либо, сообщать нужные сведения, осведомлять»¹². Просвещение, как было установлено выше, предполагает не только распространение знаний, культуры, но и определенную совокупность образовательно-воспитательных мероприятий. Правовое информирование как явление имеет отношение скорее к сфере «наличного» права, «работает» с правом в позитивистском его понимании¹³. Правовое просвещение в своем содержании заметно шире. Здесь право предстает в своем самом широком понимании. При этом правовое информирование всегда сопровождает правовое просвещение, выступая в качестве одного из его инструментов.

Термин «правовое просвещение» используется многими действующими нормативными правовыми актами Российской Федерации¹⁴, однако устоявшееся определение понятия

и юридическое образование в контексте модернизации российского общества : монография. М. : Проспект, 2011. 224 с. ; *Она же*. Правовая культура как детерминанта современного российского общества. М. : Юриспруденция, 2012. 400 с. ; *Певцова Е. А.* Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже XX—XXI веков. М. : Новый учебник, 2003. 416 с. ; *Байниязов Р. С.* Правосознание и правовой менталитет в России : Введение в общую теорию : монография. Саратов : СЮИ МВД России, 2001. 296 с.

¹⁰ *Петручак Л. А.* Правовая культура как детерминанта современного российского общества. С. 276.

¹¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Ст. 2 // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

¹² Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М. — СПб. : Наука, 2007. Т. 7. С. 348.

¹³ См. подробнее об информации, подлежащей доведению до сведения граждан в целях правового информирования: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». Ст. 28 // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 6725.

¹⁴ Например: Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан : Утв. приказом Президента РФ № Пр-1168 от 28 апреля 2011 г. // Рос-

правового просвещения в законодательстве по-прежнему отсутствует.

В современной юридической литературе наиболее часто используемым определением понятия правового просвещения является следующее — это целенаправленная и систематическая деятельность государства и общества по формированию и повышению правового сознания и правовой культуры в целях противодействия правовому нигилизму и обеспечения процесса духовного формирования личности, без которого нельзя обойтись, реализуя идею построения в России правового государства¹⁵.

Наиболее полному отображению содержания наполнения исследуемого правового феномена будет способствовать выделение признаков правового просвещения как юридической категории:

1. *Правовое просвещение сегодня представляет собой не просто специально организованную деятельность государства и общества, а выступает в качестве самостоятельного направления государственной политики.*

Сформулированная в 2011 г. Президентом РФ доктрина формирования высокой правовой культуры населения и борьбы с правовым нигилизмом получила официальное закрепление в Основах государственной политики Рос-

сийской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан на сегодняшний день являются ключевым документом, определяющим принципы, цели, основные направления и содержание государственной политики в сфере правового просвещения. Как следует из текста документа, Основы государственной политики направлены на формирование в обществе устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма; повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности; создание системы стимулов к законопослушанию как основной модели социального поведения; внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм. Адресатом осуществления государственной политики является весь многонациональный народ России, отдельные социальные группы и каждый гражданин.

Субъектный состав системы правового просвещения представлен органами государственной власти (наиболее активно включены в систему правового просвещения органы про-

---

сийская газета. 14.07.2011. № 151 ; Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011 ; Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вст. в силу с 01.01.2019) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145 ; Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3851 ; Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 6725 ; приказ Генпрокуратуры России от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» ; распоряжение Правительства РФ от 26 октября 2016 г. № 2246-р «О подписании Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области правового просвещения потребителей» // СЗ РФ. 2016. № 44. Ст. 6189 (опубликован без приложений).

¹⁵ См.: *Певцова Е. А., Соколов Н. Я.* Правовое просвещение в России : состояние и проблемы : монография. Ярославль — Москва : Канцлер, 2013. С. 41 ; *Савченко Е. В.* Вопросы правового воспитания молодежи в условиях современности // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук.* 2015. № 12-4. С. 135 ; *Андреева Е. Е., Морозов Г. Б.* Об эффективных формах правового просвещения граждан Российской Федерации // *Педагогическое образование в России.* 2016. № 1. С. 76 ; *Атагимова Э. И.* Роль правового просвещения в развитии правового государства // *Вестник Московского гуманитарно-экономического института.* 2016. № 4. С. 67.

кураторы, органы исполнительной власти), их должностными лицами и подведомственными организациями — как на федеральном уровне, так и в регионах; органами местного самоуправления; уполномоченными по правам человека; профессиональными юридическими сообществами и общественными объединениями юристов; общественными организациями; иными субъектами, в числе которых выделяются как специально создаваемые для реализации социально значимых проектов, так и осуществляющие правопросветительскую деятельность на функциональной основе.

Наиболее полно политика в сфере правового просвещения представлена в регионах Российской Федерации. С. Ю. Фильчакова и Л. Ю. Черняк, анализируя опыт организации правового просвещения в субъектах Российской Федерации, обращают особенное внимание на то, что правовое просвещение является одним из наиболее актуальных направлений государственной политики. Авторы делают выводы о том, что в России в различных формах и порядке формируется *система правового просвещения*, и о том, что она начала свою работу, исходя из богатого нормативного материала, накопленного в регионах¹⁶.

Деятельность общественных организаций (особенно выделяются региональные отделения Ассоциации юристов России, правозащитные организации) и иных субъектов, наделенных правом проведения государственной политики в сфере правового просвещения населения (юридические клиники при вузах, центры правовой информации и др.), в настоящее время представлена в основном их участием в системе оказания бесплатной юридической помощи. Она получает достаточно серьезную законодательную поддержку как на федеральном, так и на региональном уровнях.

По нашему мнению, современные реалии требуют более активного включения институ-

тов гражданского общества в систему правового просвещения населения, где они имеют возможность раскрыться как эффективный и результативный субъект. Они обладают значительным, но еще неиспользуемым в полной мере потенциалом. Такие перспективы обеспечиваются высоким доверием адресатов правопросветительского воздействия к институтам гражданского общества, которые не являются носителями государственной воли, а потому воспринимаются гражданами достаточно лояльно.

2. Обязательным атрибутом правопросвещенной личности должно стать активное правомерное поведение.

Л. А. Петручак ввела в научный оборот категорию «правовая активность субъектов». Правовая активность является высшим проявлением правового поведения личности, базируется на правосознании, зависит от него и предполагает осознанное движение личности к праву¹⁷. «Активное правомерное поведение является глубоко осознанным, целеустремленным, инициативным, направленным на осуществление правовых норм, поддержание правопорядка, законности, защиту интересов государства, общества, других граждан. Нормы права воспринимаются индивидом как объективно необходимые, целесообразные, выражающие его собственные взгляды, потребности, устремления». В данном контексте важно отметить тесную связь права как социального института с другим социальным феноменом — нравственностью.

О. Г. Шапиева, исследуя проблемы нравственно-правовой социализации личности, отмечает, что право и нравственность, соотносясь друг с другом в рамках нравственно-правовой культуры, оказывают регулятивное воздействие на сферу свободы, которая является основой духовного развития личности и всего общества, и объективно направлены на стимулирование правовой активности субъектов¹⁸.

¹⁶ Фильчакова С. Ю., Черняк Л. Ю. Опыт организации правового просвещения в субъектах Российской Федерации // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского. 2014. № 5—6 (32). С. 18—33.

¹⁷ Петручак Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества. С. 90—91.

¹⁸ Шапиева О. Г. Нравственно-правовая социализация личности : дис. ... д. ю. н. СПб., 1997. С. 20.

3. Правовое просвещение имеет своей целью обеспечение полноценной правовой социализации личности.

Право и нравственность создают необходимые предпосылки для социализации личности. По нашему мнению, именно полноценная социализация является необходимым условием и детерминантой активного правомерного поведения субъектов.

О. Г. Шапиева предлагает понимать структуру социализации как единство образования, воспитания и самовоспитания личности¹⁹. Действительно, социализация личности является двусторонним процессом, в который в равной степени должны быть включены как общество, так и сам индивид. В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук отмечают: «Социализация включает в себя, с одной стороны, целенаправленное воздействие социальных условий, различных социальных институтов на человека с целью приобщения его к системе понятий, оценок, представлений, социальных норм и иных ценностей культуры, принятых в обществе, с другой — социальную деятельность самого человека в процессе социализации, становления личности»²⁰.

Правовая социализация является не только целью, но и ожидаемым результатом правопросветительского воздействия. Правовое воспитание и образование, являясь одновременно формами и инструментами такого воздействия, стимулируют и закладывают фундамент процесса самовоспитания индивида, что способствует его полноценной социализации, обеспечивает непрерывность этого процесса.

4. Правовое просвещение выступает своеобразным инструментом формирования правовой культуры посредством воздействия на правосознание, которое, в свою очередь, обуславливает правовое поведение (в том числе в его наиболее развитой форме — правовой активности личности).

Е. А. Певцова, рассуждая о сущности правового просвещения в современных условиях, отмечает, что соответствующий целям правового просвещения уровень правового сознания и правовой культуры «предполагает наличие правовой подготовки и системы убеждений, характеризующихся признанием права, пониманием необходимости следовать его предписаниям, владение умениями и навыками реализации права. Полученные в ходе правового просвещения знания должны превратиться в личное убеждение, в прочную установку строго следовать правовым предписаниям, а затем — во внутреннюю потребность и привычку соблюдать правовой закон, проявлять правовую и политическую активность»²¹.

5. Конечным ожидаемым результатом проведения государственной политики в сфере правового просвещения населения является становление высокой правовой культуры общества.

Профессор В. Н. Синюков, рассуждая о современных вызовах российской юридической науки и права, заявляет о запросе общества на формирование опережающей правовой культуры, что позволило бы справиться с ними своевременно и качественно. В социальном правовом государстве, к статусу которого стремится Россия, правовая культура выступает естественной средой развития человека и важнейших сфер его жизни²². Надлежащий уровень правосознания, развитая правовая культура и достаточная правовая социализация членов общества являются предпосылкой и условием понимания человеком высокой степени собственной ответственности за свое благополучие во всех сферах, с одной стороны, и коррелирующей ей обязанности всегда иметь в виду интересы другого, равного себе по правам и обязанностям человека — с другой. Потому одной из ключевых задач правового просвещения является

---

¹⁹ Шапиева О. Г. Указ. соч. С. 312.

²⁰ Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П. Современная социология права : учебник. М. : Юристъ, 1995. С. 102.

²¹ Певцова Е. А., Соколов Н. Я. Указ. соч. С. 41.

²² Синюков В. Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. 2009. № 7. С. 34.

повышение доли целенаправленного процесса формирования правосознания и, тем самым, обеспечение требуемого уровня и качества правовой социализации субъектов.

Итак, проведенный анализ позволяет выделить следующие сущностные признаки правового просвещения как юридической категории:

1. Правовое просвещение представляет собой направление государственной политики, реализуемое широким кругом уполномоченных субъектов с активным включением институтов гражданского общества.
2. Реализуемые в системе правового просвещения мероприятия стимулируют ак-

тивное правомерное поведение индивидуумов.

3. Правовое просвещение посредством воздействия на правосознание выступает своеобразным инструментом формирования правовой культуры личности, социальной группы, общества в целом.
4. Целью правового просвещения является обеспечение полноценной правовой социализации человека.
5. Конечным результатом деятельности в сфере правового просвещения является становление высокой правовой культуры общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андреева Е. Е., Морозов Г. Б.* Об эффективных формах правового просвещения граждан Российской Федерации // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 1. — С. 75—81.
2. *Атагимова Э. И.* Роль правового просвещения в развитии правового государства // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. — 2016. — № 4. — С. 61—68.
3. *Байниязов Р. С.* Правосознание и правовой менталитет в России : Введение в общую теорию : монография. — Саратов : СЮИ МВД России, 2001. — 296 с.
4. *Барыкина М. В.* Взаимодействие органов прокуратуры с Уполномоченным по правам человека в рамках правового просвещения и правовой пропаганды // Экономика и право. XXI век. — 2013. — № 1. — С. 57—60.
5. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. А. С. Герд. — М. — СПб. : Наука, 2012. — Т. 21. — 630 с.
6. Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. — М. — СПб. : Наука, 2007. — Т. 7. — 730 с.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. — М. : Прогресс, Универс, 1994. — Т. 3 : П — Р. — 1782 с.
8. *Иванников И. А.* Теория государства и права : учебник. — М. : РИОР ; Инфра-М : Академцентр, 2012. — 352 с.
9. *Кудрявцев В. Н., Казимирчук В. П.* Современная социология права : учебник. — М. : Юристь, 1995. — 297 с.
10. *Кулапов В. Л.* Теория государства и права : учебник. — М. : Кнорус, 2014. — 384 с.
11. *Миронов О. О.* Правовое просвещение — функция омбудсманов // Право и образование. — 2009. — № 5. — С. 13—29.
12. *Певцова Е. А.* Правовая культура и правовое воспитание в России на рубеже XX—XXI веков. — М. : Новый учебник, 2003. — 416 с.
13. *Певцова Е. А., Соколов Н. Я.* Правовое просвещение в России : состояние и проблемы : монография. — Ярославль — Москва : Канцлер, 2013. — 240 с.
14. *Петручак Л. А.* Правовая культура и юридическое образование в контексте модернизации российского общества : монография. — М. : Проспект, 2011. — 224 с.
15. *Петручак Л. А.* Правовая культура как детерминанта современного российского общества : монография. — М. : Юриспруденция, 2012. — 400 с.

16. Рыбаков О. Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. — 2003. — № 2. — С. 5—14.
17. Савченко Е. В. Вопросы правового воспитания молодежи в условиях современности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 12-4. — С. 135—138.
18. Синюков В. Н. Юридическое образование в контексте российской правовой культуры // Журнал российского права. — 2009. — № 7. — С. 31—44.
19. Стреляева В. В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства : дис. ... канд. юр. наук. — М., 2006. — 183 с.
20. Фильчакова С. Ю., Черняк Л. Ю. Опыт организации правового просвещения в субъектах Российской Федерации // Вестник Института законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского. — 2014. — № 5—6 (32). — С. 18—43.
21. Шапиева О. Г. Нравственно-правовая социализация личности : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 1997. — 376 с.

Материал поступил в редакцию 26 апреля 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreeva E. E., Morozov G. B. Ob effektivnyh formah pravovogo prosveshcheniya grazhdan Rossijskoj Federacii // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. — 2016. — № 1. — S. 75—81.
2. Atagimova E. I. Rol' pravovogo prosveshcheniya v razvitii pravovogo gosudarstva // Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta. — 2016. — № 4. — S. 61—68.
3. Bajniyazov R. S. Pravosoznanie i pravovoj mentalitet v Rossii : Vedenie v obshchuyu teoriyu : monografiya. — Saratov : SYul MVD Rossii, 2001. — 296 s.
4. Barykina M. V. Vzaimodejstvie organov prokuratury s Upolnomochennym po pravam cheloveka v ramkah pravovogo prosveshcheniya i pravovoj propagandy // Ekonomika i pravo. XXI vek. — 2013. — № 1. — S. 57—60.
5. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka / gl. red. A. S. Gerd. — M. — SPb. : Nauka, 2012. — T. 21. — 630 s.
6. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo yazyka / gl. red. K. S. Gorbachevich. — M. — SPb. : Nauka, 2007. — T. 7. — 730 s.
7. Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. — M. : Progress, Univers, 1994. — T. 3 : P — R. — 1782 s.
8. Ivannikov I. A. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik. — M. : RIOR ; Infra-M : Akademcentr, 2012. — 352 s.
9. Kudryavcev V. N., Kazimirchuk V. P. Sovremennaya sociologiya prava : uchebnik. — M. : Yurist", 1995. — 297 s.
10. Kulapov V. L. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik. — M. : Knorus, 2014. — 384 s.
11. Mironov O. O. Pravovoe prosveshchenie — funkciya ombudsmanov // Pravo i obrazovanie. — 2009. — № 5. — S. 13—29.
12. Pevcova E. A. Pravovaya kul'tura i pravovoe vospitanie v Rossii na rubezhe HH—HHI vekov. — M. : Novyj uchebnik, 2003. — 416 s.
13. Pevcova E. A., Sokolov N. Ya. Pravovoe prosveshchenie v Rossii : sostoyanie i problemy : monografiya. — Yaroslavl' — Moskva : Kancler, 2013. — 240 s.
14. Petrushak L. A. Pravovaya kul'tura i yuridicheskoe obrazovanie v kontekste modernizacii rossijskogo obshchestva : monografiya. — M. : Prospekt, 2011. — 224 s.
15. Petrushak L. A. Pravovaya kul'tura kak determinanta sovremennogo rossijskogo obshchestva : monografiya. — M. : Yurisprudenciya, 2012. — 400 s.

16. Rybakov O. Yu. Formy realizatsii pravovoy politiki // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. — 2003. — № 2. — S. 5—14.
17. Savchenko E. V. Voprosy pravovogo vospitaniya molodezhi v usloviyah sovremennosti // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. — 2015. — № 12-4. — S. 135—138.
18. Sinyukov V. N. Yuridicheskoe obrazovanie v kontekste rossijskoj pravovoy kul'tury // Zhurnal rossijskogo prava. — 2009. — № 7. — S. 31—44.
19. Strelyaeva V. V. Pravovoe vospitanie v usloviyah stanovleniya pravovogo gosudarstva : dis. ... kand. yur. nauk. — M., 2006. — 183 s.
20. Fil'chakova S. Yu., Chernyak L. Yu. Opyt organizatsii pravovogo prosveshcheniya v sub"ektakh Rossijskoj Federatsii // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informatsii im. M. M. Speranskogo. — 2014. — № 5—6 (32). — S. 18—43.
21. Shapieva O. G. Nravstvenno-pravovaya socializatsiya lichnosti : dis. ... d-ra yurid. nauk. — SPb., 1997. — 376 s.